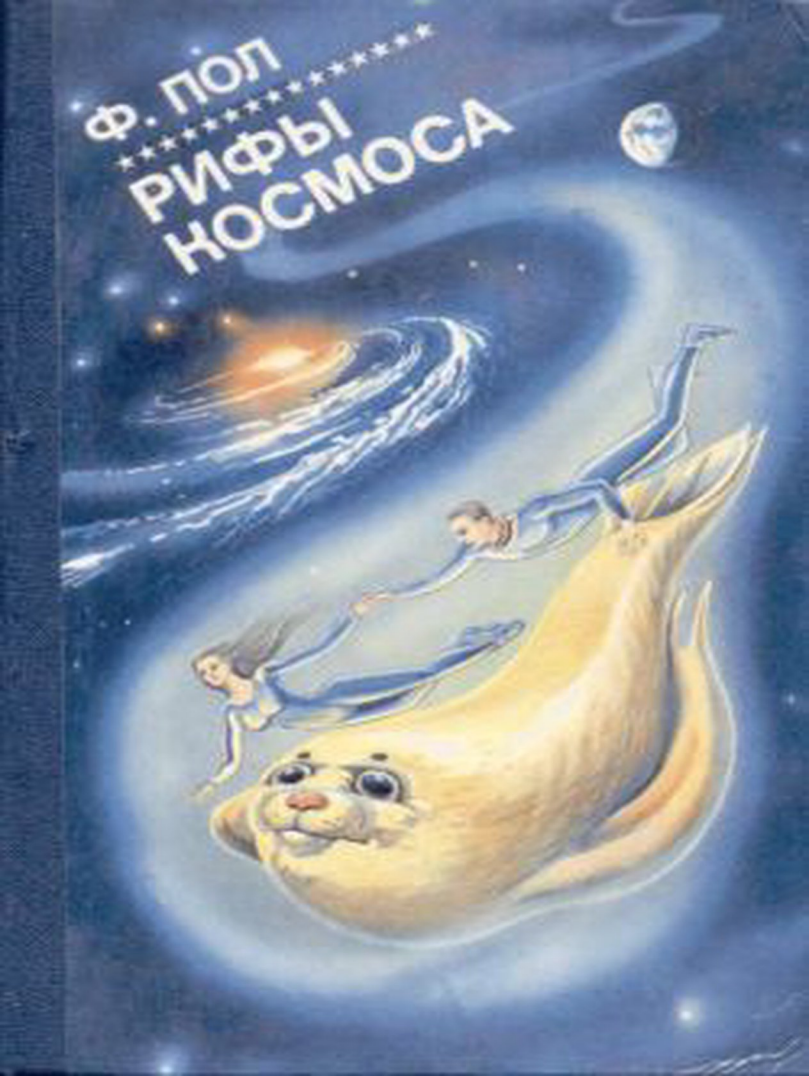
Ф. ПОЛ

РИФЫ КОСМОСА



Рифы космоса
Фредерик Пол, Джек Уильямсон

Фредерик Пол, Джек Уильямсон. Рифы космоса
* * *

Фредерик Пол, Джек Уильямсон
Рифы космоса

* * *

— Зарегистрироваться, быстро! — резко скомандовал майор. — Опы, вы что там, заснули? — Майор с антеннами радара напоминал рогатого черта. И был, действительно, опасен, как дьявол. Хотя вид у него был сонный и нижняя челюсть расслабленно отвисла.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Стив Райленд, оглядываясь по сторонам. Вот он, Рейкьявик, совершенно новый мир для Райленда, который только что прибыл из лагеря максимальной безопасности, что находится за Полярным кругом. Он никак не мог отвести взгляд от высоченных зданий, от реактивных лайнеров и ракет, разбросанных по полю аэропорта. Невысокий человек, стоявший рядом с ним, чихнул и подтолкнул Райленда. — Порядок, — успокоил его Райленд и вошел в пустую тесную комнатушку Службы Безопасности. Он выстучал на клавишах телетайпа, стоявшего в углу комнаты — типичного для этого здания:

«ИНФОРМАЦИЯ. Стивен Райленд, оп. АВС-38440 и О. В. Опорто, оп. ХУ-88842,

прибыли, на… — он взглянул на табличку с буквами кода, прикрепленную к корпусу телетайпа, — станцию 3, радиус — 4-261, Рейкьявик, Исландия.

ЗАПРОС: Какие следуют указания?»

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ, одна-единственная буква «П». Машина приняла и поняла сообщение и ввела его в свои банки памяти. А это означало, что сейчас последуют приказы. В комнату заглянула сотрудница службы. Губы ее, уже было изобразившие профессиональную улыбку, при виде железных воротников на шеях Райленда и Опорто вытянулись в тонкую линию. Преступники. Девушка кивнула майору и удалилась. Прозвенел сигнал телетайпа, и Машина напечатала приказание:

«ДЕЙСТВИЯ. Проследовать к поезду № 667, путь 6, купе 93».

Райленд прочел сообщение. Майор, заглянув через его плечо, ухмыльнулся:

— Прямой билет в орган-банк, как мне думается.

— Да, сэр, — сказал Райленд. Он не собирался вступать в споры. Бесполезно. Опу не переспо-

рить офицера, у которого на шлеме майорские радарные антенны.

— Тогда пошевеливайтесь, — проворчал майор. — Да, Райленд.

— Слушаю, сэр?

Майор подмигнул.

— Спасибо за шахматы. Надеюсь, еще увижу вас. По крайней мере, отдельными частями. — Он довольно загоготал им вслед. — И без глупостей, не забывай, где находишься, — предупредил он.

— Я не забуду, — тихо сказал Стив Райленд, дотронувшись до железного кольца на шее.

Опорто снова чихнул.

— Пойдем, — проворчал он.

— Ладно. Какой там был номер?

Темноволосый коротышка усмехнулся.

— Поезд № 667, путь 6, купе 93. Легко запомнить. Ап-чхи! Проклятье, — сказал он, — я уже, кажется, простудился. Давай скорее уберемся с этого сквозняка.

Райленд направился к выходу. Без всякой охраны они пересекли тротуар и подошли к ряду такси, где сели в свободную машину. Туристы, работник аэропорта, все, кто проходил мимо, бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники и отворачивались. Никто

не заговорил с ними. Райленд набрал на пульте код места назначения, и такси помчалось по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над входом в здание было высечено:

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
СТАНЦИЯ СУБПОЕЗДА

Они пересекли обширный зал ожидания, наполненный гулом пассажиров. Сделать это было нетрудно. Райленд грустно усмехнулся. Без глупостей, помни! Еще бы — причина ясна. Человеку с железным кольцом на шее не стоит уклоняться от назначенного маршрута. А если он это сделает, то всем остальным лучше быть в этот момент где-нибудь подальше — так будет полезней для их здоровья.

— Нам на шестой путь, так?

— Да, поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли? — поинтересовался Опорто.

— Шестой путь — это сюда, — Райленд показал вперед. Шестой путь оказался грузовой платформой. Они спустились по пролету выключенного эскалатора и вышли к путям субпоезда. С тех пор, как подземные линии субпоезда опоясали весь мир, невозможно было сказать, куда

именно направляется ваш состав. Из Исландии он мог идти в Канаду, Бразилию, даже Африку; чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызли идеально прямые туннели сквозь любую породу. Субпоезда пролетали в безвоздушном пространстве туннелей, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку трения не было, скорость их была сравнима со скоростями межпланетных лайнеров.

— Где же наш поезд? — проворчал Опорто, озираясь. Режущий свет заливал неуютную платформу, сверкая на боках гигантских алюминиевых емкостей, лежавших в гнездах люлек, пока еще по эту сторону вакуум-створов. Рабочие с помощью кранов и грузовиков загружали транспортные емкости на соседней платформе. На платформе в сотне ярдов от них у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Ставлю шесть против пяти, что следующий поезд — наш, — коротко сказал Опорто.

— Я пас, — ответил Райленд, решивший не заключать пари. Но втайне он надеялся, что коротышка прав. На платформе было холодно. Остуженный воздух гудел в раструбах вентиля-

торов. Опорто, и без того продрогший, чихнул и начал шмыгать носом. Райленд и сам поеживался в своей лагерной робе. Когда в лагерь пришло указание об их отправке, заключенных, как того требовали правила, подвергли тщательному медицинскому осмотру. Таково было всеобщее правило Плана Человека, и осмотр включал в себя горячий душ. «В орган-банке требуется чистенькое мясо», — грубо захохотал охранник, но Райленд не обратил на него внимания. Он не имел права размышлять. Человеку с железным кольцом на шее не разрешалось заглядывать в будущее. Он мог думать только о том, как избавиться от кольца — и ни о чем больше. В шахте туннеля прозвучал вопль предупреждающей сирены. Райленд едва не подпрыгнул. Опорто повернулся немного медленнее, словно он этого и ожидал. На вакуум-створах шестого пути замигали красные огни. Начали работать воздушные клапаны. Створы медленно разошлись, и появился тягач, тащивший за собой установленный на люльку-тележку вагон, который они и ждали.

— Ты бы проиграл, — заявил Опорто, и Райленд кивнул.

Вагон остановился. Снова зафыркали выравнивающие давление клапаны, и затем, высокие

двери откинулись и легли на платформу. Вдоль них побежали ленты эскалатора.

— Стив, мне это совсем не нравится! — с тревогой сказал Опорто. Из дверей вагона показались два человека в форме. Они не взглянули на Райленда и Опорто, они спешили. У каждого была толстая кожаная сумка курьера, и была она такого же цвета, как и сама униформа. Ярко-голубые униформы! Но ведь это же цвет особой охраны… Не веря себе, Райленд поднял взгляд. Под потолком, среди путаницы трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет, падая на сферу вагона. На ее вершине, в сорока футах над платформой, ясно выделилась сверкающая голубая звезда, а под ней выведенные белой краской слова.

ПЛАН ЧЕЛОВЕКА
КАБИНЕТ ПЛАНИРУЮЩЕГО

Специальный вагон, которого они ждали, был личным вагоном самого Планирующего!!!

Первой мыслью, мелькнувшей в голове Райленда, было: теперь я наконец смогу представить мой случай самому Планирующему. Но вторая мысль перечеркнула первую. Планирующий, как и всякий человек на Земле и планетах Солнеч-

ной системы, был лишь орудием Планирующей Машины. Если Райленд когда-нибудь будет свободен, если воротник снимут с его шеи, то это произойдет только потому, что Машина примет соответствующее решение. Человеческие аргументы на нее не действуют. Усилием воли Райленд выбросил мысль из головы. И все же он не мог избавиться от слабой надежды. По крайней мере, они почти наверняка направляются не в орган-банк!

— Какое у нас купе?

Опорто вздохнул:

— 93. Ты хоть что-нибудь способен запомнить? Поезд 667 — произведение двух простых чисел 23 и 29. Путь 6 — их разность. Купе 93 — их последние цифры в обратном порядке. Это очень легко… — Но Райленд уже почти не слышал его. Отношения Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, были для него не новостью. Однако сейчас его ум был занят более существенными делами. Он направился к эскалатору и поднялся в вагон. Мимо прошла женщина в голубой форме охраны, заметила их воротники и нахмурилась. Прежде, чем Райленд успел к ней обратиться, она исчезла. Что ж, невесело подумал Райленд, еще одно доказательство эффективности наших воротников

— она даже не сочла нужным узнать, что два опа делают в личном вагоне самого Планирующего. Беспокоиться ей не было причины — один неверный шаг, и железные кольца сделают его последним шагом вообще. Но владельцу воротника было небезопасно двигаться наугад. Райленд стал поджидать, пока мимо кто-нибудь пройдет.

— Сэр! — окликнул Райленд. — Простите, сэр!

Это был — седоволосый, строгий мужчина в голубой форме охраны с серебряными грибками полковника Технического корпуса.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил охранник.

— Нам приказано явиться в купе 93, — объяснил Райленд.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя, — коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Угу, — наконец вздохнул полковник. — Ладно, — добавил он сурово. — Не стоит пачкать вагон Планирующего. Осторожность не помешает. Вам туда. — Он проводил их в крохотную комнату и подтолкнул внутрь. — Смотрите, — сказал он, поворачивая ручку двери, — замка нет. Но должен вас предупредить, что почти все коридоры перекрыты радаром. Вы поняли? — Они

поняли. — Отлично.

Он поколебался.

— Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся. — И он затворил за собой дверь.

Райленд быстро обвел купе взглядом, его интересовал не комфорт и не великолепие обстановки. Он искал телетайп. Он быстро зарегистрировал себя и Опорто. Пришел ответ:

«П. ДЕЙСТВИЯ. Ждать дальнейших указаний».

Опорто к этому времени уже не мог сдержать озноба, щеки его горели.

— Вот так всегда, — сказал он в нос. — Я простужаюсь, и если не полечусь, то слягу на неделю. У меня — уже жар! — он действительно дрожал.

— Нет, жара у тебя нет. Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон он ведет по туннелям электростатического ускорителя. Громадная сфера тронулась с места совершенно бесшумно и плавно. Они не почувствовали никакого толчка, но тотчас начали ощущать необыкновенную легкость. Такова была особенность путешествия субпоездом. Поезд стремительно мчался по хорде из одной

точки в другую, и на дальних маршрутах глубина туннеля достигала тысячи миль от поверхности. После придания поезду начального, ускорения, первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Райленд рассеянно протянул руку и придержал за плечи покачивающегося Опорто. Он нахмурился. Кольцевые поля, опоясывающие стенки туннелей субпоезда, в известной мере были обязаны своей стабильностью ему, Райленду. В тот вечер, в пятницу, три года назад, когда полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз закончил диктовать описание новое силовой катушки, у которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину, и срок ее службы увеличивался по сравнению со старыми катушками самое меньшее в два раза. И тем не менее это было единственное, что он мог вспомнить. Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз задавал себе Райленд этот вопрос. Он мог вспомнить уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену примитивным «магнитным бутылкам», ранее предохранявшим стены туннелей от расплавленного камня. Но он не мог вспомнить ход работы, который привел его к этим уравнениям. Он вспоминал конструкцию

ионных ускорителей для двигателей атомных ракет, но, однако, автор этой конструкции — он сам — оставался для него загадкой. Что это был за человек? Что он сделал?

— Стив, — простонал Опорто. — Ты не принесешь мне выпить?

Райленд повернулся к нему, возвращаясь к действительности. Выпить! Опорто явно бредит.

— Я спрошу Машину, — сказал он.

Опорто слабо кивнул.

— Да, спроси. Я заболел, Стив.

Райленд колебался. Коротышка явно был болен. Пока он раздумывал, Опорто направился мимо него к телетайпу.

— Я сам спрошу, — проворчал он. — Отойди в сторону.

Неверными пальцами он потянулся к клавишам, а глаза смотрели на Райленда. Это была ошибка — он не должен был отвлекаться. Нетвердо держась на ногах, он покачнулся, потянулся к клавиатуре, промахнулся и тяжело повалился на телетайп. С грохотом аппарат опрокинулся на пол. Внутри машины сверкнула белая искра, и по комнате распространился запах горелой изоляций. Райленд хотел выругаться, но сомкнул губы. Какой смысл? Телетайп явно приведен в

негодность. Опорто сделал это неумышленно. Опорто застонал.

— Проклятье! Стив, куда ушел тот полковник? Может, он принес бы мне чего-нибудь…

— Не волнуйся, — рассеянно сказал Райленд. Коротышка был явно не в себе, но мысли Райленда сейчас занимало другое. Его волновал телетайп. Во всей своей жизни, начиная с первых дней после школы, не было такого поступка, который Стив совершил бы не посоветовавшись с Машиной. Даже в лагере максимальной безопасности в углу голого барака стоял телетайп, непосредственно соединенный с Машиной. У него было такое чувство, словно он оказался обнаженным и одновременно страшно одиноким.

— Стив, — едва слышно прошептал Опорто, — дай воды.

Это он мог сделать. На столике имелся серебряный графин и хрустальный стакан с золотой инкрустацией. Райленд налил воду в стакан и протянул Опорто. Коротышка взял стакан и погрузился в массивное, с роскошной обивкой кресло. Глаза его закрылись. Райленд принялся бродить по маленькому купе. Ничем другим он не мог сейчас заняться. Полковник предупредил их о радарных ловушках в коридорах. И думать

было нечего о том, чтобы выйти из купе. В тот же момент можно было стать жертвой неосторожного движения. Каждое движение было смертельно опасным, потому что они были опасниками, а железные кольца у них на шее содержали по восемь граммов мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опа зону (а таких зон было полно по всему миру) мог заставить радарный луч воспламенить взрыватель. Райленду однажды пришлось быть свидетелем такого события. И он не хотел, чтобы это случилось с ним. К опасностям в тюрьме Райленд привык. За три года заточения он научился осторожности. Но это там, а здесь в купе, которое было частью личного вагона Планирующего, ожидать можно было всякого. Он пощупал портьеры на фальшивом окне в стенке вагона и погладил блестящую, как зеркало, столешницу из полированного дерева. Три года назад Райленд сам жил в подобной комнате. Нет, отметил он, та комната была поскромнее. Но она принадлежала только ему, и там была мебель, которой пользовался только он, и место для хранения одежды, книг и других вещей. Но в той жизни он был благонадежным человеком, у которого было свое место в Плане Человека, документы, деньги — все то, что должно быть у члена

общества. Та жизнь кончилась три года назад, в тот фатальный вечер, в пятницу. Даже теперь, после бесконечных сеансов восстанавливающей терапии, Стив не мог понять, что случилось с ним. Невнятно сформулированное обвинение звучало так: «незапланированное мышление», но все его безжалостные терапевты безуспешно пытались заставить его припомнить хотя бы одну мысль, нелояльную по отношению к Плану. Единственной уликой незапланированной умственной деятельности была его библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших старых книг Лея, Гамова, Хойла и Эйнштейна, которые ему удалось спасти из библиотеки отца. Конечно, он знал, что эти книги не входят в список дозволенных Планом, но он не видел в своем увлечении никакой подрывной деятельности. Наоборот, как он много раз объяснял терапевтам, специальные уравнения геликального поля были тесно связаны с процессами во всей Вселенной. Не зная уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воспроизводство, материи в ней, он вряд ли смог бы усовершенствовать кольцевые катушки для туннелей субпоезда. Но терапевты отказывались уточнить обвинение. У человека в системе Плана больше не было прав, были только

функции. И целью терапистов было вытащить из него тайну, которая была тайной для него самого. Но сеансы оказались бесплодными, потому что он не смог вспомнить того, чего добивались от него тераписты. Он многого не мог вспомнить…

— Стив, позови врача, — слабо простонал Опорто.

— Я не могу! — с горечью сказал Райленд. — Если Плану требуется, чтобы ты болел, ты будешь болеть.

Лицо Опорто стало еще бледнее.

— Заткнись! Кто-нибудь может подслушать!

— А я ничего такого не сказал. Но мы не можем выходить в коридор, ты ведь знаешь.

— Райленд, — взмолился Опорто, и на него напал приступ кашля.

Райленд посмотрел на человечка в кресле. Похоже, он серьезно заболел. После трех лет в стерильной атмосфере заполярного лагеря он был теперь беззащитен перед инфекцией. Он дышал с трудом, и лоб его был очень горячим.

— Потерпи, Опорто, — сказал он. — Еще немного, всего пару часов. За пару часов при скорости тысяча миль в час можно добраться до любой самой отдаленной точки на земле.

— За пару часов я могу помереть, — сказал Опор-

то. — Неужели ты не можешь позвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка был во многом прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех, кто жил в подверженных инфекции районах, но сверхаллергический тип вроде Опорто мог бы потерять иммунитет и за несколько месяцев. А он дышал стерильным воздухом целых три года.

— Хорошо, — устало сказал Райленд. — Я сделаю, что смогу. Пойдем, Опорто. — Пусть коридоры и перекрыты ловушками, пусть это и опасно, нужно что-то предпринять, в самом деле, раз речь идет о жизни и смерти человека.

Дверь открылась свободно.

Поддерживая Опорто, Райленд выглянул в коридор. Пусто. Он тяжело вздохнул: если бы проходил кто-нибудь из охраны…

— Стив, что ты делаешь? — забормотал Опорто. — Оставь меня! Нам нельзя выходить — полковник предупредил!

— Но ведь необходимо доставить тебя к доктору, понимаешь?

Он осмотрел коридор. Перед каждым поворотом были установлены непонятные устройства, напоминающие балдахины восточного владыки. Очевидно, это и были радарные ловушки, ничего

другого Райленду в голову не пришло. Но в том коридоре, по которому они прошли раньше, тоже имелось такое устройство, а там ведь ловушки не было… Стоп. Райленд все тщательно обдумал. То, что им позволили благополучно добраться до 93 купе, еще ничего не значило. Вполне возможно, что ловушки, выключили специально, чтобы их пропустить. И вообще, рассуждая логически, можно было прийти к выводу, что один маршрут был для них в любом случае запрещен — путь обратно к выходу из вагона.

— Опорто, — сказал Райленд, — видишь эти двери? Я думаю, мы можем попробовать пройти в одну из них.

— Разве, Стив? Почему ты так думаешь? — спросил коротышка.

— Потому что больше ничего нам не остается, — фыркнул Райленд и потащил Опорто за собой.

Железное кольцо на шее, казалось, вдруг потяжелело. Если бы только он был суперменом, вроде Дондерево, чье полузабытое имя удержалось в памяти… и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной. Кто он был, этот Дондерево? Терапистыт так настойчиво спрашивали его об этом человеке, что должна была быть у них на то серьезная причина. Действительно ли

Райленд знал его? Когда он его видел в последний раз? Когда он получил от него сообщение? Что в нем говорилось? Дондерево был сыном одного исследователя, а потом торговца, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет, и создал коммерческую империю, не подчиняющуюся Плану Человека. Рон Дондерево прилетел на Землю изучать космическую медицину в том колледже, где преподавал математику отец Райленда. Во время его пребывания на Земле План аннексировал последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической схватке. Сам Дондерево попал в опы после участия в студенческой демонстрации. Потом он вдруг исчез. Ходили легенды, что ему удалось каким-то образом избавиться от кольца и бежать в космос, вне досягаемости Плана. Райленд вспоминал лишь одну встречу с Роном, в кабинете своего отца. Райленду было тогда восемь лет, а Дондерево был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтическим и загадочным мечтателем о путешествиях к внешним планетам Системы и дальше, в неисследованный космос. Но разве это объяснишь на допросе терапистов? Райленд уверял, что никакого сообщения от Рона не получал, но убедить

терапистов не смог. Во всяком случае, кем бы ни был Дондерево, его примеру Райленд последовать не в состоянии. Его воротник останется на месте, пока Машина не откроет замка на нем. У Стива мелькнула сумасшедшая мысль: услышит ли он тихий щелчок реле прежде, чем воспламенится обезглавливающий заряд? Будет ли он знать о конце заранее? Или все кончится, прежде чем он сообразит, Что происходит? Найти ответ, можно было только одним способом — открыть дверь и войти в чужое купе. Он наугад толкнул одну из дверей. Опорто вырвался и удивительно проворно пробежал несколько шагов вдаль коридора, а затем круто повернулся и замер с напряженным ожиданием на лице. Райленд, не, задумываясь, вошел в купе. И ничего не произошло. Усмехаясь, смущенный Опорто последовал за ним.

— На первый раз пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул. Не было смысла ввязываться во взаимные обвинения, хотя на языке у него имелось не одно «теплое» словцо для человека, который первым толкнул его на риск, а потом попытался удрать, опасаясь возможных последствий. Но сейчас интерес представляла комната, в которую они попали. Она была примерно того же размера, что и 93 купе, и в ней никого не было.

Обставлена она была скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Здесь живет девушка, подумал Райленд, и она явно не принадлежит к высшему слою этого роскошного субпоезда. Видимо, секретарь или горничная. Кто бы она ни была, сейчас комната пустовала. Но была в купе и другая дверь, которая вела на небольшой лестничный пролет. На этот раз Райленд не дожидался Опорто. Он набрал воздух в легкие, задержал дыхание и перешагнул порог. Установив, что и эта дверь не снабжена радарной ловушкой, он почувствовал во рту кисло-соленый вкус крови. Шагнув в неизвестность, Райленд с такой силой прикусил губу, что поранил ее. Но он прошел. Ступеньки были крутые, однако помочь Опорто преодолеть их не составляло труда, свободно летевший по туннелю поезд уменьшал их вес. Они оказались в новой небольшой пустой комнате. Но эта комната была меблирована с роскошью. Похоже, это была гардеробная женщины. Все было выдержано в белых и розовых тонах, с эбеново-черными гребнями и щетками для волос на небольшом туалетном столике перед овальным зеркалом в золотой раме. По этой лестнице, догадался Райленд, должна была входить личная

служанка хозяйки. Услышав, что кто-то поет, он набрал воздуха в грудь и позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы меня слышите? Я ищу врача!

Ответа не последовало. Пение продолжалось, голос был девичьим, чистым и приятным. Она пела для собственного удовольствия. Время от времени куплет песни повторялся, затем следовала пауза, и пение звучало вновь. Одновременно доносилось тихое мелодичное воркование, словно аккомпанемент.

Райленд посмотрел на Опорто, пожал плечами и толкнул дверь. Перед ним была серебряная комната, вся выложенная изумрудами. Подвижные зеленые огни мягко плыли по ее стенам, в центре комнаты была установлена серебряная ванна шести футов в диаметре, вмонтированная в пол. Из пастей хрустальных дельфинов били тонкие струйки ароматной теплой воды во вспененную воду ванны. И над толстым слоем пены возвышались колено, голова и руки самой прекрасной девушки, какую только встречал в жизни Стивен Райленд.

— П-прошу прощения, — смущенно и обеспокоенно сказал он.

Она повернула голову и спокойно посмотрела

на него. На ее белых влажных плечах сидели две… птицы? Нет. Это не были живые птицы, голуби были сделаны из металла. Перья их были тончайшими чешуйками серебра, глаза горели, как рубины. Металлические создания беспокойно задвигались, когда заметили Райленда и Опорто. Они тихо, но угрожающе ворковали, и серебряное оперение слегка позванивало, как множество маленьких колокольчиков. Опорто открыл глаза, всмотрелся и прошептал:

— Это… это… — ухватился Опорто за Райленда. — Стив, это же дочка Планирующего! — выдохнул он и бросился на пол. — Пожалуйста! — взмолился Опорто и пополз в сторону ванны. — О, пожалуйста, не сердитесь, мы не хотели вас побеспокоить!

Его приближение, должно быть, встревожило девушку. Но не слишком, потому что она не повысила голоса, а, прервав песню, тихо сказала:

— Охрана.

Видимо, поблизости имелся микрофон, потому что снаружи внезапно послышался шум. Более того, у девушки имелись непосредственные защитники. Металлические голуби на ее плечах взметнулись в воздух и набросились на лежавшего ничком коротышку. Острые клювы, кончики

крыльев били несчастного, словно лезвия ножей. Распахнулась дверь, и в комнату вбежали четыре высокие женщины в форме охраны Планирующего.

* * *

Все три года смерть постоянно находилась рядом со Стивом Райлендом. Она носила опрятный белый халат доктора Трейла, толстого, лысого, вкрадчивого человека, главного тераписта. Она шептала тихим, астматическим голосом доктора Трейла, в тысячный раз угрожая ему орган-банком, если только он не припомнит, о чем говорил с Роном Дондерево, если он не расскажет, что такое пространственник, рифы космоса, нереактивная тяга. Смерть принимала и другие обличья. Замаскированный спуск радарной ловушки, угрожающие рога радарных антенн офицерского шлема, более отдаленная угроза орган-банка. Все эти личины смерти он знал и научился жить бок о бок с ними. Ведь даже у женщин из охраны было оружие, а не только радары. Они сурово приближались к опам, посмевшим зайти в покои дочери Планирующего. И в который раз Райленд почувствовал ледяное дыхание смерти. На этот раз очень близко — ведь каждая из этих охран-

ниц может принять решение самостоятельно. И Машина оправдает ее, она сделала это в интересах Плана.

Девушка остановила охрану одним словом:

— Подождите!

Она стерла пену с лица, чтобы лучше рассмотреть, кто перед ней, обнажив при этом алебастровой белизны шею. Глаза у нее были серо-зеленые и спокойные. Она была весьма привлекательной и молодой. Райленд был совершенно обескуражен. В лагере изоляции не было женщин, даже картинки из журнала, изображающей прекрасный пол, там не нашлось бы, а здесь он оказался рядом с красивейшей женщиной, да еще в ее ванной комнате. Не говоря обо всем прочем, она вряд ли могла не заметить эффект, который произвела на него. Девушка чувствовала себя совершенно свободно. Голосом, в котором было больше вежливости, чем любопытства, она спросила:

— Что вам нужно?

Райленд закашлялся.

— Этому человеку необходим врач, — хрипло сказал он.

Одна из четырех охранниц резко засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощным бюстом, она могла бы быть весьма хорошенькой, если

бы ее уменьшили на десять процентов во всех измерениях. Голос ее был грубоват.

— Пойдем-ка, оп, — сказала она. — Мы позаботимся о тебе и твоем друге.

Но девушка в ванне лениво шевельнулась. Она взбила рукой пену, наблюдая, как разбегаются мыльные пузыри, и сказала:

— Не беспокойтесь, сержант. Отведите больного к врачу, если он этого хочет. Второго оставьте здесь.

— Но, госпожа… Планирующий…

— Сержант, — повторил нежный голос, не повысив тона ни на йоту. Сержант почти побелела. Указав остальным охранницам на Опорто, она повернулась и резко вышла. За ней последовали охранницы, сопровождающие коротышку. Уже из коридора сержант глянула на Райленда взглядом, полным откровенной ненависти и презрения. Голуби, описав в воздухе точные окружности, вернулись на плечи девушки. Их горящие крохотные глаза ни на секунду не выпускали Райленда из виду, но немного спустя они снова начали ворковать.

— Так вы один из людей с железным воротником, да? — внезапно спросила девушка. Райленд кивнул.

— Опасник, верно.

— Я еще никогда не разговаривала с людьми в железных воротниках, — сказала девушка задумчиво. — Вы не против, если мы поговорим? Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю, — Райленд вдруг осознал, что на нем измятая роба и что он без разрешения ворвался прямо в ванную девушки. Он кашлянул. — Может быть ваш отец… то есть я хочу сказать, что я не против, но…

— Отлично, — сказала девушка, строго кивая. Она переменила положение, чтобы лучше видеть его. Зашипели лопающиеся пузырьки пены. — Я боялась, что вам будет неудобно, — сказала она. — Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, чтобы обнажить полоску — металла.

— «Стивен Райленд», — прочитала девушка, прищурившись, чтобы разобрать сверкающие алые буквы его имени и номера. — Подождите, ведь я уже встречала ваше имя. Вы врач, нет? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула она. — Ваше «дело» лежало на столе у отца. Я видела его этим

утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду стало трудно дышать. Три года он пытался выяснить, какие же выдвигаются против него обвинения. Терапевты отказались дать ему сведения. Их вопросы были тщательно сформулированы таким образом, чтобы ничего не сказать, — они тысячу раз спрашивали его, что означает слово «пространственник», и не раз наказывали его за естественное предположение, что это обитатель пространства.

— Было ли там сказано… — он перевел дыхание. — Назывались ли конкретные обвинения против меня в этом деле?

Ее серо-зеленые глаза — спокойно рассматривали Райленда.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Как? Что это значит?

— Вы держали у себя тайное собрание книг и рукописей, запрещенных Машиной.

— Неправда! — В затылок ему словно дохнул ледяной ветер. — Это какая-то ужасная ошибка…

— Планирующая Машина не совершает ошибок, — строго напомнила ему девушка. — В деле были указаны названия этих запрещенных книг.

Авторами их были ученые из эпохи, предшествующей Плану. Эйнштейн, Гамов, Хойл…

— Вот как! — он вздохнул. — Тогда это всего лишь книги моего отца… те немногие, что я сохранил. Понимаете, когда я был еще маленьким, я мечтал о полетах в космос. Я встретился однажды с Роном Дондерево. Я хотел стать пилотом космического корабля и исследовать новые планеты. Но Машина убила мою мечту. Она перевела меня из Технического Корпуса в исследователи-математики. Я был направлен в какую-то лабораторию в подземном помещении, не знаю, где оно находилось, мы даже предположить не могли, находимся ли мы под дном океана, или над нами суша, или полярные льды. Не помню даже, были ли у меня на этот счет предположения… Память… в моей памяти сейчас много пробелов.

У меня было два помощника: девушка-телетайпист и человек по имени Опорто, нечто вроде живого компьютера. Вы его только что видели. Машина задавала задачи. Ну, к примеру, какова величина гистерезисной потери в катушках подземных туннелей субпоезда. Это проблемы, на которые Машина не могла найти ответа, как я понимаю… даже она не знает всего. И все же мы находили решения. Конечно, у меня не было

необходимости в справочниках и других книгах для работы, потому что я мог спросить Машину, и она выдавала мне любой фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у себя несколько книг, и среди них были книги из библиотеки отца.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

— Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтавшего о космосе, жизнь в подземелье не очень привлекательна. Чтение этих книг о космосе было для меня необходимым. В них содержались устаревшие теории о природе Вселенной. Используя современную математику, я вывел несколько систем уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание материи в межгалактическом пространстве…

Его остановил вид ее нахмурившихся бровей. Это действительно была не самая подходящая тема для беседы с молодой девушкой, да еще купающейся в ванне!

— Но это вовсе не запланированный интерес, — с отчаянием заключил Райленд. — Это было просто безобидное увлечение. Оно было даже полезно для Плана. Уравнения, которые я вывел для описания новых катушек туннелей субпоез-

да, вытекали из описания процесса постоянного воссоздания материи в пространстве.

— И только поэтому вас сделали опасником? — она задумчиво посмотрела на него и нахмурилась. — Но на вид вы совсем не опасны.

Что он мог на это ответить? Он ждал, она тем временем махнула рукой. Один из голубей покинул ее плечо и перелетел к хрустальному дельфину. Он клюнул в плавник-рычаг, и струйка ароматизированной воды прекратила течь. Райленд наблюдал за голубем, убаюканный запахом сирени. В ванной комнате было тепло, но не душно. Очевидно, скрытые вентиляторы поглощали избыток влаги.

— А *на самом деле* вы опасны? — вдруг спросила девушка.

— Нет, мисс Криири, — сказал Райленд. Он помолчал, не зная, как все объяснить этому ребенку. — Воротник — это не наказание, это предосторожность.

— Предосторожность?

— У Машины были основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека, — ровным голосом сказал Райленд. — Я ничего преступного не совершал, поймите. Но Машина не хотела риско-

вать, и вот… воротник…

— Создается такое впечатление, будто вы это одобряете, — с некоторым удивлением сказала девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану!

— Но ведь мы все лояльны, верно? — сказала она. — Однако мы не носим воротников?

Райленд покачал головой.

— Я никогда не делал ничего такого, что угрожало бы Безопасности Плана.

— Но, может, вы все-таки совершили что-то не совсем…

Райленд усмехнулся. Удивительно легко с ней разговаривать, подумал он. Усмешка превратилась в улыбку, настоящую улыбку. Райленду давно уже не приходилось по-настоящему улыбаться.

— Да — признался он. — Я действительно совершил что-то «не совсем»… Там была девушка.

— Стивен, Стивен, — Донна Криири с насмешливой улыбкой покачала головой. — И опять девушка. Я думала, так бывает только в романах.

— И в жизни тоже, мисс Криири. — Райленд почти полностью расслабился.

Внезапно в ее настроении произошла резкая перемена.

— Но в вашем деле сказано нечто другое, — ледяным тоном проговорила она. — Вы обвиняетесь в сокрытии информации о некоем устройстве, представляющем угрозу Безопасности Плана Человека.

— Это не так! — отчаянно запротестовал он. — Кто-то допустил ошибку, несмотря на точность Машины. Меня три года обрабатывали терапевты в лагере повышенной безопасности, пытались вытащить из меня сведения, которых не было!

Ее глаза чуть расширились, показывая спокойную заинтересованность.

— Какого рода сведения?

— Я сам не знаю. — Он вздрогнул, когда на мгновение вернулись воспоминания о пережитом. — Они тщательно избегали каких-то намеков, и наказывали, если я пытался вспомнить то, о чем меня заставляли вспоминать. Меня привязывали, цепляли электроды, — записывали малейшую реакцию. Они повторяли эти слова миллион раз. *Пространственник. Рифы космоса. Фузорит. Пиропод. Нереактивная тяга.* И еще два имени — Рон Дондерево и Даниел Хоррок. Собрав в одно целое эти слова и некоторые другие намеки, я понял, что терапевты были уверены, будто бы этот Хоррок доставил мне некое сообщение от

Дондерево. Весть из космического пространства, что-то о рифах космоса, что бы это ни означало. И обо всех этих пироподах, фузоритах. И в особенности о чем-то под названием «нереактивная тяга». Они пытались из меня вытащить, как построить нереактивный двигатель.

Она опять нахмурилась.

— А что это такое — нереактивная тяга?

— То, чего не существует, — сказал он. — Нереактивная тяга — это двигательная система, не основанная на противодействии. Сумасшедшие изобретатели уже триста лет пытались соорудить подобный двигатель. Но каждому, ясно, — что такая система будет противоречить Третьему Закону Движения. Невозможно толкать вперед лодку, не отталкивая одновременно назад воду.

— Я понимаю, — она серьезно кивнула. — Так же невозможно, как соорудить новые атомы и новый космос.

Он пристально взглянул на нее.

— Но я ни в коем случае *не мог* получить сообщения от Хоррока или кого-то еще, — отчаянно продолжал настаивать он. — Во всяком случае, не в тот момент, когда, как они думали, это произошло. В ту пятницу чудаковатый Опорто и телетайпистка были со мной весь день. Мы

работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я позволил уйти примерно в шесть часов вечера, у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, но сейчас же вернулась — принесла мне кофе и бутерброды. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, что вернулась девушка, но это была полиция Плана.

— Это все произошло в пятницу. — В глазах Донны Криири было странное отсутствующее выражение. — Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в шесть часов вечера в понедельник. Таким образом, по крайней мере три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом глотнул.

— Не может быть! — он покачал головой. — Опорто и девушка только-только вышли, и…

— Я изучила ваше дело с известной тщательностью. — По какой причине — она не сочла нужным сообщить. — И я уверена, что взяли вас в понедельник.

Райленд почувствовал легкий укол возбуждения. Это даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, это возможно, — пробормотал он. —

Сначала я находился в одном месте, которое по ошибке называли центром отдыха, где-то под землей. Тераписты работали круглые сутки, и я не мог знать ни времени, ни даты. И все же я до сих пор не имею понятия, как создать безпротиводействующую двигательную систему. И я по-прежнему уверен, что Машина позволила себе совершить ошибку.

Донна Криири укоризненно покачала головой. Райленд смолк, чувствуя, как туго охватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего! Он сказал хрипло:

— Мисс Криири, я вам мешаю, я должен идти.

Она засмеялась, казалось вдали заиграла тихая музыка.

— Я вас не прогоняю, — очень мягко сказала она.

— Но… вы… в ванне…

— А я всегда предпочитаю проводить поездки в воде. Так удобней, когда начинается вторая половина пути. И не — волнуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром — для Плана, конечно!.. Но он не властен надо мной. — Она улыбнулась. Наверное, ей нет и двадцати, подумал Райленд печально, у него уже не оставалось сомнений в

том, что Донна Криири знает силу своих женских чар. — Не опасайтесь моих голубей Мира, — сказала она. Он взглянул на серебряных птиц и на их стальные клювы. — Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища, — извинилась она. — Но они решили, что он угрожает мне. Как видите, даже без охраны я нахожусь под защитой.

Она взмахнула рукой, и комнату наполнила тихая музыка, льющаяся из невидимых динамиков.

— Та девушка, какая она была? — неожиданно спросила она Райленда.

— Красивая, — коротко ответил он.

— И опасная!

Он кивнул. Опасная? Но эта девушка была куда опасней для него. Он не имел права входить сюда. Машина так этого не оставит. Успокаивая его, Донна Криири сказала:

— Расскажите мне о ней. Так она была хорошенькая?

— Наверное. Мне так казалось. У нее были длинные русые волосы, зеленые глаза. Такие, как у вас. И она работала в тайной полиции, но я этого не знал до того самого дня, когда пришла полиция.

Девушка неестественно громко рассмеялась,

металлические голуби беспокойно зашевелились, сохраняя равновесие.

— И она предала вас. Теперь вы боитесь, что так же сделаю и я? Не бойтесь, Стивен, я обещаю вам.

Он пожал плечами.

— Я вам уже говорил. Мне еще повезло. Отправили только в лагерь. А могли ведь и в орган-банк.

Обдумывая его слова, она склонила голову, и он заметил, что волосы ее имеют красноватый оттенок. Наконец она вздохнула и сказала:

— И вы стали опасником. Но вам следовало быть осмотрительнее, Стивен. Вам нельзя было уклоняться от требований Плана. Теперь вам приходится носить железное кольцо. Вы не можете от него избавиться?

Настал черед смеяться и ему.

— Нет, не можете, — серьезно сказала она. — Но на вашем месте, думаю, я нашла бы способ. Если бы я была математикой и мне пришлось бы носить этот воротник, то для меня это было бы только еще одной задачей, и я решила бы ее.

— Воротник был изобретен полковником Замфиреску, — печально сказал Райленд. — Лучшим инженером в Техническом Корпусе… до того,

как он сам попал в утилизацию. Он все предусмотрел.

— Ведь это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная броневая сталь в мире. А внутри, еще обезглавливающий заряд, подключенный к водородной энергоячейке — ее хватит лет на сто, и этого достаточно. На мой век хватит. Кроме того, воротник застрахован от попыток повредить его. Если только я попытаюсь перепилить металл… или хотя бы открыть запор и случайно перепутаю ключ или поверну его не в ту сторону, — он прикончит меня на месте. Вы когда-нибудь видели, как работает обезглавливающий заряд, мисс Криири? Я видел.

Она вздрогнула, потом сказала:

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко бы вы не ушли! Волны радара бегут быстрее. И даже — если бы вам удалось удрать — куда-нибудь к Ледяным Мирам или на одну из орбитальных станций Меркурия — то и на этот случай в воротнике есть реле времени. Периодически его нужно переключать специальным ключом. Если же вы вовремя его не перенастроите — бах! И неизвестно, когда наступит этот крайний срок, но случится это не позже, чем через год.

— О! Тогда его необходимо снять, — мудро заметила она.

Он расхохотался, не в силах сдержаться. Что за нелепейшая идея!

— Не смейтесь, Стивен. Рону Дондерево это удалось, — сообщила она.

— Дондерево! Что вы знаете о Дондерево?

— Совсем немного, — сказала она. — Я была с ним знакома, видите ли, когда была еще ребенком. Я помню, что видела его с кольцом на шее, а потом… Я снова видела его, но уже без кольца.

Он пристально посмотрел на нее.

— Так вы *видели* Дондерево… — начал он.

Но тут вдруг в дверь громко постучали.

— Мисс Криири! — послышался настойчивый обеспокоенный мужской голос из-за двери. — Планирующий прислал меня за этим опом!

Райленд стремительно выпрямился. На мгновение он позволил себе забыться, но голос охранника вернул его к реальности.

— Вам нужно идти, Стивен, — сказала девушка. Она что-то прошептала, и один из серебряных голубей Мира слетел с ее плеча, описал круг, не спуская красных точек глаз с Райленда, и на лету тронул дверь, которая тут же открылась без звука. — Будьте осторожны, — мягко сказала

девушка. — И не слишком расстраивайтесь из-за Анджелы.

— Хорошо, — только и сказал Райленд, словно заводной автомат направившись к двери, где офицер, ощетинившийся рогами радарной антенны, уже поджидал его со злорадным выражением на гранитной физиономии. И лишь когда дверь бесшумно задвинулась за ним, он вспомнил, что Донна первая назвала имя той, что предала его — Анджела Цвиг.

Всю жизнь за ним наблюдал Планирующий. Бесстрашное, доброжелательнее лицо смотрело на него со стереоплакатов на стенах комнат в доме родителей, казармах Техно-корпуса, в классах школы, на любом перекрестке или площади, в любой лаборатории и в любом здания, где ему приходилось работать. Райленд знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца — впрочем, так же, как и любой другой житель Земли и планет. Планирующий сидел за массивным письменным столом в кресле, состоявшем из воздушных подушек и искусно упрятанных пружин. Он казался полностью погруженным в разложенные на столе бумаги из какой-то папки. Чувствуя себя крайне неловко, Райленд стоял и ждал. Между Планирующим и дочерью не было

сходства. Она была черноволосой и привлекательной, у нее было лицо святого ребенка; он был угловатый, волосы посеребрила седина, и у него было лицо льва. Короткие седые волосы были подстрижены в виде шлема. И над самой головой, на спинке громадного кресла застыл серостальной ястреб. Но это было не украшение, потому что его металлические веки медленно приподнялись, и маленькие яркие гранатовые глаза уставились на Райленда. Наконец Планирующий поднял голову и улыбнулся.

— Сынок, разве ты не привык регистрироваться? — спросил он бархатным голосом.

Райленд вздрогнул.

— Простите, сэр, — он поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу и выстучал свое имя. Кодовая пластинка на панели аппарата отметила просто: «Один».

Седоволосый человек усмехнулся.

— Итак, ты Стивен Райленд. Когда-то я тебя уже видел, но ты этого не помнишь.

— Сэр? — не понял Райленд.

— Это было очень давно, сынок, — задумчиво сказал Планирующий. — Я пришел к вам домой, ты был еще совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я знал твоего отца.

Райленд пошатнулся. Он наполовину висел в воздухе, в этот момент гигантская сфера вагона достигла высшей скорости, но голова его закружилась не от этого, и даже не потому, что он не ел почти целый день. Причиной были слова человека по ту сторону стола. Он сказал, не веря услышанному.

— Сэр, мои родители никогда не упоминали ни о чем подобном. Наверняка они были бы горды…

Планирующий громко и величественно рассмеялся.

— Сынок, — воскликнул он, — видишь, ты многого не знал о своих родителях! Они совсем не гордились знакомством со мной. Наоборот, им было стыдно, потому что, видишь ли, твой отец меня ненавидел, очень. — Он кивнул. Улыбка его медленно иссякла. Голое его стал скрежещущим, словно наждак. — Твой отец был врагом Плана! — рявкнул он.

— Сэр! — запротестовал Райленд. — Я ничего не знаю об отце. Он исчез, когда я был ребенком. И мать мне ничего не рассказывала.

— Еще бы! — свирепо сказал Планирующий. — Она была очень опасная женщина, и совсем неглупая. Оба твои родителя были неглупыми людьми. Что же это случилось с тобой, а?

— Сэр? — Райленд не знал, что сказать.

— Как ты попал в опасники? — проскрежетал Планирующий. — Тебе не следовало пытаться перехитрить План. Это была глупость!

Райленд глубоко вздохнул. Быть может, это его счастливый случай, чтобы представить свое дело.

— Сэр, позвольте мне объяснить, — начал он. — У меня и намерения не было идти против Плана. На меня донесла, одна девушка, и Машина переклассифицировала меня в опасники. Я думаю, это была ошибка, но…

— Ты сомневаешься в решениях Машины?

— Нет, сэр. Не Машины, но информации, которая…

— Оставь! — фыркнул Планирующий. — Не усугубляй своего положения. Ты — сын своего отца и должен помнить, что все, что ты делаешь, находится под подозрением.

У Райленда перехватило дыхание. На секунду он буквально онемел. Он слегка покачивался, пока шар вагона безостановочно несся вперед, начиная вторую половину пути — уже против направления силы тяготения. Потом он взорвался:

— Сэр, верно ли я вас понял? Вы говорите, что Машина сочла меня опасником лишь потому,

что мой отец совершил нечто еще до моего рождения? Это несправедливо. Это…

— Справедливо! — проревел Планирующий. Ястреб тем временем открыл оба глаза и беспокойно закружился над своим хозяином. — Что это за слово, Райленд? «Справедливость, свобода, демократия». Все эти слова часто повторял твой отец, ты их впитал с молоком матери. И они *ничего* не значат! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день?

— Справедливость, — фыркнул он, — давно себя изжила, ее больше нет. Крышка! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали «справедливость» и «демократию» из природных запасов мира. Они не выдумали их, они их *выкапывали,* точно так же, как фермеры, истощая почву своих полей — двадцать колосьев пшеницы, и нет фута почвы. Чернозема больше нет! И вместе с ним исчезла «справедливость» и «демократия»! Теперь мир — замкнутая система, сынок, у нас почти ничего не осталось!

Этот дикий взрыв совершенно ошеломил Райленда.

— Но… но, сэр! — пробормотал он. — Ведь дальние планеты наверняка открывают новые горизонты, новые источники ресурсов…

— Молчать! — гаркнул Планирующий, его угловатая седая голова угрожающе качнулась вперед, будто молот. Серостальной ястреб над ним многозначительно зашевелился. Планирующий сверлил Райленда взглядом, пока кресло его компенсировало усиливающееся тяготение второй половины пути субпоезда. Вес стал нормальным, потом превысил нормальный. Планирующий Криири сказал:

— Райленд, ты совсем как твой отец. Он так и не понял, что новых горизонтов нет, но ты должен это понять. План Человека основан на постоянном сокращении тех пагубных личных свобод, что когда-то почти разрушили наш мир. Война! Пылевые бури! Наводнения! Лесные пожары! — Каждое слово было жестким и точным, он словно выплевывал их в лицо Райленду. — Нам приходится платить по счету за то, что было растрачено твоим отцом и такими, как он. Никогда не забывай этого, сынок!

Райленд стоял молча. Спорить с этим человеком было невозможно — эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но не человеческие аргументы. Немного спустя, Райленд сказал:

— Я этого и не забывал. — И не забуду, подумал

он, пока у меня на шее этот железный воротник.

— Тебя беспокоит кольцо, — неожиданно сказал Планирующий и усмехнулся. Он как будто прочел мысли Райленда — не такое уж сложное дело, сообразил Райленд. — Но мы все носим свои воротники, сынок. Мы все, от Планирующего и вплоть до отверженных, ждущих своей очереди в орган-банке, должны отчитываться перед Машиной за каждый час прожитого дня. Каждый из нас носит невидимые кандалы Машины. Не все знают, что смерть сковала их ледяным кольцом, но природа этот хомут повесила на шею каждому.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать, но он обладал и обаянием, таким, что действовало даже на опасника.

— Но если ты очень пожелаешь, — добавил Планирующий небрежно, — ты можешь избавить именно свою шею именно от этого железного воротника.

На мгновение Райленд не мог поверить своим ушам.

— Избавиться от воротника!

Планирующий величественно кивнул. Он снова слегка шевельнулся, тронул кнопку. Массивное мягкое кресло слегка наклонилось назад.

Ястреб захлопал, металлическими крыльями, взмыв в воздух, когда подголовник кресла выдвинулся из спинки и удобно охватил голову Планирующего. Субпоезд начал основной этап торможения. Слабый визг доносился сквозь звукоизоляцию комнаты. Райленд знал, что это визжала ослабевающая энергия, толкавшая вагон сквозь кольца невидимого электростатического магнита. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания от генераторов, мчавших вагон. Райленд зашатался, когда его вес начал увеличиваться.

— Все мы связаны с Планом, тем или иным образом, — сказал вдруг Планирующий. — Я должен попытаться найти неразрушимую связь, которая привязала бы к Плану тебя и заменила бы железный воротник — или ты должен найти ее сам, тогда воротник будет снят.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность, — в отчаянии сказал Райленд.

— Наверняка не доказывает, — передразнил Планирующий. Он покачал головой, как большой медведь, отчитывающий непослушного медвежонка. — Дело не в том, что ты уже успел сделать, — пояснил он, — а в том, что ты сделаешь сейчас. Ты работал, как тебе нравилось, Райленд,

возможно, и талантливо, но работать ты должен только в рамках Плана. Всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. Если ты выполнишь его…

Райленд тяжело задышал, тело его налилось свинцом, потому что субпоезд все дальше удалялся от расплавленного центра Земли. Он хотел продолжить разговор, — расспросить Планирующего, возможно, узнать секрет трех недостающих дней. Но тело его не желало напрягаться. Они мчались внутри туннеля из раскаленного добела камня, только силовые кольца не давали стенам сомкнуться. Он снова чувствовал себя как в лифте, только теперь лифт шел — наверх. Вертикальная составляющая скорости вагона быстро приближалась к 150 милям в час. Даже голос Планирующего несмотря на противоперегрузочное кресло стал хриплым, и говорил он медленно.

— Ты можешь теперь идти, Райленд, — продолжал он. — Но, наверное, ты хочешь узнать в чем заключается твое задание?

Райленд не ответил, но за него говорили его глаза. Планирующий медленно усмехнулся.

— Да, — конечно, Машина считает, что ты справишься с ним. Ты должен… Впрочем, — глубокомысленно заметил он, — у нас у каждого

своя роль, и я не обязан понимать все, что приказывает мне Машина. Твоя задача — изобрести нереактивную тягу.

Райленд покачнулся и поспешно ухватился за край стола Планирующего.

— Не… нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— Понимаю, — сказал он. — Видимо, и ты не понимаешь требование машины. И тем не менее это то, что она требует от тебя.

— Вы имеете в виду… — Райленд пытался отдышаться. — Вы имеете в виду безреактивную двигательную систему?

— Именно.

— Знаете ли вы, что ваши мастера пыток, ваши восстанавливающие тераписты три года пытались заставить меня разъяснить, что лежит в основе нереактивного двигателя, они были уверены, будто я знаю.

— Я знаю об этом. — Важный человек за столом пожал плечами. — Я знаю, что у них ничего не вышло. Машина получила информацию, что ты сконструировал такой двигатель. Эта информация, очевидно, была ошибочной. Но требуется такой двигатель. Он нужен для безопасности Плана. Машине требуется нереактивная тяга. Записи

о твоих достижениях и возможностях говорят, что ты пригоден для работы и создания такого двигателя, — страшнее будет, если его изобретут и он попадет в руки врагов. Если ты хочешь избавиться от воротника и остаться живым, ты создашь нереактивный двигатель. Теперь, — сказал он усталым голосом, — ты должен идти.

Словно сквозь туман видел Райленд, как Планирующий шевельнул узловатой рукой в сторону выхода. Ястреб заволновался и слегка передвинулся, рассекая воздух металлическими крыльями. Открылась дверь. Вошел один из офицеров охраны. Это был настоящий великан, но и он шагал очень осторожно под прессом двойного тяготения.

— Райленд, — прошептал человек в кресле за столом.

Райленд обернулся, опершись на офицера в голубой форме.

— Моя дочь, — тихо сказал Планирующий. Визг перешел в рев, почти заглушая его слова, — у Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери, но мозг она унаследовала от меня. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

И глаза старого человека закрылись. Планиру-

ющий опустил голову на подголовник кресла.

* * *

Оператор-майор Чаттеради сказал мягко:

— Вам у нас понравится, Райленд. У нас тут неплохой компания.

— Да, сэр, — ответил Райленд, осматриваясь. Он находился в комнатке со стальными стенами, на стене висел знак. Безопасности. Он понятия не имел, где на Земле или под землей он мог сейчас находиться.

— Не волнуйтесь по пустякам, — продолжал майор. — Главное — делать дело, вот о чем мы здесь беспокоимся.

Райленд кивнул. Маленький майор был по-юношески подвижен и легок в движениях, словно котенок. Антенный шлем он носил небрежно, будто это была часть маскарадного костюма. Он перехватил взгляд Райленда.

— А, это… — смущенно заметил он. — Чертовски неудобная штука. Но все же, вы ведь опасник, и приказ Машины…

— Я к этому привык.

— Но вы здесь не единственный опасник, — поспешно добавил оператор-майор Чаттеради. — Бог мой, кое-кто из наших лучших работников

тоже ходит с этим ошейником и вообще…

— Простите, майор, — перебил его Райленд. Он нагнулся к телетайпу и быстро отстучал свое имя, код и подтвердил факт своего прибытия. Без промедления телетайп ответил ему:

> «П. ИНФОРМАЦИЯ: оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус.
>
> ДЕЙСТВИЯ: затребовать необходимое оборудование для расширения систем управлений общего силового, поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился. Майор Чаттеради, заглянув через его плечо, воскликнул:

— Уже задание, Стив! О, у нас все, делается быстро. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его поместить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю, — сказал Райленд. — Общая теория силового поля и равновесное состояние — что это значит?

Но майор оказался жизнерадостным невеждой. Его дело — администрирование, все остальное Райленд узнает в свое время, не так ли? Райленд пожал плечами.

— Ладно. Но мне не нужен калькулятор — пока у меня есть Опорто.

— Второй опасник? — Оператор-майор Чаттеради моргнул. — Всегда держитесь вместе. Понимаю. Я откомандирую его вам.

Райленд снова взглянул на телетайп. По-настоящему важная часть приказа требовала некоторого размышления: Оператор-майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать ваш статус. Вот этот человек, с блестящими, подвижными, как ртуть, глазами, крючковатым носом, вот этот человек и должен будет повернуть ключ, который откроет воротник? Что это значит — уполномочен переквалифицировать? Машина всегда выражается точно. Лишь человеческое существо не всегда правильно понимает то, что она говорит. Например, имеется ли в виду, что майор Чаттеради сможет освободить Райленда, или это значит, что он лишь изменит его статус… Эта мысль его отрезвила. Нереальная туманность всех событий прошлого, кроме фактов научного характера, вызвала у Райленда ноющее чувство одиночества и потерянности.

— Зачем Машине нужна нереактивная тяга? — неловко задал он вопрос майору. — Ионные корабли вполне способны достигать любой пла-

неты, а План Человека и так, кажется, все глубже зарывается в недра, покидая космические колонии…

— Прекратите! — резко одернул его майор. — Подобные мысли не входят в ваши функции!

Но Райленд продолжал настаивать:

— Машина, кажется, опасается, что нереактивная тяга попадет в руки врагов Плана! Чьи это могут быть руки? План покорил все планеты, теперь в него включено все человечество. Исключая нескольких беглецов вроде Рона Дондерево.

— Не говорите о нем! — майор, казалось, был потрясен. — Нам и без того хватает здесь забот, чтобы допускать незапланированные беседы.

Райленд пожал плечами, давая понять, что больше вопросов нет, а Чаттеради сразу вернулся в прежнее жизнерадостное настроение.

— Вас нужно разместить! — заулыбался он, золотая оправа его очков поблескивала. — Пора! Девочка, войди!

Дверь открылась. В комнату важно вплыла высокая блондинка. На ней были алые брюки и короткий алый жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой из оркестра, но теперь, в эру Плана, она исполняла более важную функцию.

— Познакомьтесь, Стив, это Вера. Одна из на-

ших общительниц. Она поможет вам освоиться у нас. Я гарантирую!

Общительница улыбнулась натренированной лакированной улыбкой.

— В совершенстве знай свои функции — только свои, — пропела она. — Таков наш лозунг, мистер Райленд. — Голос у нее был кукольный.

— И превосходный лозунг, в самом деле! — поддержал майор Чаттеради, сияя. — Можете начинать, Вера. И не забывайте, в семь часов сегодня вечер общения.

Мысли Райленда вертелись вокруг нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех пропавших дней его жизни и фразы: «Майор Чаттеради уполномочен переклассифицировать…» И еще он думал о том, что Планирующий знал о его беседе с Донной в ванной. Но и слова общительницы были важны. Он попытался отставить в сторону все остальные мысли и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен, — прошептала она, торжественно беря его под руку. Улыбнувшись, она направила Райленда вдоль тоннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется Пункт Черный Круг. Странное название, правда? Но ты привыкнешь. Я тебя научу.

Пункт Черный Круг представлял собой штаб-квартиру, где оператор-майору Чаттеради, главному администратору, приходилось терпеть бесконечные волнения по поводу снабжения и работы персонала.

— Пункт Серый Треугольник, — пропела девушка, взмахом руки указывая на перекресток впереди. — Это медицинский сектор. Расстройства, недомогания, травмы, а также… — она шаловливо хихикнула, — отправное отделение для орган-банка.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив, — успокаивающе сказала она. — Можешь доверять майору Чаттеради. Ты делай свое дело, а он будет делать свое. Это и есть работа сообща.

— Да, я понимаю, — пробормотал Райленд. — Просто… я уже имел шанс попасть в орган-банк. Признаюсь, идея оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Общительница, шокированная, замерла на месте, ее правильные бровки выгнулись.

— В мясорубке? Стив, что это за неплановое слово?!

— Я имел в виду…

— *Плановый* термин, — твердо сказала она, —

звучит так: «утилизация». И ты не можешь отрицать логику Машины, правда? — Она не стала ждать его ответа. Она уже увлеклась хорошо заученной речью. — Орган-банк, — твердила она, — обеспечивает проблемную группу необходимым, гарантирующим максимально продуктивную работу. Если их усилия окажутся успешными, группе нечего опасаться. Если их ждет неудача…

Она очаровательно пожала плечиками и вздохнула.

— Благосостояние Плана Человека, — сказала она, — требует от них иного рода отдачу. То есть их анатомические органы должны участвовать в улучшении здоровья других граждан. Такова работа сообща!

— Благодарю! — раздраженно сказал Райленд. В лагере изоляции за полярным кругом, подумал он грустно, было тяжело и тоскливо, и не было никаких удобств, но там, по крайней мере, он не обязан был выслушивать лекции от девчонок, у которых еще молоко на губах не высохло. Название Пункта Серый Треугольник было изобретением Безопасности, как и все остальные названия. Все заведение называлось Группа-центр. Оно могло находиться под озером

Эри или под дном Индийского океана — Райленд не знал, в какую точку земного шара судьба его забросила сейчас. В Пункте Серый Треугольник он прошел необходимые тесты. Он мельком видел Опорто, на вид тот был вполне здоров, но казался несколько удрученным. Они помахали друг другу, но поговорить не было возможности, так как Опорто как раз выходил из одной лабораторной комнаты, а Райленд входил в другую. По крайней мере, подумал Райленд, коротышку еще не утилизировали. Потом за пять часов тестирования он забыл про Опорто. Сотрудники Серого Треугольника принялись за измерения его функциональных показателей и коэффициентов лояльности с помощью всех видов тестов. Лаборанты раздевали его и закрепляли в кресле, прикрепляли электроды своих аппаратов, а тем временем допрашивающие требовали от Райленда мельчайших деталей о его жизни, вплоть до точного указания, какие игрушки подарила ему мать на третьем году жизни в день его рождения. Эти тесты снова вернули его память к тем горьким дням, когда он сеанс за сеансом проходил «терапию» в «Центре отдыха», дням, которые казались веками, когда его подвергали наказанию снова и снова, потому что он не в состоянии был

понять смысл сумасшедших вопросов, которыми забрасывали его терапевты. И теперь каждую секунду все внутри Райленда сжималось от страха — вдруг этот ад повторится? Кто-то задаст ему вопрос о пироподах или Роне Дондерево. Кто-то потребует ответа — куда делись три дня его жизни, или прикажут, чтобы он начертил схему устройства, о котором он никогда не слышал. Но все обошлось, вопросы были стандартными. Практически каждый такой вопрос ему уже не раз задавали прежде, и, быть может, по сотне раз. И каждый ответ был давно записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался. За его реакциями наблюдали в слепящем свете, они же фотографировали при инфракрасном освещении, что для Райленда было равносильно полной темноте. Раз за разом брали различные анализы. Целые залпы инъекций сначала стимулировали, потом успокаивали его, а один раз погрузили в короткий сон. Бог знает, какие аноды проверяли в этот момент мускульное напряжение внутренних органов. Наконец все кончилось. Он облачился в новые хрустящие алые брюки и куртку и был снова выставлен в серый бетонный коридор, где его ждала Вера. На губах ее застыла лакированная улыбка, в глазах

лучилось удовольствие.

— Ты прошел все благополучно! — пропела она. — Я знала, что ты справишься. Теперь ты полноправный член Группы.

Она шла рядом с ним, щебеча.

— Теперь я покажу тебе твою комнату. Очень симпатичная комната, Стив! А потом, о, потом у нас еще много дел. Тебе понравится наша общая столовая. У тебя будут замечательные условия для работы. Все превосходно — и это справедливо, верно ведь? От тебя так много ждут, и от всей группы тоже, правда? Мы должны оправдать доверие — такова работа сообща!

Она водила его по коридорам Центра примерно час и не умолкала ни на минуту. Она привела его в местную столовую, чтобы перекусить. Больше там никого не было, они опоздали к обеду из-за проверки в Сером Треугольнике. Пища была обыкновенным рационом для служащих особого профиля разряда «А» — примерно то же самое, что и в лагере повышенной безопасности, хотя в ней было поменьше калорий. Но приятно было посидеть и покурить после еды. И еще она показала ему его жилище. Комната оказалась довольно удобной. Кровать была неожиданно мягкой, книжный шкаф был уже полон — об этом

успел позаботиться майор Чаттеради. Для справочников и таблиц отвели, просторный ящик. Было отделение для личных вещей, которых у него давно уже не водилось.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом восклицала общительница. — Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая Столовая находилась выше лабиринта туннелей, составляющих Группу-Центр. Ее серые бетонные стены были довольно легкомысленно, оживлены пестрой краской. Здесь было светло и шумно. Только общительниц было не меньше двадцати. Такие же симпатичные, как и Вера, они танцевали с веселыми офицерами Технокорпуса, сидели с ними за столиками, пели, собравшись вокруг фортепиано. Сновали торопливые официантки, тоже симпатичные, разнося напитки и легкие закуски. Были тут и офицеры — новые коллеги Райленда. Все они носили плотную алую униформу. Сердце Райленда забилось сильнее — он заметил, что трое из них носят железные кольца, такие же, как у него. И они смеялись. Один танцевал с высокой рыжеволосой девушкой, двое увлеченно играли в карты. Железные воротники, казалось, не слишком их тяготили. Райленд удивленно вздохнул. Может быть, имен-

но о таком месте он и мечтал все три года. С одной стороны комнаты имелось громадное окно двадцати футов в высоту, сделанное из бронестекла. Снаружи уже почти севшее солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Вершины сосен качались под порывами неслышного ветра, а дальний склон горы был весь усыпан вечнозелеными елями и уже пожелтевшими осинами. Вера тронула его за руку.

— Что случилось, Стив? Ты боишься высоты?

Но он едва сознавал, что видит за окном. Все его мысли были заняты воротником. Он моргнул и вернулся к действительности.

— Я… я до сих пор не знал, где мы находимся.

— Но ты и сейчас не знаешь, — засмеялась она. — Пойдем, я представлю тебя Руководителю Группы.

У генерала Флимера были большие, глаза навыкате и тесная форма, отчего он выглядел, как большая самодовольная жаба.

— Значит, это вы Стивен Райленд? — Генерал потряс его руку, глаза его сияли дружелюбием. — Рад, что вы к нам присоединились, Стив! — Он усмехнулся и щелкнул ногтем по воротнику. Металл слабо зазвенел. — Мы с тебя эту, штуку мигом снимем. Главное — давай результаты, и

доверие тебе обеспечено! Что может быть справедливее?

Он подхватил Стивена под локоть и потянул его вперед. С другой стороны торопилась Вера.

— Хочу познакомить вас с некоторыми другими сотрудниками, — прогудел генерал. — Ага! Паскаль! На минуту. Стив, я хочу вас познакомить…

— Но я уже давно знаком с полковником Лескьюри, — сказал Райленд. Это был тот самый седоволосый офицер Технокорпуса, который показал им купе вагона поезда Планирующего. Полковник кивнул ему и отвел в сторону, пока Генерал собирал остальных членов Группы. — Я не хотел ничего говорить вам тогда… но я уже знал, что вы направлены сюда. И я рад. Ваше… э-э… собеседование прошло успешно? — И он весело ткнул Райленда в бок.

Райленд прекрасно понимал, что полковник мог отнестись к нему не столь благосклонно, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому особого значения.

— Да, — сказал он. — Планирующий был настроен…

— Планирующий? — полковник Лескьюри подмигнул, — я о другом собеседовании, парень. Ничего девица, а?

Стивену Райленду начало казаться, что едва ли найдется кто-то, кому еще не известно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Криири.

— Эй, там! — позвал генерал. — И вы тоже, Отто!

Когда Райленд подошел к генералу, полковник Отто Готтлинг уже приблизился, тяжело ступая, с каменным выражением на лице. Оказалось, он был экспертом по ракетным камерам сгорания. Камера его конструкции применялась на всех кораблях последних двенадцати экспедиций к внешним планетам. Каждый сотрудник Группы был специалистом в какой-нибудь области, и Райленд с трудом мог себе представить, каким образом эти области знаний сочетаются здесь. Например, полковник Лескьюри, как он узнал, был Директором отдела Космической Биологии Плана. Майор по имени Лангрен был астрофизиком. Были еще два математика: один — специалист в области теории чисел, имя второго было Райленду смутно знакомо, кажется, он был автором работы по стандартным циклам. (По странному совпадению — или это не было совпадением — оба носили на шее кольца). Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам,

полный веселый человек, автор каламбуров и смешных стишков. Но несколько часок спустя Райленду уже удалось узнать, что вечер далеко не полностью был посвящен Сообщности. Когда все собравшиеся успели немного охмелеть, генерал Флимер вскарабкался на стол и, застучав каблуком, потребовал всеобщего внимания.

— Тост! — проревел он. — За Работу Сообща и за План!

Раздались одобрительные возгласы. Флимер вместе со всеми осушил свой бокал, потом вдруг стал серьезен.

— Кое-кто из вас, — крикнул он, — может, и не понимает, на что наделена наша Группа! Что ж, вы скоро поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общем обрисовать философию Групповой атаки вообще. Это наисущественнейший инструмент нашего научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — заревел один из математиков-воинов, а девицы-общительницы вокруг захихикали.

Генерал Флимер благодушно улыбнулся ему. Он продолжил:

— В давние-давние времена — так объяснил мне групповой историк, — наукой занимались

одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так делают до сих пор. — Он послал ледяную усмешку Райленду и остальным опасникам. — Но эти времена давно прошли. Поворотным пунктом была группа Эйнштейна, собравшаяся, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов. К сожалению, — с печалью в голосе продолжал генерал, протягивая стакан, чтобы его наполнили, — все пионеры атомной науки были уничтожены в результате неожиданно успешного опыта по делению урана. Но принцип Группового штурма проблемы выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал этот принцип и отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для его создания образуется группа. Необходимость в такой группе созрела как раз сейчас, и эта группа — вы, вы моя Группа, вы все!

Последовали продолжительные аплодисменты и возгласы. Флимер сделал паузу. Он улыбнулся язвительной улыбкой, сочетающейся с его рыхловатым лицом.

— Я уверен, вы понимаете, — он весело кивнул Райленду и остальным кольценосителям, — почему от вас ждут успешного разрешения проблемы.

Если вы добьетесь успеха, то поймете, что принцип группы работает в обоих направлениях. Если вы добьетесь… Если же нет, то тогда…

Он не продолжил фразы и мрачно взглянул на опасников еще раз. Потом он широко улыбнулся и провел коротким толстым пальцем по тому месту, где у нормальной полноты людей находится шея.

— Жжжжжжж! И в орган-банк! Но мы добьемся успеха!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттеради вспрыгнул на стол, очки его сверкали.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип…

— Ура-а-а! — возглас получился громкий, но не дружный.

— Гип-гип…

— УРА-А-А! — Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми. Он не мог не поддаться настроению. Он был рожден в системе Плана Человека. Он не мог сомневаться в его правильности. Это лишило бы его жизнь смысла, как дарованный Планом железный воротник уже почти лишил его надежды. Последовали громкие аплодисменты. И генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз, — сказал он, — Машине требу-

ется новый физический принцип. — Он изящно пожал плечами, насколько это было возможно при его комплекции. — Я не ученый, и я не знаю, какой сложности это задание. Вероятно, некоторые из вас считают его очень сложным. Что ж, — он захихикал, — все остальные просто должны будут убедить их в обратном! — и он шутливо ткнул пальцем в шею.

Как Райленд ни старался, но он мало что извлек из разговоров с остальными сотрудниками. Не потому, что они не хотел говорить, а потому, что он все должен был узнать в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его, а пока не пора ли пропустить еще стаканчик? Час спустя Вера предложила показать ему самый короткий путь в его комнату. Они ваялись под руки и отправились в путешествие по серым коридорам.

— А вот сектор, где ты еще не был, — щебетала Вера. — Видишь? Это пункт Узел. Это Центр Связи.

— Отличный Центр Связи, — сказал Райленд. Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось таким уж твердым и холодным. Какая она милая девушка, эта Вера, мечтательно подумал он. Конечно, девушки-общительницы отбираются специально, их обучают, едва ли не

разводят как особую породу. Она напоминала ему Потерянную Любимую, Анджелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Конечно, о ней можно было прочитать в его личном деле и…

— Пункт Зеленый Полукруг, — пропела девушка, указывая на новую эмблему, украшавшую стену.

— Превосходно, — машинально заметил Райленд, потом взглянул повнимательнее, — что это там происходит?

Девушка заколебалась. Она замолчала на полуслове, нахмурилась и сказала Райленду:

— Знаешь что, наверное, этот короткий путь не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть…

— Нет, ты посмотри, — настаивал Райленд, упираясь, когда она пыталась сдвинуть его с места. Было уже поздно, но Райленд заметил двух охранников в алой форме Группы, и один из них отпирал ключом массивную освинцованную дверь. Внутри виднелась громадная шахта, пол ее освещался ярким прожектором откуда-то сверху. Райленд понял, что это! Посадочная шахта для ракеты. Мощные фермы портального крана, огромные трубопроводы пламягасителей и их черные раструбы в бетоне пола. Райленд

понимал, что когда-то ракеты довольно часто садились здесь. Там, наверху, скрытые ослепительным светом, находились громадные створки входа, открывающиеся в небо. Но в шахте сейчас не было ракет. Там было что-то другое, внутри массивной металлической клетки.

— Что это такое? — спросил Райленд. Существо напоминало морское животное — котика или тюленя, которых Райленду приходилось встречать на скалах близ изоляционного лагеря. Но это животное было золотистого цвета. Освещенное прожекторами, бившими из-под потолка, оно светилось краснотой закатного солнца. Существо было живым. Ни разу такого животного Райленду не приходилось видеть за всю жизнь. Оно лежало на полу большой стальной клетки, словно обессилевшее после попыток вырваться на волю. Золотой мех был в крови, а на голове виднелась рана. Несколько прутьев клетки были прогнуты и покрыты засохшей кровью.

Было ясно, что неизвестный зверь мучился в неволе и уже не раз пытался вырваться на свободу.

— Пойдем скорее, Стив, — обеспокоенно сказала общительница. — Пожалуйста! Майор Чаттеради не велел показывать пространствен-

ника, пока… — она запнулась, смущенная. Потом попросила Райленда: — Пожалуйста, забудь, что я говорила. Я не должна была вообще вести тебя сюда, но… О, пожалуйста, Стив, пойдем отсюда!

С неохотой он позволил увести себя. Охранники поспешили войти в шахту, и тяжелая свинцовая дверь задвинулась. В любом случае уже ничего не было видно. Но что же он только что видел?

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, он подскочил к машине, чтобы ответить. Его ждал запрос:

«ЗАПРОС: Присутствует ли Стивен Райленд, АВС-38440?»

Побледнев, Стивен выстучал подтверждение. Обычное человеческое общение вырабатывает привычки вежливости. Благодарность за беспокойство, извинение за несвоевременный ответ. Но Машину его извинения не интересовали. Рычаги литер застучали немедленно:

«ИНФОРМАЦИЯ: Гипотеза состояния равновесия основывается на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века. Она утверждает, что об-

лака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, таким образом восстанавливая убыток материи, потерянной в процессе синтеза внутри звезд.

ДЕЙСТВИЕ: Дать оценку возможности математического подтверждения реальности нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд уставился на бумажную ленту. В дверь тихо постучали, и в комнату влетела общительница. Она несла поднос с чаем и стаканом розоватого сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пой. Ой!

Жестами он попросил её помолчать. Телетайп издал серию толчков, а затем выбил новое сообщение:

«ИНФОРМАЦИЯ: Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой.

ДЕЙСТВИЯ: Разработать необходимое математическое основание возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана. Просмотреть работу полковника Готтлинга по общей

теории силового поля как необходимого первого шага».

Машина прекратила печатать. Райленд оторвал кусок ленты и сел, уставясь на нее. Он понял, что кто-то сообщил сведения из его старинных запрещенных книг Машине. Вера нежно извлекла ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она. — И душ! Сначала нужно как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Словно в забытьи, Стивен позволил отвести себя в ванную, в сознании его бешеным вихрем крутились облака межзвездного водорода и анти-Ньютоновские силовые поля. Обжигающий душ привел его в себя. Он оделся и сел завтракать вместе с общительницей.

— Нереактивная тяга! — повторил он. — Но это невозможно! Закон Ньютона!

— Пей чай, Стив! — успокаивающе сказала Вера. — Разве Машина давала бы тебе задание, если бы это было невозможно?

— Но я не… Хорошо, какие экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Общительница украдкой взглянула на свои часы.

— Полковник Лескьюри будет ждать, Стив. Допивай чай.

Полковник казался официальным в своей алой форме и белоснежном халате поверх нее.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. Успокойтесь, — сказал он.

Стив многозначительно коснулся своего железного воротника, полковник улыбнулся.

— Естественно, — сказал он, — но вы ведь стремитесь от него избавиться, а? И наилучший способ сейчас — это успокоиться, потому что в первую очередь вы должны внимательно выслушать меня. Я должен рассказать вам о рифах космоса.

РИФЫ КОСМОСА! Райленд судорожно глотнул и попытался расслабиться. Вокруг него рассеивался туман забытья, заслонивший годы, прожитые в изоляционном лагере. Он снова лежал, привязанный к кушетке в комнате тераписта, с холодными электродами на запястьях, и в лицо ему бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, с тихим голосом, раз за разом хрипловато повторяя слова: «пространственник», «пироподы», «нереактивная тяга», «рифы космоса». Доктор не торопясь записывал, как реагировал на эти слова его пациент.

— Успокойтесь, Райленд, — откуда-то издалека донесся голос полковника. — К этой проблеме нужно подходить постепенно. Первый этап ознакомить вас с информацией, которую я должен сейчас представить.

— Да, конечно, — вздохнул Райленд. — Я понимаю.

Он отчаянно пытался расслабиться. Возможно, в рассказе полковника он найдет ответ на загадку трех потерянных дней.

— Давайте сначала немного выпьем, — предложил полковник.

Райленд заколебался — алкоголь всегда был под запретом, и в лагере, и в Академии.

— Присоединяйтесь, — сказал полковник, подмигивая. — Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик и вытащил оттуда стаканы и маленькую коробочку. Пока Лескьюри наливал в стаканы, Райленд нетерпеливо вернулся к теме их разговора.

— Рифы космоса, что это? Наверное, метеоритные облака?

Паскаль Лескьюри захохотал.

— Нет, это примерно то же, что и коралловые рифы. Прошу, — он поднял свой стакан. — Ну, вот, другое дело, — заметил он, пригубив, и открыл

коробочку. На стол высыпалась целая коллекция фантастических существ, вернее, их миниатюрные подобия, которые были приготовлены из пластика. Райленд взглянул на них почти машинально, обдумывая слова Лескьюри.

— Но ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Полковник кивнул.

— И рифы космоса тоже построены живыми организмами, только на их создание ушло гораздо больше времени.

Райленд внезапно поставил на стол нетронутый стакан, напиток расплескался.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие? — очень серьезно сказал полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам. — Примерно вот такие же. Это уменьшенные модели реально существующих животных. Кроме того, имеются еще и сами создатели рифов — простые одноклеточные организмы, они существуют повсюду!

Усилием воли Райленд принудил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины. Я должен заняться гипотезой о равновесном процессе и с этого момента я постоянно думаю…

о теории Хойла и некоторых других его предположениях. О том, что жизнь появилась еще до образования планет, она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как эта жизнь могла уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться, — сказал полковник, поднимая на ладони пластикового дракона.

И снова отпил из своего стакана.

— Оставим в стороне пока непознанные аспекты, — продолжал он, — жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, который постоянно рождается в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы, — торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка скользнул экран. На нем появилось изображение: дротикообразные тела, сверкая, проносились через поле по экрану. Все это напоминало картину микрожизни — в обыкновенном пруду… если

бы не странная форма существ, и если бы они не светились сами по себе.

— Фузориты, — мрачно сказал полковник. — Жутко выносливые малютки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. И живут они в открытом космосе.

Фузориты! Тело Райленда напряглось, словно его ударил ток. Он сознавал, что полковник пристально за ним наблюдает, и попытался расслабиться, полковник продолжал внимательно следить за ним.

— Не удивительно, что вы поражены, — только и сказал он, сочувственно подмигнув. — Это непростая идея. Она означает, что планеты — не единственные одинокие оазисы жизни в мертвом пространстве космоса. Это значит, что они всего лишь острова в бесконечном океане жизни, странной жизни, о которой мы никогда и не подозревали.

— Но почему ни одно из этих существ не побывало на Земле? — Райленда раздражала неторопливость, с какой вел объяснения полковник. Для Райленда это был вопрос жизни и смерти: быть может, здесь был ответ на все его вопросы, а полковник, кажется, считал это лишь еще одной лекцией и к тому же весьма скучной. Полковник

пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Я подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их собственной жизнедеятельности и потому ядовиты для них. — Он сделал новый глоток. — Возможно, именно такие существа построили Землю, — задумчиво продолжал, он. — Это объясняет вопрос содержания тяжелых элементов лучше, чем теории космогонистов. Но, в сущности, это не имеет значения — для Плана, то есть.

Райленд нахмурился. В тоне полковника было что-то почти нелояльное. Он постарался переменить тему.

— А эти существа, — он коснулся пластиковых поделок, — это ведь не фузориты?

— Нет. Это пироподы. Они живут в рифах. — Не спеша, полковник двинул рукой. Экран опять засветился.

Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — только и смог выдохнуть он.

Полковник хрипло засмеялся. На экране переплетались сказочные ветви и лианы, похожие на птиц существа легко сновали между ветвей.

— Называйте как хотите, — сказал полковник. — Когда я был там, я выражался немного

иначе. Понимаете, во вселенной действительно рождается новое вещество, и действительно в межзвездном пространстве формируются водородные облака. Я знаю — я видел это!

Он нервно сделал еще один глоток.

— Это было несколько лет назад. Пироподы были уже замечены, но поймать хоть одного из них не удавалось. Планирующий приказал мне отправиться в охотничью экспедицию и поймать пиропода.

Райленд нахмурился.

— Охота? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии! Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты старательный ученик, — кисло заметил полковник, — и все же это было решение Машины. Так во всяком случае сказал Планирующий. Как бы там ни было, а мы отправились искать планету за орбитой Плутона. Имелась ли таковая? Приходилось предполагать, что имелась, иначе откуда бы брались пироподы? Мы знали, что в пределах орбиты Плутона они не живут. Это был долгий полет. Ты ведь знаешь, почему невозможно путешествие к звездам. Энергии у нас достаточно, но где взять рабочую массу, которая толкала бы корабль вперед? Когда пересекаешь

орбиту Плутона, эта проблема становится главной. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Имеющегося у нас запаса ее вряд ли хватило бы на то, чтобы долететь до далекой планеты и вернуться обратно. Дозаправляться мы должны были на планете, если только нам удалось бы ее найти. — Полковник сухо улыбнулся. — Но мы ее не нашли, — добавил он.

— Тогда… как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. Мы назвали это Краем. Не путай, это еще не рифы, до тех оставались биллионы миль пространства. Край принадлежит Солнечной Системе — редкий пояс небольших астероидов, снежных и ледяных осколков. В основном это метановый и аммиачный снег, но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И мы отправились дальше. Машина дала нам совершенно определенное задание…

Полковник зябко поежился и допил остатки.

— Мы продвигались все дальше и дальше, — сказал он, готовя себе новый коктейль, — все дальше за пределы Края, пока Солнце не превратилось просто в яркую звезду и даже не такую

уж яркую. Мы тормозили, и уже готовы были повернуть назад… И тут мы увидели первый Риф. — Полковник Лескьюри указал на странную картину на экране. Он снова оживился. — Сначала снег показался нам ненатуральным. Какая-то крапчатая неправильной формы масса.

Райленд неожиданно отметил, что и он опустошил стакан. Молча он протянул пустой стакан, и полковник немедленно наполнил его.

— Сказочная страна. Мы высадились в настоящий лес хрупких коралловых образований. Мы пробирались сквозь сверкающие кристаллические заросли, тонкие шипы ломались о наши скафандры. Мы бродили по металлическим джунглям, грозившим нам ловушками из живой проволоки или ударами острейших лезвий. Но это еще что! Там были громадные прекрасные цветы, они сияли сверхъестественными оттенками и распространяли смертельные гамма-лучи. Еще там имелись золотистые лозы — стоило к ним прикоснуться, как они отвечали высоковольтным ударом. То тут, то там встречались невиданного вида лужицы радиоактивных изотопов, и такие же изотопы местами били, словно гейзеры. Это был кошмар! И продвигались мы, дезактивируя друг друга, смазывая раны стя-

гивающим их составом. Так мы знакомились с природой Рифа. Это было скопление живых существ — колония фузоритов! Мы насчитали до сотни видов. Очевидно, они развились из нескольких спор, плававших в межзвездном водороде. Росли они очень медленно — несколько дюймов за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда. И тут мы посмотрели друг на друга. Мы поняли, что обнаружили нечто большее, чем то, за чем нас послали. Мы открыли новый рубеж человечества.

Пораженный услышанным, Райленд вскочил со стула.

— Новый рубеж! Могут… могут ли люди жить там?

— Почему бы и нет?! Там есть все необходимое. Водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для производства пищи. Мы с собой привезли целое богатство! Мы загрузили в корабль все, что могли прихватить с собой. Невероятные алмазные сталактиты и кристаллические массы практически чистого ковкого железа. Живые призмы, светившиеся собственным светом радиоактивного процесса. И губчатые грибообразные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана двести тридцать пять.

Попадались куски в сотню фунтов, а это гораздо больше критической массы! Но они все же не взрывались — пока были живыми. Один «гриб» взорвался после того, как мы забросили его в открытое пространство. После этого мы тщательно разделили кристаллы — на более мелкие части.

— Так вот зачем машине нереактивная тяга? — Райленд начинал кое-что, понимать, туман неведения, окутавший его, когда они покинули лагерь, начинал рассеиваться. — Чтобы достигнуть Рифов, ведь они за пределами досягаемости наших ионных ракет!

— Очевидно, — кивнул Лескьюри. — Хотя подобные рассуждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине Рифы космоса? — нахмурился Райленд. — Неужели что-то среди Рифов может угрожать безопасности Плана?

— Это не наше дело, — предупредил его Лескьюри. — Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами Ван-Аллена. Хотя нашу атмосферу ведь протаранил пиропод…

— Пиропод? — На мгновение Райленд снова оказался на кушетке в комнате терапии, с холодными электродами на теле, и астматический

голос Трейла цедил бессмысленные для него тогда слова: «нереактивная тяга»… «фузорит»… «пироподы»…

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, вы слишком волнуетесь. Это ни к чему. Я не совсем понимаю вашу реакцию… если вы только раньше не слышали о Рифах.

— Нет, я не слышал. — Это, по крайней мере, правда. Терапистам всегда тщательно избегали каких-то деталей, и он ничего не мог узнать о Рифах космоса, пироподах или фузоритах.

Еще несколько секунд Лескьюри наблюдал за Райлендом, которому это было неприятно.

— Тогда успокойтесь, — сказал он и улыбнулся. — Прошу прощения. Я спросил потому, что у нас уже был случай. Член нашей команды бежал с корабля после посадки, похитив несколько образцов и описание жизни в космосе. Он, конечно, был отправлен потом в орган-банк.

Его глаза еще раз, словно случайно, остановились на Райленде.

— Не помню, как его звали. Хоррик? Хорлик? Хоррокс?

Райленд сидел, окаменев. Полковник Лескьюри небрежным жестом передвинул экран к потолку, потом спросил:

— Еще выпьете?

Райленд молча покачал соловой. Лескьюри перемешал пластиковые фигурки на столе.

— Вот, — сказал он вдруг.

Райленд взял у него из пальцев маленькую, в два дюйма длиной фигурку из черного и серебристого пластика.

— Вот такая штука напала на нас, — сказал он.

— Такая маленькая?

Полковник засмеялся.

— Нет, она в длину была девяносто футов. — Он забрал у Стива фигурку и погладил ее. — Злобное создание, — сказал он с восхищением в голосе. — Но злобными их сделала эволюция. Это живые боевые ракеты. Долговечная эволюция выковала их до совершенства.

Он сгреб модельки обратно в коробку.

— Но это всего лишь живые ракеты, — задумчиво, сказал он. — Им тоже нужна реактивная масса. Мы отловили около дюжины таких штук, и в принципе они не отличаются от петарды… И оттого, видно, такие прожорливые. Они нападают на все, что видят, с такой голодной яростью, какой вы даже не вообразите. Еды в космосе совсем мало, и они поглощают все, что могут найти.

Во всяком случае вот такая штука нас протара-

нила, и… в общем, двенадцать человек получили ранения. — Полковник пожал плечами. — Все произошло очень быстро. Его скорость превосходила нашу, но потом кто-то добрался до торпедной установки, и мы победили. Но даже пироподы не обладает способностью нереактивной тяги.

— Если вообще она возможна, — сказал Райленд.

Полковник Лескьюри усмехнулся. Он внимательно посмотрел на Райленда, словно подбирая наиболее подходящий вопрос. Потом сказал:

— Вы думаете, что Атака Группы провалится?

— Я сделаю все, что смогу, — сухо сказал Райленд. — Но, полковник, Третий Закон Ньютона…

Лескьюри громко засмеялся.

— Да, отлично, — сказал он. — Кто знает? Может, она и провалится. Может, нереактивной тяги не существует.

Чем-то очень довольный, хотя Райленд и не мог сказать, чем, он сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы, — сказал он ласково.

— Вы так говорите, словно они вам нравятся, — заметил Райленд.

— А почему бы и нет? Они нас не беспокоили. И если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то вряд ли нападут в ближайшем будущем. Они не приспособлены жить в атмосфере в сильном солнечном свете. Только несколько самых сильных рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед нашей экспедицией. Дальше орбиты Сатурна их вообще не встречали, а тот, что был замечен возле него, просто уже умирал.

Райленд был озадачен.

— Но… вы говорили об опасности.

— Да, в Рифах Космоса таится опасность, да!

— Но если это не пироподы, то что?

— Свобода! — фыркнул полковник Лескьюри и плотно сжал губы.

* * *

Вера повела Райленда на его следующее собеседование.

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила она. — Очень милый. Если бы это от него зависело, рифокрыса не пострадала бы… — Она вдруг словно споткнулась, краска смущения залила ее лицо.

Райленд пристально посмотрел на нее.

— Что это такое — рифокрыса?

— А вот и кабинет майора Чаттеради, — нервно сказала Вера и почти втолкнула его в дверь.

Оператор-майор Чаттеради поднялся навстречу, очки его сверкали, он лучился улыбкой, помахивал рукой с копией приказа Райленду от Машины.

— Мы готовы, Райленд, — приветствовал он вошедших. — Мы уже готовы, слово за вами.

Райленд, задумавшись, подошел к столу.

— Мне потребуется мой компьютер, — сказал он. — И еще пусть кто-нибудь познакомится со всеми работами по гипотезе Хойла, переварит их как следует и даст мне основные сведения.

— Правильно! Вы получите трех помощников из секции полковника Лескьюри. И я уже выделил двоичный компьютер.

— Нет, — нетерпеливо сказал Райленд. — Мне нужен мой компьютер. Чудо-Опорто.

Золотые дужки очков оператора-майора Чаттеради тревожно сверкнули.

— Опасника? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он мне необходим, — упрямо повторил Райленд. — В приказе Машины все было сказано предельно ясно.

Чаттеради сдался.

— Нам потребуется одобрение генерала Флимера, — сказал он. — Пойдемте.

Он вывел Райленда в коридор к лифту, Вера следовала за ними. Втроем они сначала поднялись вверх, потом спустились в другое помещение. Чаттеради постучал в дверь.

— Минуту, — проворчал голос из динамика над дверью, и она распахнулась. Они вошли в комнату с серебряными стенами, с мебелью, выложенной серебром. Из спальни выбрался генерал Флимер, запахивая полы серебряного халата. — Слушаю.

Оператор-майор прокашлялся.

— Сэр, Райленду нужен второй оп, Опорто, приписанный ранее к нему.

— Для производства расчетов, — вмешался Райленд. — Он феноменальный счетчик. Чудо природы.

Генерал уставился на него своими глубоко посаженными глазами.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете, — начал Райленд, — я еще не приступил к работе. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины…

— Приказ Машины мне известен, — проворчал

генерал. Он задумчиво почесал нос. — Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд. Главное в вашей работе — это нереактивная тяга.

Райленд был удивлен.

— Но, генерал, Машина не указывала на срочность именно этой части.

— Зато я указываю, — громко сказал генерал. — Принимайся за работу, парень. Вперед!

Когда они вышли в коридор, майор Чаттеради поспешил в свой кабинет, а его место заняла свидетельница.

— Очень приятный человек генерал Флимер, правда? — защебетала она, ведя Райленда обратно к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Вера, — сказал он, — тут что-то не так. Генерал Флимер живет роскошно! И он все берет на себя, даже истолкование приказов Машины. Так всегда бывает при работе с Группой?

Девица-общительница колебалась. Взглянув на Райленда, она почти минуту молчала. Они остановились перед дверью.

— Генерал Флимер очень милый человек, — сказала она наконец. — И он тебе понравится, вот увидишь. И полковник Готтлинг тебе тоже по-

нравится, не сомневайся! — и не добавив больше ни слова, она открыла дверь в кабинет Готтлинга и оставила Райленда одного.

Но полковник Готтлинг, как оказалось при знакомстве, не вызывал чувства симпатии. Это был массивный человек с лицом, напоминающим череп, с рогатым шлемом радара на голове. Он сердито водил пальцем по контрольной кнопке этого радара, пока Райленд докладывал о своем прибытии Машине.

— Быстрее, быстрее, — бормотал полковник. Когда Райленд кончил печатать, он вывел его в коридор и захлопнул дверь.

— Ты будешь следующим, — сказал он, когда они уже шли по коридору. — Лескьюри уже бился с этой тварью, и ничего не вышло. Они не разрешают мне за нее взяться! Теперь это твоя работа.

— Не понимаю, — сказал Райленд. — Какая тварь?

— Пространственник! Рифокрыса! Эта тварь, у которой нереактивная тяга. — Готтлинг развел когтистые руки и раздраженно возвел глаза к потолку. — Великий План, что это такое! Что за идиотов они направляют в Группы высшей степени важности? Ты хочешь сказать, что никогда не слышал рифокрысе?

— Я слышал только само слово, — признался Райленд. — Но вы, кажется, только что сказали «пространственник»?

— Это одно и то же! — Готтлинг остановился и указал на ряд картотечных ящиков. — Вот здесь все! — гаркнул он. — Все, что можно узнать о них. Начиная от веса в спокойном состоянии до химического состава той жидкости, что заменяет им кровь. Одного я не могу сказать — как они летают, но я бы и это выяснил, если бы мне разрешили взяться за эту тварь как следует!

— Но…

— Болван, оставь свои «но»! — завопил полковник. — Смотри сюда!

Он распахнул дверь. Внутри была большая комната, в свое время ремонтная мастерская, теперь наспех переоборудованная в лабораторию. Комнату делили на отсеки неокрашенные перегородки, по стенам бежала открытая электропроводка. На узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. В воздухе висел резкий запах химикалий. Тут же стояли трансформаторы, генератор рентгеновских лучей, какие-то массивные устройства, похожие на центрифуги, и прочее, бог знает еще какое, оборудование для

биологических исследований. В лаборатории кипела, работа. У столов с приборами работало не менее дюжины мужчин и женщин в алых формах Технокорпуса. Они лишь вскользь глянули на полковника и Райленда, когда те вошли и зарегистрировались у телетайпа, и сразу же ни слова не говоря вернулись к работе. Очевидно оптимистические настроения, свойственные высшим чинам, не распространялись на нижние уровни Группы. Полковник Готтлинг, пришедший в приятное расположение духа, закурил длинную зеленоватую сигарету.

— Теперь все это в вашем распоряжении, — сказал он. — На время.

Райленд взглянул на него.

— Или навсегда, — усмехнулся полковник. — Если вы откроете нам секрет, как пространственнику удается летать. По-моему, ничего у вас не выйдет. Вы слишком мягкотелый человек, Райленд. Воротник вас не закалил. Все же… Может, рассказать вам что-нибудь о пространственнике?

— Да, будьте так любезны, — с нетерпением сказал Райленд.

— Ладно, почему бы и нет? Это существо довольно сообразительное, стоит примерно на

уровне низших приматов. Млекопитающее, теплокровное, дышит кислородом… что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что он живет в космосе.

— И правильно думали! — загоготал полковник. — Он там и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве! Забавно, верно? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое именно?

Полковнику Готтлингу уже явно наскучил разговор.

— Вам следовало узнать все у Лескьюри. Я занимаюсь двигателями. Ну, во-первых, это нереактивная тяга. Потом еще что-то — какое-то силовое поле, удерживающее небольшое воздушное облако вокруг существа даже в межзвездном вакууме.

— Не могут ли эти два эффекта быть как-то связаны? — задумчиво спросил Райленд.

— Могут ли? Конечно, могут, идиот! Но связаны ли? Я, например, не знаю. — Полковник Готтлинг начал оттаивать. Обращаясь с Райлендом как с ненормальным, он постепенно развеселился и сказал снисходительно: — Конечно, это возможно. Я сам об этом думал. Если рифокрыса способна

ускорить свой полет без реактивного взаимодействия, она способна также воздействовать и на молекулы газа. Почем знать? Но… Но давайте посмотрим на пространственника, — вдруг сказал он. — Тогда нам легче будет говорить.

Они покинули лабораторию и через стальную дверь прошли в камеру. В зажимах у стен стояли неуклюжие защитные костюмы и выкрашенное красной краской аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало аварийное табло: ОПАСНОСТЬ! ПОСАДОЧНАЯ ШАХТА. ЖДИТЕ ДЕЗАКТИВАЦИИ.

— Сейчас там безопасно, — заверил Готтлинг. — Шахту дезактивировали еще несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала — отползать в сторону. Словно викинг в своем рогатом радарном шлеме, полковник шагнул в шахту. За ним следовал Райленд. Шахта представляла собой гигантское углубление, круглое в сечении. Прожектора лили потоки света на почерневший бетон пола. Райленд сразу узнал это место. Это была та самая шахта, в которую ему уда-

лось заглянуть на секунду прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные стены терялись в тумане где-то над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч света не проникал сквозь громадные створки, за которыми должно было голубеть небо. Готтлинг тронул его за руку и показал вперед. На почерневшем бетоне стояла клетка размерами с комнату. Внутри клетки светилось зеленоватым светом странное облачко. В центре облачка на голом стальном полу неподвижно лежал…

— Пространственник, — гордо сказал Готтлинг.

Животное явно не раз пыталось вырваться на свободу. Подойдя ближе, Райленд мог видеть, какой яростной была эта борьба. Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческие запястья, но некоторые из них были согнуты. Красная кровь запеклась на них, и она же испятнала золотистый мех пространственника. Тяжело дыша, он лежал на полу из листовой нержавеющей стали.

— Сейчас он лентяйничает, но мы его подстегнем! — хвастливо сказал полковник.

— Погодите, полковник! — взмолился Райленд. — Клянусь небом, вы не…

— Что! — вспыхнул полковник. — Что?! — его палец многозначительно коснулся кнопки управления радаром. Его черепообразное лицо под угрожающими рогами радара дышало ненавистью. — Идиот, ты еще смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил радиус поля радара? Одно движение пальца — и от тебя ничего не останется даже на утилизацию и орган-банк.

Райленд отступил, судорожно сглотнув. Невольно его рука коснулась железного воротника, заключавшего восемь граммов мощной взрывчатки.

— Так-то лучше, — рявкнул полковник. Он хлопнул в ладони и позвал: — Сержант! Займитесь делом! Пощекочите его!

Сержант в красной форме технокорпуса подошел к клетке. В руках у него был длинный шест с острым лезвием на конце. Черный провод бежал от лезвия к аккумуляторной коробке на его плече. Пространственник повел своей разбитой головой. Он открыл большие темные, прозрачные глаза, похожие на глаза тюленя, и в них, как показалось Райленду, жил ужас перед болью и

страданиями. По гладким бокам зверя пробежала дрожь.

— Пощекочи ему брюхо! — приказал Готтлинг. — Мистер Райленд желает видеть некоторые трюки этой крошки!

Пространственник закричал. Крик его был полон ужаса, словно голос женщины в истерике.

— Не надо! — дрожа выдохнул Райленд.

Полковник заревел от смеха. Из кабаньих его глазок выкатились две слезы и оросили костистые скулы. Наконец, он взял себя в руки.

— Ну, конечно, почему бы и нет, — сказал он. — Ведь теперь ваша очередь. Пойдемте, сержант. — Готтлинг направился к выходу из шахты.

Райленд, опустив глаза, остался стоять у клетки с пространственником. Значит вся эта небывальщина о нереактивной тяге, о которой все здесь старательно разглагольствуют, вовсе не чепуха в конце концов! И никто пока не может понять, что за сила толкает это живое существо в его сверхскоростном полете. Но что-то же несет его сквозь бездны пространства. И это «что-то» как раз и есть тот самый нереактивный сверхмощный двигатель. Райленд поднял глаза и изумленно уставился на пространственника, который рас-

слабленно лежал на дне клетки, не спуская с Райленда своих больших глаз. Нереактивная тяга! Он вдруг показался себе маленьким, потерянным и, несмотря на все усилия Сообщности и Групповой Работы, ужасно одиноким. Нереактивная тяга здесь, в этом существе, переменит облик Солнечной Системы. Получив такой двигатель, область действий Плана Человека расширится до бесконечности Миновав бесполезные ледяные метановые шары планет-гигантов, План шагнет к звездам! Райленд покачал головой, мысли его потеряли ясность. Потому что ему вдруг совсем не захотелось, чтобы План достиг звезд. «Свобода», — это слово сказал полковник Лескьюри… Свобода! В системе Плана ей как-то не находилось места.

Вдруг ход мыслей Райленда был нарушен. В шахте словно загремел отдаленный раскат грома. Райленд вскочил, ошеломленный. Даже пространственник обеспокоенно замяукал в своей клетке. Темноту над головой пронизал луч света. Он поднял голову и увидел, как все шире становится полоска голубого неба. Позади послышались звуки беспорядочной беготни, кто-то бежал в шахту. Сержант Технокорпуса позвал Райленда:

— Мистер Райленд! Мистер Райленд! Отойдите в сторону! Какой-то ненормальный идет сюда на посадку!

Затем кинулся к клетке и начал отчаянно крутить болты, крепившие ее к полу, чтобы оттолкнуть клетку в сторону. В раскрывшиеся створки люка наверху хлынул поток огня, и в шахту скользнула миниатюрная ракета, опускаясь на пламенной подушке.

«Слава богу, это небольшая машина!» — мрачно подумал Райленд. Ракета побольше прикончила бы и пространственника, и сержанта, и его. Но это небольшое гоночное судно могло спокойно опуститься, не испепелив находящихся в шахте. Одноместный кораблик, построенный для прогулок и развлечений, опустился на черный бетон в сотне ярдов от них, и волна зноя не причинила им вреда. Сквозь отверстия вентиляторов в полу в шахту ворвался внезапный вихрь, выметая дым от посадки ракеты. Опустилась рамка трапа. Стройная девушка в белом комбинезоне легко сбежала на пол, странно знакомые птицы вились над ее головой. Внезапно Райленд словно проснулся.

— Стойте! — крикнул он. — Не подходите к клетке!

Но она не обратила на него внимания. Несколькими прыжками Райленд достиг незнакомки, схватил за руку, рывком развернул и… застыл от удивления.

— Убери свои руки, оп! — Это была девушка, та самая! Глаза ее, серо-голубые, были очень знакомыми, голос ее, хотя и полный негодования, был тоже ему знаком.

Она махнула рукой, и голуби Мира отлетели в сторону.

— Что это значит? — потребовала она ответа.

Райленд судорожно глотнул воздух. Это была дочь Планирующего, Донна Криири.

— Я… — начал он. — Я… я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Нужно? — глаза цвета океанской воды сверкали. — Я хочу знать, что вы здесь затеяли… что вы здесь делаете и зачем мучаете моего пространственника?!

* * *

Девушка зло смотрела на Райленда. Это был другой человек. В ней невозможно было узнать красавицу из круглой ванны. Та Донна была еще совсем юной, излучала застенчивость и невинность. Сейчас перед ним было некто иной. Это

была дочь Планирующего. От ребенка не осталось и следа. Райленд глубоко вздохнул. Кем бы ни была девушка, она стояла на его пути. Единственный способ избавить шею от железного кольца был тесно связан с животным в клетке.

— Уходите, мисс Криири, — резко сказал он. — Пространственник умирает. Его нельзя беспокоить.

— Что?! — Голуби Мира, успокоившиеся на ее плечах, заволновались и тревожно заворковали.

— Вам туда нельзя! — упрямо повторил Райленд. — Пожалуйста, уходите!

Она шагнула к Райленду. Потом резко повернула к клетке.

— Погоди, маленькая, — прошептала она золотистому существу. — Не бойся, Донна с тобой. — Пространственник под голову и смотрел на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Криири, — крикнул Райленд. — Я просил вас уйти.

Она даже не повернула головы.

— Хорошая, хорошая, — ворковала она, словно ребенок, успокаивающий щенка. — Где эта гадкая дверь?

Райленд разозлился.

— Туда нельзя! — Он опять схватил ее за руку.

С таким же успехом он мог ловить тигра за хвост: так быстро, что он не успел среагировать, она раскрытой ладонью хлестнула Райленда по лицу. Он отшатнулся, а когда пришел в себя, дочь Планирующего уже нашла задвижку и проникла внутрь клетки. Пространственник пополз ей навстречу, переваливаясь с боку на бок, как морской котик.

Райленд попал в труднейшее положение. Если что-то случится с девушкой, то, без сомнения, отвечать придется ему. Готтлинг об этом уж позаботится. И тогда прощай мечта о свободе. Скорее всего ему придется попрощаться с головой. Райленд зло выругался. Голуби Мира пронзительно пискнули и закружились над ним. Он оглянулся вокруг, нашел обрывок тяжелой цепи на полу сразу же за дверью клетки. Бог знает, чем она служила, хотя характерные пятна на металле говорили о ее назначении. Он поднял цепь и вошел в клетку вслед за девушкой.

— Стой, — спокойно сказала она. — Или я напущу на тебя Голубей.

— Тогда выходите отсюда! — потребовал он.

Пол клетки был покрыт какой-то вонючей слизью. Это были разлагающиеся крохотные существа, которых Райленд видел впервые. Видимо, занесли на Землю крошечных животных

вместе с пространственником. Неприятный запах был сильным, от него начинало тошнить, но Райленд не обращал на это внимания. Если его выдерживает девушка, это изнеженное существо, привыкшее к ароматам сирени, то и он выдержит! Девушка склонилась над животным, ласково поглаживая золотистый мех.

— Брось цепь, — приказала она, не оборачиваясь. — Она тебя боится.

Сначала пространственник вздрогнул и уклонился от прикосновения руки. Потом успокоился. Длинный черный язык лизнул щеку девушки. Клетку вдруг наполнило низкое рокотание, словно мурлыканье гигантской кошки. Снаружи послышался шум. К клетке со всех ног несся полковник Готтлинг, наклонив голову с рогами антенны, ярость сверкала в его глубоко посаженных глазах на череповидном лице. За ним следовало человек двенадцать в красных формах Технокорпуса.

— Убирайтесь отсюда, болван! — заревел он, махнув в сторону Райленда электрическим щупом.

Пространственник увидел полковника и громкое мурлыкание оборвалось. Существо начало дрожать.

— Стойте! — крикнул Райленд. — Вы пугаете пространственника! Он может напасть на мисс Криири!

Но Донне Криири его помощь в данный момент не требовалась. Опустившись на колени прямо в кровянистую слизь рядом с пространственником, она подняла взгляд от разбитой, в пятнах запекшейся крови головы, и глаза ее блестели, словно у ястреба.

— Полковник Готтлинг, — сказала она, и голос ее был пронзителен, как лезвие ножа. — Я должна поговорить с вами!

Полковник замер, но отступать Готтлинг не собирался.

— Вы должны выйти из клетки, мисс Криири! Это опасное животное. Дюжина людей уже получила травмы и ранения!

— А что эти люди делали с ним? — Девушка погладила зверя. Большие зеленые мухи с жужжанием кружились в облачке света, окутывавшем раненого пространственника, подбираясь к ранам на боках. — Какая здесь грязь, — сказала Донна. — Наведите порядок!

Она встала и жестом указала Райленду на выход из клетки.

— Пусть соберется вся группа, — холодно при-

казала она, закрывая за собой дверь. — И сейчас же! А пока, Готтлинг, пусть ваши люди вычистят клетку. И если я увижу кого-то с электрическим щупом, то он узнает его действие на себе!

Готтлинг побагровел. Напряженным голосом он сказал:

— Это больше не моя обязанность, мисс Криири. Теперь этим занимается мистер Райленд.

— Я возвращаю вас на старое место, — сказала девушка. — Для мистера Райленда найдется другое дело.

Пораженный Райленд запротестовал:

— Но приказ Машины…

— О Машине я сама позабочусь, — спокойно сказала она. — Принимайтесь за уборку, эй, там! Пространственнику необходимы его симбиотические сожители, а они быстро умирают. — Она повернулась к двери. — Теперь пойдем на собрание, нужно решить несколько вопросов.

Они поспешили в пункт Зеленый Полукруг. Сотрудники Группы уже собрались. Донна Криири председательствовала на собрании. Что-то застенчиво лепетал майор Чаттеради, а генерал Флимер произнес полдюжины речей о пользе Групповой Работы Сообща. Полковник Готтлинг был в холодном бешенстве, а полковник Лескью-

ри пытался возражать.

— Если животное умрет, — яростно сказала Донна, — то вы отправитесь вслед за ним. У меня есть для вас новости. В орган-банке образовалась нехватка утилизированного материала. — Она оценивающе обвела взглядом присутствующих. — Кое-кто из вас очень хорошо справится с ролью запасных частей. Я понятно говорю?

— Вполне понятно, — свирепо подтвердил генерал Флимер. — Но, мисс Криири, цель нашей группы…

— Помолчите-ка, — продолжала она. — Да, что там?

С величайшим уважением в голосе оператор-майор Чаттеради сказал:

— Для вас сообщение на телетайпе.

— Это подождет. Начиная с этого момента, за Группу отвечает мистер Райленд.

Пораженный генерал Флимер прошипел:

— Мисс Криири, но опасник не может…

— Нет, опасник может, — отрезала Донна Криири. — Ну, хорошо, я вам сейчас выдам приказ. — Она прошла к телетайпу, спокойно нажала клавишу «Сбой» и начала печатать. Через секунду машина прострекотала ответ:

ДЕЙСТВИЯ: «Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вас что-нибудь еще беспокоит? — спросила она.

— Ничего! — гаркнул генерал Флимер. Его жабьи глаза казались еще более выпученными.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. Райленд, я хочу с вами побеседовать.

Перешептываясь, сотрудники Группы потянулись к выходу из конференц-зала. Донна Криири зевнула, Голуби Мира заволновались и заворковали.

— Вот так-то лучше, — сказала она. — Что там такое?

Райленд кашлянул.

— Кажется, это сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять, — вздохнула она.

Небрежно положив руку на его плечо, она встала рядом у телетайпа.

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Криири находится в пути из Момбасы в Кейптаун».

ИНФОРМАЦИЯ: «Личная ракета Донны Криири заправлена и готова к взлету».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лондонское филармоническое общество подтверждает подачу инструкций для открытия сезона».

ДЕЙСТВИЯ: «Укажите исполнителей концерта Бетховена на фортепиано».

ИНФОРМАЦИЯ: «Лунная колония Альфа-6 просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины».

ИНФОРМАЦИЯ:...

— Рутина, — рассеянно сказала девушка. — Все это не к спеху. — Она посмотрела по сторонам. — Ужасно мрачное место. У вас здесь есть своя комната? Пойдемте туда. — Она не стала ждать ответа Райленда.

Он не удивился, обнаружив, что Донна знает расположение помещений в Центре. Похоже, этой девушке известно все. Но события выходили из-под контроля. Донна давала приказы целой исследовательской группе. Это явно было не ее дело. Всем известно, что в системе Плана Человека приказы отдает Машина. Люди же — даже дочери Планирующего — должны исполнять свою работу (наилучшим образом), и только свою. Такова была логика планирования, логика Плана Человека. В замешательстве он стоял у двери,

размышляя над тем, что он скажет девушке. С интересом разглядывая обстановку, она ходила по комнате. Райленд вошел следом, оставив дверь приоткрытой.

— О, прикройте ее, — нетерпеливо сказала девушка. — Разве мои Голуби Мира не охраняют меня достаточно надежно? — Увидев выражение его лица, она засмеялась плюхнулась на его койку и растянулась во весь рост, закурив сигарету. Изгнанные с привычного места, металлические голуби заворковали, жалуясь, и уселись на передней железной спинке койки.

Райленд закрыл дверь. Он кивнул в сторону телетайпа:

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина меня найдет, — весело сказала Донна Криири. — Вот посмотрите.

И в самом деле, едва успела она это произнести, как литеры телетайпа принялись щелкать:

ИНФОРМАЦИЯ: «Планирующий Совет просит Донну Криири назначить ежегодные премии Плана».

ИНФОРМАЦИЯ: «Журнал „Лайф“ просит разрешения использовать фотографию Донны Криири для обложки номера

„Женщина года“».

— ИНФОРМАЦИЯ…

— Кто-нибудь всегда оказывает мне услугу и сообщает Машине, куда я отправляюсь, — уже без улыбки сказала Райленду девушка. — И даже если нет… Машина всегда способна угадать, где я могу быть. Она уже успела меня хорошо изучить.

Она так говорит, с интересом заметил про себя Райленд, словно Машина — ее старый приятель. Но девушка, перебив его мысли, внезапно сказала:

— Ты тоже не слишком хорош, Стив, но получше этих остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего пространственника?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. Все, что я люблю, — мое, такое у меня правило, — и она добавила серьезно: — Но я еще не решила, как относиться к тебе.

Холодок коснулся затылка Райленда.

— У меня есть обязанности, мисс Криири, — сказал он. — И я намерен исполнить их! Я надеюсь облегчить жизнь пространственнику, но если будет необходимость… Вы хорошо видите вот

это? — Он показал на свой железный воротник. — Я хочу его снять! Если мне для этого нужно будет прикончить миллион пространственников, я так и сделаю!

— Готтлингу вы говорили другое, — заметила девушка.

— Откуда вы знаете, что я говорил ему?

— О, я много чего знаю. Почему бы и нет? Машина вездесуща, а мой отец — практически часть Машины. И кроме того, мне нравится Машина, а все, что мне нравится... — Она грациозно пожала плечами.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она явно его дразнит. Иначе быть не может. Это совсем не смешная шутка.

— Мисс Криири, мне не нравятся ваши разговоры о Машине, — сдержанно заметил Райленд. — Я верю в План Человека.

— Ужасно мило с вашей стороны, — с восхищением сказала она.

— Черт бы вас побрал! — вскричал Райленд, не сдержавшись. — Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель, понимаете вы это. Если дело потребует жертвы, мы принесем в жертву пространственника.

Девушка встала с койки, вплотную подошла к Райленду. Лицо ее было спокойным и дружелюбным. Секунду она смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь эту девушку? — неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплох.

— Какую… какую девушку?

— Анджелу Цвиг, — терпеливо пояснила Донна. — Дочь Стефана Цвига. Блондинка, двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма с четвертью, зеленые глаза. Однажды вечером была назначена твоим телетайпистом и в тот же вечер заставила тебя поцеловать ее. Ту, что донесла на тебя. Ты все еще любишь ее?

Глаза Райленда расширились от удивления.

— Я знал, что у вас особые источники информации, но… — выдавил он, — но в самом деле я не подозревал…

— Отвечай на вопрос, — нетерпеливо потребовала она. Райленд глубоко вздохнул и задумался.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Наверное, да.

Донна Криири кивнула.

— Я так и думала, — сказала она. — Хорошо, Стив. Просто я думала… но нет, ничего не выйдет, правда ведь? Но я восхищена силой твоего духа.

Райленд снова глубоко вздохнул. У этой девушки был просто талант приводить людей в замешательство. Он решил, что ему не по силам соревноваться с ней, и единственная возможность сохранить свое лицо — это оставаться самим собой. Поэтому он сказал сдержанно:

— Никакой силы духа не требуется, если речь идет о Плане Человека. Плану нужен секрет нереактивной тяги — и такова моя функция в Плане. Это все.

Она кивнула и снова села на его кровать. Голуби Мира устроились у нее на плечах.

— Скажи мне, Стив, ты знаешь, почему Плану Человека требуется эта информация?

— Почему… нет, я точно не знаю. Я предполагаю…

— Без предположений. Она нужна для освоения Рифов Космоса. Ты знаешь, кого ищет План среди Рифов?

— Нет, не могу знать.

— Ему нужен Рон Дондерево, Стив.

— Рон? — он нахмурился.

— Человек, который сумел снять железный воротник, Стив, — сказала девушка, утвердительно кивая. — Тот человек, которого ты мог не без пользы встретить опять. Оснащенное всеми видами

ловушек, защищенное от любых попыток снять или разрушить его, это железное кольцо никто не способен снять со своей шеи, пока Машина не даст на то разрешения, а он его ухитрился снять. Машина очень хочет поговорить на эту тему с Дондерево. Очень.

Райленд напряженно смотрел на девушку. Она кивнула.

— Дондерево сейчас там, в Рифах, — сказала она. — И Машина должна что-то сделать. Может, она просто уничтожит Рифы. Я знаю, над подобным проектом ведутся работы. Но если это не удастся, она пошлет кого-нибудь туда, чтобы найти Дондерево. Она пошлет человека с радарной винтовкой, Стив! Чтобы убить Дондерево! И вот почему Машине нужен секрет нереактивной тяги.

* * *

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило, тем не менее, его коллег проникнуться к нему симпатией. Но это его не заботило. Стива полностью поглотила работа. Чудо-Опорто весьма ему пригодился. Дар молниеносно вычислять, которым он обладал, сберегал Райленду массу времени. Опорто не

превосходил по скорости подсчета компьютер, но у него было значительное преимущество перед этими машинами, работающими на двоичном коде — отпадала необходимость кодировать и декодировать задания. К тому же расчетов требовалось не так уж много. Проблема была действительно крепким орешком, Райленд не видел ни малейшей зацепки, с которой можно было бы начать приближаться к решению. Опорто доказал свою полезность и в другом отношении. У него был тонкий нюх на новости и сплетни, и он держал Райленда в курсе всех происшествий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении, — сообщил он как-то. — Заперся в своей норе, никуда не выходит.

— Понятно, — рассеянно ответил Райленд. — Слушай, куда подевались «физические константы для уравнений равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811, — терпеливо сказал Опорто. — Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут в обе стороны, туда и обратно, без передышки.

— Что? — Райленд уставился на коротышку, мгновенно забыв о библиотечном заказе на книгу, который он торопливо выписывал. — С

Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это называется.

— Генерал Флимер подает рапорты, — твердо сказал Райленд. Он помахал Вере, скучающей в углу. Общительница охотно подошла к нему, увидела записку, поскучнела, пожала плечами и отправилась за книгой.

— Само собой, — сказал Опорто. — Слушай, ты что-нибудь получал от Донны Криири?

Райленд покачал головой.

— Я слышал, она сейчас в Порт-Канаверал.

— Это ее дело, — отрезал Райленд. — Не сомневаюсь, что у Дочери Планирующего множество причин отправиться в космос.

— И я не сомневаюсь, — согласился Опорто, — но…

— Но ты можешь заниматься собственным делом, — сказал Райленд, прекращая дискуссию. Вера принесла книгу. Райленд проверил несколько цифр и подал лист с расчетами Опорто.

— Вот, надо решить кое-что. Чтобы ты не скучал, — сказал он. Райленд встал, рассеянно оглядев комнату. Это была А-секция, занятая теорией Хойла. Здесь трудилась целая подгруппа. И все равно, подумал он, это пустая трата времени.

— Запросто, — жизнерадостно сказал Опорто, занявшись уравнениями. Через несколько секунд Райленд получил листок с готовыми решениями, просмотрел его и положил на рабочий стол одного из помощников. Задачи были рутинными, он мог поручить их другим. Вот почему все было напрасной тратой времени. Все основные проблемы уже рассмотрены, остались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины. Практически он уже знал, что может ответить на вопрос и сейчас. При каких условиях возможен рост количества водорода в пространстве? Это просто. Люди не могут повлиять на процессы, формирующие звезды. Но не говорил ли такой вопрос об… отчаянии Машины? Если можно вообще использовать такое слово относительно Машины, не было ли это показателем срочности, если она задает такой вопрос?

— Пойдем, Опорто, — чувствуя тревогу от таких мыслей, сказал Райленд. — Посмотрим на пространственника.

Животное находилось в секции В, и дела там шли из рук он плохо. Нереактивная тяга! Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы Райленд не имел перед собой пространственника, он мог бы поклясться, что Ньютон был

безусловно прав. На каждое действие, как вывел Ньютон несколько столетий назад, имеется противодействие, равное по силе и противоположное по направлению. Этот закон движения распространяется на любое существо, передвигающееся по поверхности Земли. Реснички мельчайшего одноклеточного в пруду и то перемещают это микроскопическое существо, отбрасывая назад пропорциональную массу воды. То же самое делает пропеллер в воздухе или винт корабля в море и в реке. Реактивная отдача толкает вперед ракеты — масса выброшенных дюзами раскаленных молекул летит в одну сторону, масса корпуса корабля — в другую. Действие и противодействие! Легко изобразить закон в виде уравнения: масса, умноженная на ускорение-прим. Трудно усомниться в верности такого уравнения. И все же оно не было верным, экспериментальное подтверждение, представленное испуганным животным из открытого космоса, опровергло правоту Ньютона. Это существо способно было висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь и ничего от себя не отталкивая, и тем самым представляло глупцом величайшего гения, какого знала история человечества. Пространственник не выказывал реактивного взаимодействия

вообще. Что бы ни было то, что позволяло ему свободно парить в воздухе (назовем это фактором X), оно не вызывало возмущения воздушной среды, не раскачивало чувствительные маятники вокруг существа, не регистрировалось на фотоэмульсии, не взаимодействовало с заряженным электроскопом, магнитной стрелкой, не генерировало электрических, магнитных и электронных полей, поддающихся измерению, не увеличивало вес клетки, когда ее взвешивали вместе с парящим пространственником, не возбуждало слышимого звука, не оказывало влияния на основной метаболизм самого животного и не оставляло заметного следа в пузырьковой камере для регистрации элементарных частиц.

С другой стороны, в немногих вещах фактор X себя проявлял. Он оказывал влияние на работу мозга пространственника — имелись определенные изменения в его энцефалограмме в момент парения. Он же, похоже, возбуждал тревогу у других млекопитающих. Это случайно было замечено, когда кот забрел в ракетную шахту с клеткой. Как только пространственник взлетел, кот молнией выскочил из шахты, выгнув спину дугой, шерсть его стояла дыбом, глаза горели. Кроме того, он давал нереактивную тягу. Чем бы

ни был фактор X, он поднимал пространственника со дна клетки. Однажды пространственника даже замотали в цепи весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, мурлыкая про себя. Неразрешимая загадка могла хоть кого свести с ума. И все же, думал Райленд, пусть это небольшое утешение, но самому пространственнику стало в последнее время лучше. Раны его затягивались. Маленькие существа-симбионты сумели частично выжить. И пространственник казался сейчас более энергичным и подвижным. Донна Криири будет довольна. Но больше, кажется, никто не был доволен Райлендом. Генерал Флимер большую часть времени проводил в своих апартаментах и выбирался только для того, чтобы отпускать ядовитые замечания и путаться под ногами. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру Флимера, потому что имели непосредственные обязанности, но они постарались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь. Дружелюбно держался лишь майор Чаттеради, что было его второй природой. Он каждый час являлся с рапортом. И не доставлял никаких хлопот. Если Райленд был занят, майор

незаметно ждал у него за спиной. Если Райленд был свободен, майор задавал минимум вопросов и уходил. Райленд был совершенно уверен, что все сведения поступали сначала в Машину, потом — генералу Флимеру, но он не видел причины, по которой следовало бы вмешиваться в процесс передачи. И не видел причин надеяться на удачу, если бы он решил попробовать помешать. Он был опом. Однажды Опорто сказал ему:

— Слушай, тут что-то про твою подружку.

Моргая, Райленд оторвался от бумаг.

— О ком? — Он действительно не мог сразу сообразить, потом вспомнил предыдущие замечания Опорто. — Ты говоришь о мисс Криири?

— Ну да, мисс Криири, — коротышка ухмыльнулся. — Она отправилась на Луну. Вместе с папочкой.

— Прекрасно, — сказал Райленд. Он следил за тем, чтобы голос не выдавал его, и одновременно думал, что неизвестно, кого он хочет обмануть. Как бы старательно ни скрывал он свой интерес от Опорто, он не мог скрыть его от себя самого. Что-то его волновало, когда упоминали имя Донны Криири. Опорто лениво облокотился на стол Райленда.

— Ну, не знаю, так ли это прекрасно, Стив, —

обеспокоенно сказал он. — Может, им стоило остаться дома и присмотреть за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском туннеле субпоезда?

— О чем? — Райленд устало положил в сторону пачку докладов и посмотрел на товарища. Глаза жгло. Он потер их, подумав, что ему необходимо выспаться. Но не стоит, решил он, ведь восемь часов он уже проспал за прошедшие двое суток. В любом случае у него не было времени. Поэтому он отбросил в сторону эту мысль и спросил: — Черт побери, о чем речь, Опорто?

— О том, что я сказал, — ответил коротышка. — Парижский субпоезд в Финляндию попал в катастрофу. Пропало без вести больше сотни человек, то есть погибли, ясное дело. Если туннель проваливается на глубине сотни миль, то ясно, что это за «пропали».

Райленд был поражен.

— Но этого не может быть! — сказал он. — Я ведь знаю расчеты этих туннелей. Они могут обвалиться, верно, но не сразу. По крайней мере часа за три до аварии начнется ослабление кольцевого поля. И всегда можно успеть задержать поезд.

Опорто пожал плечами.

— Сто погибших человек были бы рады это услышать, Стив, — сказал он.

Секунду Райленд молчал.

— Может быть, ты и прав, — сказал он устало. — Вероятно, Планирующему следовало бы лично следить за подобными вещами… А, здравствуйте, майор.

В комнату, улыбаясь и дружелюбно поглядывая сквозь стекла очков, вошел майор Чаттеради.

— Я подумал, нет ли у вас новостей, мистер Райленд.

Пока Райленд перебирал бумаги на столе, Опорто сообщил:

— А мы как раз говорили о катастрофе в туннеле под Парижем, майор.

Карие глаза Чаттеради сделались непроницаемыми. Повисла неловкая тишина. Райленд вдруг понял, что майор Чаттеради очень интересуется аварией между Парижем и Финляндией. Странно, подумал он, какое он имеет к ней отношение? Но Райленд слишком устал, чтобы развивать мысль дальше.

Он нашел нужный листок и протянул заявку майору. Чаттеради просмотрел бумагу, сначала мельком, потом более внимательно. Его подстриженные ежиком волосы, казалось, встали

дыбом.

— Но, мой дорогой Райленд! — запротестовал он. — Это оборудование…

— Я сверился с Машиной, — упрямо сказал Райленд. — Вот. — Он показал майору Чаттеради на телетайп.

> ДЕЙСТВИЯ: «Запрос одобрен».
>
> ДЕЙСТВИЯ: «Связаться с майором Чаттеради».
>
> ИНФОРМАЦИЯ: «Источник энергии пункта Черный круг не удовлетворяет запросу».

— Но, мой дорогой Райленд! — На лице майора возникло мученическое выражение. — Дело не только в источнике энергии. Примите во внимание и другие соображения!

— Все, что требуется Плану, План должен получить, — процитировал Райленд, чувствуя, как улучшается настроение.

— Конечно, конечно. Но… — майор изучил листок еще раз. — У нас сейчас и без того электронного оборудования хватит на университетскую лабораторию, — простонал он. — И вы просите еще. Часть из этих устройств небезопасна. Вы понимаете, что после инцидента, о котором упо-

минал мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать.

— А какое это имеет отношение к работе Группы? — уставился на него Райленд.

— План не терпит случайных аварий! — сердито сказал майор. — Указанное вами оборудование создает угрозу радиоактивного облучения, кроме всего прочего, а в пунктах Черный Круг, Серый Треугольник, Зеленый Полукруг и Серебряный Квадрат трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их безопасностью.

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох, — вздохнул майор. — Если Машина одобряет… — Он задумался на мгновение, потом повеселел. — Придумал! Нужна ракета на орбите!

Райленд не сразу понял его.

— Что?

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить в нее все оборудование, — горячо объяснил Чатте-ради. — Почему бы и нет? Все будет управляться на расстоянии. Ракету я могу вам сразу выделить, мистер Райленд! И можете заполнять ее любым, самым опасным оборудованием. Какое нам дело до какого-нибудь заблудшего пространственни-

ка, а? — Он подмигнул и захихикал.

— Ладно, — еще обдумывая предложение, сказал Райленд. — Можно сделать и так.

— Конечно, можно! Мы устроим телевизионный связной контур с дистанционным управлением. Вы себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе. Устраивайте эксперименты. И если, — он расцвел улыбкой, — вы устроите взрыв, то повредите только ракету, а не нас всех. — И он выскочил из комнаты.

Поразительно, но План Человека действительно творил чудеса. Ракета была оборудована и запущена за сорок восемь часов. Райленд ни разу ее не видел. Он управлял приборами на ее борту через телевизионный экран дистанционного монитора, проверил их, дал свое одобрение и на катодном экране наблюдал за тем, как огнехвостая птица выпрыгнула в небо со своей пусковой установки. Он сразу же принялся за работу. Единственное, что он успел установить относительно пространственника и того, что Планирующий назвал «нереактивной тягой», это была ее нерегистрируемость. И это было уже кое-что. Исследования группы Райленда открыли также ядерную реакцию, дающую меньше энергии, чем уходило на нее, а так как энергия

пропасть не может, это могло быть реальным подтверждением того, что недостающую энергию, просто нельзя зарегистрировать. Так же, как и энергию пространственника… Райленд был намерен смоделировать ядерные реакции, имеющие отношение к проблеме. Но однажды утром девица-общительница разбудила Райленда неожиданной новостью.

— Проснись и пой, Стив! — прощебетала она, внося завтрак. — Угадай, что я сейчас скажу! Генерал Флимер будет сегодня присутствовать на собрании Группы.

Стив поднялся.

— Это большая честь, — хрипло сказал он. Общительница была, как всегда, свежая, привлекательная, сияющая молодостью, хотя полночи неутомимо исполняла поручения Райленда. — Разве ты никогда не устаешь? — спросил он.

— Нет, нет, Стив! Завтракай! — Она присела на край стула, глядя на Стива, потом сказала серьезно: — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас есть, работа. Мы — общительницы, мы соединяющие провода, скрепляющие цельность Плана.

Он уставился на нее, но она говорила совершенно серьезно.

— Да, да, — кивнула она, — План Человека так

же нуждается в нас, как в транзисторах, сопротивлениях и конденсаторах — это ты и прочие птицы высокого полета. Не забывай, Стив: «Каждому — его дело, и только его дело».

— Не забуду, — пообещал он и вяло выпил свой лимонный сок. Но у девицы что-то было на уме, он чувствовал это. Она ждала возможности заговорить с ним.

— Ну? Что случилось?

Она казалась смущенной:

— Просто, ну, понимаешь, Стив… девушки спрашивают… Они хотели бы узнать…

— Ради бога. В чем дело?

— Мы просто подумали, — сказала она, — правда ли, что наша Группа связана с этими авариями в туннелях?

Райленд моргнул и протер глаза. Но от этого ничего не изменилось, девушка по-прежнему сидела на стуле, выражение лица у нее было слегка смущенное, слегка извиняющееся.

— Аварии? Вера, о чем ты говоришь?

— О туннеле на линии Париж — Финляндия, — повторила она. — Взрыв на энергостанции в Бомбее. Катастрофа грузового самолета в Неваде. Ты понимаешь ведь, о чем речь.

— Нет, не понимаю. О половине этих случаев

я вообще не слышал. — Опорто начал, видимо, бить баклуши.

— Есть и другие, Стив. И девушки говорят… — Она сделала паузу. — Я только волновалась, вдруг это правда. Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы. Они даже сказали, что ты, Стив…

— Что я?

— О, я понимаю, это нелепость. Генерал Флимер сказал, во всяком случае, что вряд ли это правда, будто ты связан с этими авариями. Но они говорили, что ты конструировал для субпоездов…

— Они говорят чушь! — вспылил Райленд. — Извини, я буду одеваться.

Он не мог не думать об услышанном. Что за нелепость. И как только возникают подобные слухи? Дневное собрание Группы и вправду почтил своим присутствием генерал Флимер. Хмурясь, Райленд задумчиво посмотрел на него, потом вспомнил глупые слухи, о которых узнал утром.

— Прежде, чем мы начнем, — требовательно сказал он, — скажите мне, слышал ли кто-нибудь о том, что наша работа вызывает аварии? — Он посмотрел на людей, глаза которых ничего не выражали. Потом руководитель компьютерной секции кашлянул и сказал нерешительно:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— Какие именно?

Компьютерщик пожал плечами.

— Так, разговоры. Один из кодировщиков слышал от двоюродного брата, а тот слышал от кого-то еще. Вы знаете, как это бывает. Суть их в том, что якобы наша работа здесь расстраивает контуры радиоконтроля — бог знает, как это может быть.

— Какая ерунда! — взорвался Стив. — Что они хотят этим сказать, черт бы их побрал? — Он сдержал себя. Ведь электронщик ни в чем не виноват, в конце концов. — Ладно, — сказал он. — Если кто-нибудь услышит разговоры подобного рода, пусть доложит мне!

Головы кивнули в знак согласия. Головы всех присутствующих, кроме генерала Флимера. Генерал каркнул раздраженно:

— Райленд! Мы пришли сюда разводить сплетни или наметить задание для Группы на сегодня?

Райленд погасил злость. Несмотря на то, что Донна Криири поставила его во главе Группы, звание генерала заставляло не связываться с ним зря.

— Хорошо, — сказал Райленд. — Приступим к делу. — Потом он повеселел. — Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник Лескьюри прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда, — сказал он кивая, — мы провели серию новых исследований пространственника с помощью рентгеновских лучей. Используя метод тенеграммы его внутренних органов и способ дистанционной хроматографии при обработке данных, мне удалось обнаружить некую кристаллическую массу, концентрирующуюся на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это означает? — хриплым голосом спросил Флимер.

— Это означает, что мы двигаемся вперед, — с готовностью ответил Райленд. — У пространственника должно было иметься какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и расчетов, подготовленных Опорто, я попросил полковника Лескьюри провести опыты. Он выполнил просьбу в неурочное время, как видите. Это означает, — продолжал он, словно читая лекцию, — что мы нашли то место, где генерируется

нереактивная тяга животного. И еще одну вещь мы узнали после вчерашних расчетов: вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче в Машину.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, медленно кивнул. Помолчав, он спросил:

— И это объясняет то, что произошло в рудничных колониях Антарктиды?

— Я не понимаю… — озадаченно начал Райленд.

— Не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники с большим убытком для Плана Человека. То же самое вызвало катастрофу с реактором и все остальные аварии, мистер Райленд. То самое кольцевое поле, которое вы помогли создавать.

— Конструкция здесь ни при чем, — отчаянно запротестовал Райленд. — Если и произошли аварии, то причиной должна быть механическая поломка, или ошибка человека, или намеренный саботаж…

— Вот именно!

— Как я могу отвечать за аварию в Антарктиде, или в сотне миль под землей, или где-то в космо-

се, дальше Луны?

— Именно это и захочет узнать Машина.

— Возможно, это чистое совпадение, — Райленд лихорадочно искал причину. — Аварии и раньше случались целыми сериями…

— Когда именно?

— Я не помню. Я… не могу сейчас припомнить.

Он запнулся и судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывающая его прошлое, стала еще гуще. Все, кроме научных фактов и воспоминаний о работе, превратилось в ничто, в вихрь, который унесся в небытие. Уже наедине с собой, в своей комнате, он снова попытался разрешить загадку трех пропущенных, дней в его прошлом. Что подозревали терапевты? Что он мог сделать за это время? Почему они считали, будто он получил сообщение из рук Дана Хоррока и знал о пироподах, фузоритах или о том, как создать нереактивный двигатель. Кое-что он понял из рассказа Лескьюри, но ясности эти детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобаля Колона» с описанием и образцами животных из Рифов Космоса. Неужели Машина подозревала, что он связался с Райлендом, прежде чем его поймали и отправили в орган-банк? Райленд пытался решить эту головоломку, но не видел и намека на разгадку.

Как рассказала Донна Криири, между стуком в его дверь и появлением полиции Плана действительно прошло три дня. Но неужели тогда к нему стучал Хоррок? Если так, что стерло воспоминания? Он смотрел на стену перед собой и пытался проникнуть сквозь серый туман в сознании. Он попытался припомнить Хоррока, на котором, наверное, еще была форма, но она была испачкана, забрызгана кровью, ведь он был ранен, тяжело дышал от усталости, от напряжения побега и тащил с собой черный полотняный полетный саквояж, в котором хранились украденные записи и образцы… Эта картина стала почти реальной. Или это была только игра воображения? Принес ли ему Хоррок какую-то информацию, необходимую для создания нереактивного двигателя? Он не мог вспомнить. Наконец, он погрузился в беспокойный сон, в кошмар, где он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. На следующее утро Райленд первым делом пошел к клетке пространственника в ракетной шахте и замер на месте, охваченный испугом. Истекая кровью, пространственник неподвижно лежал на дне клетки. Райленд бросился к дверце и вошел в клетку. Существо не испугалось — оно успело к нему привыкнуть. Пространственника окружала

гаснущая туманная аура, глаза его потускнели, но когда вошел Райленд, они снова загорелись гневным огнем. Существо поднялось в воздух. Поняв, что происходит, Райленд спиной вперед выскочил за дверцу, захлопнул ее и вовремя. Пространственник устремился на него с молниеносной быстротой. Клетка покачнулась, когда он ударился о захлопнувшуюся дверь. Кровь заструилась по прутьям решетки, оторвался клок золотистого меха. Животное рухнуло на пол, жалобно мяукая. Первый раз за все эти годы Райленд почувствовал настоящее бешенство. Он стремительно повернулся на каблуках.

— Готтлинг! — рявкнул он. — Дьявол вас побери, что вы наделали?

Появился полковник, вид у него был ядовитый и самодовольный.

— Здравствуйте, мистер Райленд, — кивнул он.

Райленд приказал себе успокоиться. Лицо Готтлинга больше, чем обычно, напоминало череп, радарные рога антенн придавали жесткому и холодному лицу сатанинское выражение. Но антенны были не просто украшением. Хотя Райленд и являлся руководителем Группы, он оставался опом. Холодная самодовольная усмешка, тронула углы рта Готтлинга, и этого было достаточно, что-

бы напомнить о шатком положении Райленда. Одно прикосновение к кнопке радара на портупее Готтлинга — и Райленду конец.

— Вы опять мучали несчастное создание! — взорвался Райленд.

— Очевидно, это так, — спокойно согласился Готтлинг.

— Черт побери! Я приказывал…

— Заткнись, оп! — улыбка с лица полковника исчезла совершенно. Он сунул Райленду листок телетайпа. — Сначала прочти вот это, чтобы не напортить самому себе!

Райленд поколебался, потом взял листок. Там значилось:

> ИНФОРМАЦИЯ: «Настоящий ход работы признается неоправданно замедленным. Связь метода исследований и аварий должна быть изучена на предмет вероятности».
>
> ИНФОРМАЦИЯ: «Возможно, Райленд связан с прямым саботажем туннелей, реакторов, ионных двигателей».
>
> ДЕЙСТВИЯ: «Руководство Группой вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить полковнику Готт-

лингу по его инициативе».

Райленд в изумлении смотрел на бумагу. Машина снова изменила решение! Но, по правде, не собственное положение больше всего волновало Райленда сейчас. Опасность грозила пространственнику.

— Дополнительные действия! — прогремел он. — Послушай, ты же его убьешь!

Готтлинг пожал плечами, рассматривая пространственника. Тяжело дыша, животное лежало на металлическом полу и смотрело на них.

— Возможно, но я не стану ждать, пока оно само умрет, — задумчиво сказал полковник. — Паскаль не хочет производить вивисекцию, но он вряд ли осмелится отказать, когда получит приказ Машины, — он усмехнулся с ледяным выражением. — Вы все из одного теста, ты, он, дочка Планирующего, Паскаль Лескьюри. Боитесь вида крови. Но боль — это не заразная болезнь. Не надо бояться боли других, это на вас не перейдет, честное слово. Наоборот, — он развеселился, — на страданиях других можно многому научиться.

— Я доложу это Донне Криири, — сухо сказал Райленд.

Полковник широко раскрыл глаза.

— Неужели? Значит, для обороны тебе требуется дочка Планирующего, — он подождал некоторое время. Потом сказал снисходительно: — Но это не имеет значения. Ничего у тебя не выйдет, Райленд. Мисс Криири сейчас на Луне. Ты понял, оп, все, что случится с пространственником, зависит теперь только от меня.

* * *

Райленд рывком распахнул дверь своей комнаты и направился прямо к телетайпу. В комнате сидели Опорто и общительница. Он задержался на мгновение — кажется, он чему-то помешал, но чему? Неважно.

— Опорто! — крикнул он. — Какой номер вызова у Донны Криири?

Опорто кашлянул.

— Да ну же, Стив, я не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни, — с угрозой предупредил его Райленд.

— Три.

Райленд ударил по клавише телетайпа.

ЗАПРОС: «Прошу разрешить прямой контакт с Донной Криири, станция три».

Телетайп едва ли не мгновенно выстучал ответ:

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Вот видишь, — благоразумно пояснил Опорто, — ничего не вышло. А ты думал, что Машина свяжет свои контуры с…

— Молчи, — Райленд снова начал печатать, требуя связи с самим Планирующим.

ИНФОРМАЦИЯ: «Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Отчего ты так разбушевался?

Райленд объяснил, отчего он так разбушевался.

— О, как плохо, — пробормотала общительница. — Бедное создание.

— Тяжело, — поддержал ее Опорто. — Ну, и что ты думаешь делать? Мы всего лишь опасники. Мы не можем ссориться с Готтлингом и всеми остальными. — Он чихнул и пожаловался: — Вот, Стив, ты совсем меня расстроил. Держу пари, что я опять простудился.

Райленд не слышал слов Опорто и едва ли помнил, что в комнате, кроме него, были еще

двое. Что же ему делать? Отрезанный от Планирующего и его дочери, он не мог предотвратить убийства пространственника. Ведь в этом был конец работы Группы. Если то, что сказал ему Планирующий, правда, то под угрозой находится сам План, потому что для его безопасности был очень важен способ, которым пространственнику удавалось перемещаться, не отталкиваясь от чего-либо, нереактивная тяга. И все же Планирующая Машина не позволит ему…

Он моргнул, и комната в его глазах снова обрела четкость очертаний.

— Планирующая Машина! — громко сказал он.

— Что ты говоришь, Стив? — простонал Опорто. — Что ты задумал?

Но Райленд не ответил. Он сел за клавиатуру телетайпа и твердой рукой напечатал сообщение обо всем, что произошло. Полковник Готтлинг предумышленно противостоит приказам Донны Криири и самой Машины. Пространственник в опасности. Опасность угрожает самому Плану. Он кончил печатать и ждал ответа. Он ждал долгие минуты, пока Опорто и девушка шептались за его спиной. Невероятно, что Машине требуется столько времени на ответ! Лихорадочно Райленд спрашивал себя: что это? Перерезаны провода?

Или Машина так перегружена, что сообщение не было принято? Он нагнулся и, не вполне сознавая, что делает, на самом деле проверил, вставлен ли штепсель в розетку, но тут телетайп вдруг зажужжал и застучал. Словно пораженный молнией, Райленд вскочил. Но сообщение было невероятно кратким. Оно состояло из одной буквы: «П»

— Принято и понято, — дружелюбно сказал Опорто из-за спины Райленда. — Ого-го, Стив, это все? Вот тебе и Машина, видишь. Нам спрашивать и спорить не положено. Эй, Стив! Ты куда? — Но Райленд уже вышел.

Он поспешил к генералу Флимеру. Он потерял время зря, уже довольно поздно, придется разбудить генерала, но сейчас он об этом не думал. Он робко постучал в дверь и тут же, без паузы, застучал кулаком.

— Минуту, минуту, — послышался ворчливый голос. Потом дверь распахнулась.

Генерал был уже в пижаме — пурпурной куртке и полосатых ало-пурпурных штанах. Воротник и манжеты украшали витые серебряные шнуры, и комната позади него утопала в ковре серебряного цвета. Это производило ошеломляющее впечатление.

— Райленд? — раздраженно проворчал Фли-

мер. — Какого дьявола вам нужно?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал. — Он не стал ждать разрешения войти и проскользнул в щель между генералом и дверью. Потом то, что он увидел, заставило его застыть на месте и забыть даже о чрезвычайно важном деле, с которым он пришел. У камина стояла статуя, сверкающая серебристая статуя девушки. Но она двигалась! Она открыла глаза и посмотрела на Райленда. Медными губами она спросила: — А это кто?

— Пойди в другую комнату! — рявкнул генерал. Серебряная статуя пожала плечами и пошла к двери. Это была не статуя, а живая девушка. Это стало ясно Райленду, едва он увидел, как она двигается. Райленд не верил глазам. Девушка, вся покрытая серебряной пыльцой, даже волосы у нее были серебряные… А у генерала-то с личной жизнью все в порядке. Но сейчас это не касалось его.

— Сэр, полковник Готтлннг намерен уничтожить пространственника, — быстро сказал он. — Я опасаюсь, что он преднамеренно хочет саботировать наш проект.

Лицо генерала неожиданно преобразилось. Глаза по-кошачьи скользнули вниз, черты лица

приобрели каменную твердость.

— Продолжайте, — сказал он секунду спустя.

— Но это все, сэр. Разве не достаточно? Если полковник Готтлинг не прекратит вивисекцию, это убьет несчастное животное. В этом я уверен. Мисс Криири оставила совершенно определенные приказы…

— Подождите, — сказал генерал, но не предложил сесть. Повернувшись к Райленду спиной, он направился к рабочему столу, нажал кнопку на селекторе и склонялся к микрофону.

— Готтлинг! — завопил он. — Идите ко мне, здесь Райленд!

Из динамика послышалось бормотание. Динамик был направленного действия — Райленд не мог разобрать слов.

— Быстрее! — пролаял генерал, прекращая дискуссию, и выключился.

Не глядя на Райленда, он тяжело опустился в кресло, прикрыл ладонью глаза и просидел так до тех пор, пока не послышался короткий стук в дверь. Вошел полковник Готтлинг. На лице его не было и тени тревоги. И он был не один. Улыбаясь и кивая, за ним следовал оператор-майор Чаттеради.

— Какая прелестная комната, генерал! В самом

деле прелестная! Только истинно утонченный вкус способен преобразовать наши унылые бараки в…

— Заткнись! — генерал Флимер поднялся с кресла. Райленд ждал, что Готтлинг сейчас скажет что-то в свое оправдание, и приготовился подтвердить обвинение фактами. Но генерал не спешил с началом разбирательства. Он вообще не смотрел на Готтлинга. Он повернулся к Чаттеради.

— Итак, Чаттеради, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста, я знал, что он понадобится, поэтому… — Генерал чуть двинул рукой, и майор замолчал.

Флимер взял листок телетайпной рулонной бумаги из рук майора и молча передал Райленду. В приказе говорилось:

> ИНФОРМАЦИЯ: «Стив Райленд подлежит изменению в классификации».
>
> ДЕЙСТВИЯ: «Означенный оп должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК? — вслух повторил Райленд. В ошеломлении он покачал головой. — Но… здесь, должно быть, какая-то ошибка. Резерв НЖК — это

ведь «Небеса». Я хочу сказать…

— Ты хочешь сказать, орган-банк, вот что это такое. — Генерал Флимер кивнул. — Верно, и как раз туда ты направишься. Ты правильно угадал насчет Готтлинга, что он саботирует проект. Твоя единственная ошибка в том, что ты думал, будто он действует один.

* * *

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе. Субпоезду понадобился почти час, чтобы добраться туда. Райленд едва ли обратил на это внимание. Они ехали внутри серого стального шара гораздо менее роскошного, чем вагон Планирующего. Когда они прибыли на место назначения, Райленд, еще не вполне пришедший в себя после потрясения, выбрался наружу и увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили: ВОСКРЕСНЕШЬ В ЛИЦЕ ПЛАНА.

Стены станции сияли угрюмым серым бетоном. Раструбы вентиляторов обдавали их своим холодным и влажным дыханием. Навстречу вышел охранник в белой форме, на груди куртки у него было вышито красное сердце. Майор, конвоировавший партию Райленда, двадцать два

свежих живых трупа для орган-банка, с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон поезда, даже не оглядываясь. Он не любил конвоировать. Никому такая работа не нравилась. Она напоминала каждому, что и он смертен. Даже машин-майор понимал, что одна грубая ошибка, один промах — и он тоже может оказаться на «Небесах».

— Пошли! — рявкнул охранник, и двадцать два ходячих склада запасных частей вяло последовали за ним сквозь стальные ворота. Узкий коридор. Потом длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Райленд сел и стал ждать. Одного за другим их вызывали в соседнюю комнату поменьше. Когда подошла его очередь, он вошел, и девушка в белом схватила его за руку, сунув ее в поток ультрафиолетового света. У нее были рыжие волосы, такие же яркие, как и сердце, вышитое на ее униформе. В потоке невидимого света татуировка на руке призрачно засветилась. Девушка скороговоркой прочитала его имя и номер.

— Стив Райленд, — сказала она, — когда войдешь в эти ворота, твоя жизнь останется позади, потому что как индивид ты не оправдал своего места в системе Плана…

Она широко зевнула, потом покачала головой и усмехнулась.

— Прошу прощения, где я остановилась? Да, но ткани твоего тела все еще могут служить Плану. Прежде чем войти, хочешь ли ты что-нибудь сказать?

Райленд подумал. Что тут скажешь? Он отрицательно покачал головой.

— Тогда вперед. Вон в ту дверь, — сказала девушка.

Позади него, когда он переступил порог, дверь захлопнулась со стальным звоном необратимости. Сначала нужно было пройти тесты. Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеновскими лучами, взяли образцы крови, тканей, прощупали и только что не обнюхали и не попробовали на вкус. Кусочек его плоти был отторжен и быстро перенесен на лабораторный стол, где целая команда девушек пропустила его через серию операций по окрашиванию и микроскопическому исследованию. В результате была составлена генетическая карта его хромосом, и ее закодировали двоичными символами, которые потом оттиснули на его воротнике. Это было интересно. Пересадка органов тела невозможна, даже если применять вещества,

подавляющие иммунитет организма, если донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам. Начинают формироваться антитела. Пересаженная ткань подвергается атаке нового окружения и умирает. Вслед за ней, как правило, погибает и пациент. Чем сложнее участвующие в операции органы, тем более близким должно быть сходство генетических карт. Это была старая проблема. Роговую оболочку легко пересадить из одного — глаза в другой, ткани ее грубы и примитивны, в основном, как вода. Миллионы людей передают свою кровь друг другу — кровь тоже немногим более сложна, чем роговица. Но более высокоспециализированные части тела могут быть пересажены без использования подавителей антител лишь у близнецов. Подавители-медикаменты вроде антиаллергических препаратов, которые когда-то помогли справиться с эпидемиями сенной лихорадки, расширяют границы совместимости тканей, но даже в этом случае генетические структуры должны соответствовать друг другу как можно лучше. Хорошо, что Райленда заинтересовал этот вопрос. Это помогло ему избавиться от мыслей о будущем. К счастью, он не понимал, что находится сейчас в положении пространственника,

попавшего в руки к Готтлингу, и не очень ясно представлял себе, что ожидает его впереди. А впереди была смерть, пусть и безболезненная, но смерть от тысячи ран. Потом его вдруг оставили в покое. Райленд ожидал, что попадет в тюремную камеру. Вместо этого он оказался в парке отдыха для миллионеров, чувствовал под ногами ковер травы и щурился от блеска теплого солнца Карибского моря. Солнце уже клонилось к закату. Райленд смотрел на деревья и уютные домики, потом шагнул вперед, но что-то вспомнил и вернулся к охраннику:

— Что я теперь должен делать? К кому мне обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому, — сказал охранник, тихо закрывая дверь. — Больше регистрироваться тебе не придется.

Райленд пошел по широкой зеленой аллее к воде, сверкающей вдали. Это направление было не хуже другого. Еще никогда он не оказывался в таком положении — без приказов и регистрации. Это беспокоило его почти так же, как и будущая перспектива быть разобранным на запасные органы. Он так углубился в себя, что не расслышал, что его кто-то зовет, пока человек не крикнул.

— Эй! Эй, новенький! Вернись!

Райленд повернулся. Человеку, который звал его, было лет пятьдесят, самый, так сказать, расцвет. Это — должен был быть крепкий, загорелый мужчина с шевелюрой густых волос, очки ему еще не были нужны. Если бы все сложилось нормально, у него впереди было бы еще лет сорок. Но к Райленду, спотыкаясь и хромая, продвигался человек совсем другой внешности. Он был совершенно лыс. Через мгновение, когда на голове его блеснул солнечный луч, Райленд понял, что это не кожа, а пластическое покрытие. Ходил он с помощью длинной трости, едва ли не с костылем. И держали его в вертикальном положении не ноги из плоти и костей, а протезы. Один глаз заменяла заплата, другой был вынужден косить, так как новый кусок пластика покрывал то место, где раньше было ухо.

— Слушайте! Вы только что прибыли? — Голос его был глубоким и резонирующим. Хотя бы это ему удалось сохранить.

— Да, только что, — ответил Райленд, не подавая вида, что испуган.

— Вы играете в бридж?

Выражение лица на миг вышло из под контроля Райленда, но он тут же снова овладел положением.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье, — когда мужчина нахмурился, объявилась новая особенность его лица. У него не было бровей. — А в шахматы?

— Немного.

— Громче! — крикнул мужчина, поворачивая в сторону Райленда уцелевшее ухо.

— Я сказал «да»!

— Ага, это уже кое-что, — сказал мужчина почему-то сердито. — Хм. Может, вы научились бы в бридж, а? У нас хорошая компания. Без грубостей, и чужого не берут. И без «обрубков». Я староста в нашем домике, — с гордостью сказал он. — Я здесь дольше всех остальных. Посмотрите на меня — много чего еще осталось, верно?

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком доме поселиться? — медленно спросил Райленд. — Я еще не знаю здешних правил.

— А правил тут никаких нет. Впрочем, — мужчина вздохнул, — запрещено драться, если это грозит повредить какой-нибудь орган, никаких опасных игр — вас утилизируют в целом виде. Понимаете? Все это вам уже не принадлежит. Это собственность Плана, и вы должны заботиться о ней… — Он продвинулся немного вперед, налегая на трость-костыль. — Ну, так как? По-моему, вид

у вас самый подходящий. Послушайтесь совета и пойдемте со мной. Не слушайте тех, из других домов. Они будут хвастаться своим настольным теннисом, а какой от него прок, если завтра вы не сможете играть в настольный теннис. — Он усмехнулся, обнажив ряд небрежно вставленных искусственных зубов.

Райленд пошел вместе с этим одноглазым, которого звали, как выяснилось, Уайтхарт. Из него вышел бы хороший продавец. Как понял Райленд, он дал верный совет насчет выбора дома. Райленд увидел, что у некоторых домиков стены были облуплены, вид они имели запущенный и неопрятный, обитатели их слонялись вокруг с угрюмым, скучающим видом. Домик Уайтхарта, по крайней мере, был оживленным. Как это было ни унизительно, но «Небеса» показались Райленду даже приятным местом. Еду давали отличную. Как гордо сообщил Уайтхарт, продукты были исключительно натуральные — ни синтетики, ни эрзацев. (Ткани тела нужно содержать в приличном состоянии!). Множество свободного времени. Пациент всегда должен быть в форме для серьезной операции. Здесь была даже, скажем прямо, свобода, так, по крайней мере, выразился Уайтхарт, но, говоря об этом,

он, как показалось Райленду, смутился и не стал объяснять подробности. Райленд понял, что это страшнее. Если «Небеса» и были тюрьмой, то стены все-таки находились вне поля зрения. Исчез страх совершить ошибку.

Обстановка была превосходная. По зеленому ковру были разбросаны домики. На зеленых холма шевелили ветвями пальмы. Вокруг озера разрослись дубы и кедры, а в озере водилась настоящая рыба. Тропическое небо было вечно голубым, а в вышине летали стайки облаков. Обитатели коттеджа, в котором жил Уайтхарт, называли себя Президентами Дикси. Никто не помнил уже, какой обреченный на утилизацию антиквар выбрал такое имя, но давать название домикам стало традицией, и последующие поколения обитателей сохраняли ее. Президент Дикси был, по договору, чисто мужским коттеджем. Обитатели имели право выбирать — на «Небесах» не придерживались монашеских правил, и существовали смешанные коттеджи, откуда по вечерам слышались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей. Прислушиваясь вечером к разговорам соседей по комнатам, Райленд обнаружил несколько вещей, очень его удививших. Коттедж напротив занимала

целая семья. Странно! Фамилия их была Минтон — мистер Минтон, миссис Минтон и их пятеро взрослых детей. Какое групповое преступление совершила семья Минтонов, чтобы попасть в запасные части в полном составе? Что-то тут было не так. Принцип, лежащий в основе орган-банка, был ему хорошо знаком. Ему подробно объяснили этот принцип во время транспортировки в вагоне субпоезда, будто в системе Плана имелся хотя бы один человек, не знавший о нем с детства. Каждый индивидуум в системе Плана обязан был вносить лепту в общее дело на благо всех людей. Если, кто-то не умел или не желал исполнять свой долг, его заставляли служить обществу иным способом — утилизировали. Другими словами его конечности и прочие органы шли на лечение более ценных граждан Плана, заменяя их поврежденные в авариях или разрушенные болезнями части тела. Этот процесс был привлекательным для реципиента, а не для донора. Но в нем была своего рода суровая справедливость, и, как подумал Райленд, нужно было, собрав силы, перенести все, что могло с ним случиться — благо целого мира было важнее, чем его собственное благополучие! И все же… Одна мысль чрезвычайно его беспокоила. За свою жизнь он знал многих

людей, утилизированных в орган-банке. Но не мог припомнить, чтобы хоть раз встречал человека, получившего новые органы… И теперь, когда, кажется, поздно было над этим размышлять, Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его мучило предположение, что когда-то он знал секрет, способный преобразить весь План Человека, если б только он смог бы вспомнить. В тот вечер, посмотрев, как играют в бридж, он лег на койку, стараясь напрячь память. Неужели в его дверь постучали два раза — первый раз в пятницу и потом еще в понедельник? Если действительно приходил к нему Хоррок, что за сообщение он мог принести? И даже если нереактивную тягу можно было изобрести, то какую она могла бы представлять опасность для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, был свободен от власти Машины? Ответов он не мог найти. Туман в его памяти стал еще гуще. Даже пухлое, с вечно извиняющимся выражением лицо доктора Трейла успело немного затуманиться. И он вообще больше не вздрагивал, припоминая, как холодные электроды пристегивались к телу. Райленд заснул, и ему приснилось, что он изобрел нереактивный двигатель. Это было обыкновенное помело. Сидя на нем, он летел сквозь джунгли пятиконечных

звезд, а по пятам следовал генерал Флимер на пространственнике. Флимер пришпоривал и терзал животное, а оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд будто вылетел из одного сна в другой, ему снилось, что он в орган-банке, лежит в необыкновенно мягкой постели, и вдруг оказалось, что это так и есть на самом деле. Он сел, протирая глаза, глядя на кровать напротив. На колесном кресле с автономным питанием мотора смонтированы были десять фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть товарища по комнате Райленда находилась не в постели, а в этой кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом, аккуратно изуродованным скальпелем врача. У него был неприятный характер. Звали его Алден.

— Давай, Райленд, — проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека. — Ты знаешь наши порядки. Помоги мне.

— Хорошо. — Времени до утренней поверки и завтрака оставалось достаточно, Райленд знал об этом: иначе старожилы в коттеджах не успевали бы прикрепить ноги и прочие органы. Как новичок, не тронутый пока утилизацией, Райленд

должен был помочь другим. Младшие члены орган-банка заботились о старших. Авторитет здесь имел не возраст, а время пребывания на «Небесах». Система была справедливой, как объяснили Райленду, и кроме того, выгодной каждому.

— Увидишь потом сам, — мрачно сказал Уайтхарт. — Подожди, пока от тебя отрежут пару кусочков.

С утра разговоры были такими вежливыми и мирными. Странно, думал Райленд, внимательно прислушиваясь. Вероятно, это была лишь обычная раздражительность пробуждения, свойственная всем людям, но приводило его в недоумение то, что даже несчастные человеческие обрубки — «корзинки», как их здесь называли, громко рассуждали о своих планах и тщательно выверяли расписание патрульного облета территории геликоптерами охраны. Алден, например, минут двадцать бормотал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где — если бы он действительно был — верный друг ждал бы с надежной подводной лодкой. Слушать его было, конечно же, и смешно, и грустно. От Алдена осталось меньше, чем стоила возня с побегом. А в его тоне еще вчера вечером сквозило полное смирение: «Ты поймешь, сынок, — говорил он

Райленду, — мы все здесь не зря оказались. Мы сами это заслужили». В этих рассуждениях одно не сочеталось с другим.

Еще ночью Райленду что-то мешало спать, упираясь в ребра. Едва Алден выехал в своем кресле из комнаты, он поднял матрас. Под матрасом лежала плоская алюминиевая коробка. Он открыл крышку и вытряхнул оттуда куски сахара, листки с планами местности и жалкими подделками дорожных приказов Машины. И тетрадь. Это был дневник какого-то бедняги, который здесь жил раньше, обозначавшего себя лишь инициалами Д. У. Х., он писал его почти три года. Первая запись содержала трезвую суровую оценку положения.

> «16 июня. Сегодня утром нас привезли на „Небеса“. Выбраться отсюда я не могу. Если бы и мог, мне некуда податься.
>
> Но если я оставлю надежду каким-то образом выбраться отсюда, это равносильно смерти сразу, сегодня. Поэтому я попытаюсь бежать. Маяться здесь я не намерен».

Последняя запись, сделанная уже явно полупарализованной рукой, была менее трезвой, менее решительной.

«Май, число, кажется, 9-е. Одна мин. прд. поверкой. Каж. я нашел! Нкто нкгд не следит за свалкой останков трупов! Я знал других, кто выглядел получше меня и — ууууп! — вниз по трубе и прямо на баржу. Поэтому сегодня ночью. Главное — пройти еще одну поверку. У меня еще много осталось всего. Наружи, рли не играет. Если я только… Звонят. Остл. потом».

Остальные листы были чистыми. Завтракали до начала утренней поверки, и Райленд, сунув дневник под матрас, задумчиво направился в столовую. Уайтхарт не обманул его относительно еды. Здесь вообще не было нормированного рациона. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом. Овсянка, фрукты и горячие бисквиты. Райленд ел, пока не набил полный желудок. Он почувствовал себя гораздо лучше. Мир показался ему более спокойным и ярким, соседи его бросили ворчать и строить планы побега, послышался смех, кто-то переговаривался с другим концом стола. Рядом с Райлендом сидел Уайтхарт, и Райленд заговорил с ним о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни, — сказал одноглазый. — Он здесь жил целую вечность. Видно, какой-то очень нужный тип, с него столько всего порезали. Под конец он держался только на механическом искусственном сердце и фильтрующей искусственной почке. Забавный он был парень — набирал всегда неплохо, но когда играл…

— Что с ним потом случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу оба легких. Жаль, да? Но он до конца был с обеими руками — от плеча до кончиков пальцев.

Звонок позвал их на утреннюю поверку.

— Поверки проводятся три раза в день, — шепнул на ухо Райленду Уайтхарт, — и каждый обязан присутствовать, иначе полная утилизация немедленно.

Вдоль нестройных рядов собравшихся сновали охранники в белых формах с красными эмблемами сердец на груди, сверяли татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Файвецер, Бриин, Морчанд, — пропел охранник, занимающийся домиком Президента Дикси. — Для вас сегодня ничего нет, парни. Можете ступать обратно. Алден, Хенсли… Хенсли? Что такое, он как сюда попал? Его ведь на про-

шлой неделе совсем разобрали? — Полдюжины голосов подтвердили, что так и было, охранник вычеркнул имя из списка. — Паршиво работает администратор. Так, а ты кто? — Он поднял к Райленда. — Ага, Стив Райленд. Добро пожаловать. Для тебя сегодня пока ничего нет. Уайтхарт. Так, Уайтхарт, пойдем-ка. Сегодня твоя очередь.

Райленд ушел оттуда как можно скорей. Все собравшиеся смеялись и чувствовали себя свободно, но при виде Уайтхарта, которого уводили, Райленд ощутил, что легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло. В любой момент его собственное имя могло попасть в список. Если он что-то мог сделать, чтобы помочь себе, действовать нужно было немедленно. Райленд снова извлек тетрадку дневника из-под матраса, выскользнул через черный ход из коттеджа и отыскал солнечное укромное местечко на вершине холма. Он присел, облокотившись о каменную стену ограды и начал изучать дневник покойного Д. У. Х. Там ничего не говорилось о прошлой жизни человека. Но кем бы он ни был, это был умный и образованный человек, имевший понятие о методе! Он начал с систематического изучения своего окружения. Из записей, которые были в начале тетради, Райленд

извлек некоторые полезные цифры. На «Небесах» в тот период обитало 327 человек, включая двенадцать детей в возрасте до 18 лет (и что они могли совершить, чтобы попасть сюда?). «Небеса» не были единственными в своем роде, имелось еще, видимо, несколько таких заведений. Дважды партии обитателей орган-банка отправлялись куда-то в неизвестные места за пределы ворот, очевидно, пополнить запасы материала в других банках. Внутри стен не было никакой охраны, исключая поверки. Обычно на поверки выходило до двенадцати охранников, а один раз Д. У. Х. насчитал пятнадцать человек еще и наружной охраны. Территория «Небес» простиралась на сто акров, и в дневнике имелась карта, много раз переделанная и исправленная. Заметка на карте говорила, что стены наверху защищены электричеством и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов. Видимо, кто-то на самом деле совершил подкоп такой глубины. Морская сторона не огораживалась, но там имелась стальная сетка, а за ней обычная угроза — акулы. Стену прерывало только здание, через которое Райленд попал сюда, и сопутствующие ему строения: клиника, силовая станция, дом администрации и санитарное отде-

ление. Именно там находилась «свалка», которая привлекла внимание Д. У. Х. Она находилась недалеко от берега, и трубопровод вел на баржу, которую буксировали затем в море и там освобождали от останков обитателей «Небес» вместе со всеми остальными отходами этого небольшого человеческого общества. Райленд задумчиво рассматривал карту. Обещающе выглядела лишь свалка. Однако писавший дневник не думал о ней сразу, а мысль эта пришла к нему лишь через несколько месяцев, когда, судя по характеру записей способность к трезвому мышлению начала покидать его. Все же это стоило обдумать. Возможно, этим путем удастся бежать… Но куда потом деваться? Райленд отбросил эту мысль и принялся вчитываться в записи дневника, пока шум, доносившийся от коттеджей, не сообщил ему, что подошло время полуденной поверки.

Никого из обитателей «Президента Дикси» в полдень не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял не дыша. Гатник, занимающий в шеренге место рядом с ним подмигнул и сказал:

— Поначалу оно всегда так. И потом тоже, все равно.

— Что это? — только и сказал в ответ Райленд.

Гатник повернулся. Вдоль посыпанной гравием дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесах и тележку с дополнительными приспособлениями. Все это было присоединено к занимавшему место на сиденье кресла. От него мало что осталось. Вся голова была закутана бинтами, только в том месте, где положено быть рту, виднелось отверстие. Дополнительная тележка несла на себе внушительное сооружение из помп и трубок, цилиндров нержавеющей стали и электрических проводов.

— А, этот, — сказал Гатник. Помахать рукой он не мог, так как обе его руки понадобились кому-то в другом месте, но он наклонил туловище и крикнул: — Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова едва заметно кивнула. Все остальные части человека оставались неподвижными. Невидимые губы почти беззвучно зашевелились, словно задыхаясь.

— Это ты, Гатник? Всего лишь вторую почку, я думаю.

— У тебя еще полно всего осталось, — жизнерадостно сказал Гатник, и они пошли на ленч. Но Райленда не покидала картина встречи с «корзинкой».

— Я не знал, что они поддерживают нас живы-

ми, когда не остается почти ничего.

— Я так думаю, что Алек — особый случай. Он старше всех на «Небесах». Он здесь уже, — голос Гатника выдал уважение, — почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же, едва он сделал пару глотков, как ему пришлось заняться кормлением Гатника, а потом он как-то приободрился. Поразительно все-таки, думал он, без определенной цели прохаживаясь по дорожкам «Небес», как еда облегчает жизнь человеку. На хорошей диете он и чувствует себя хорошо. Это доказывает… да нет же, на миг вспыхнуло озарение, это доказывает только то, что обреченное существо, такое, как он, Райленд, способно утопить свои страхи в приливе физического удовольствия. Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник, изучить… Его кто-то звал. Он повернулся и увидел, что к нему мчится чудо-Опорто.

— Ух ты! Райленд! Это ты!

Опорто остановился. То же сделал и Райленд. В следующий миг он вдруг понял, что оба осматривают друг друга, проверяя, нет ли недостающих частей. Как быстро это стало привычкой!

— Кажется, у тебя все на месте.

— Я здесь всего пару дней. Попал в партию

прямо перед торой… я видел, как ты входил… Эх, лучше бы я остался в Исландии. Нет, я тебя не виню, конечно, — мрачно закончил он.

— Извини.

— Ничего.

— Ну так где ты живешь теперь? — Райленд рассказал о «Президенте Дикси».

— Ха! Эти старые развалины? Слушай, почему бы тебе не перейти в нашу компанию? У нас как раз два свободных места, и среди наших ребят есть отличные парни. Знаешь, как получается, потеряешь то да это, и остается одна голова, поэтому занятие приходится искать, в основном, умственное. Так вот, один парень, мой сосед, он нашел «Лилавату» — сборник древних индийских задач, это, в основном, диафантные уравнения, если подойти к сути, но…

— Я интересуюсь сейчас другой проблемой, — мягко прервал его Райленд.

Опорто ждал продолжения.

— Я хочу выбраться отсюда.

— Ну, нет, погоди! Стив, не сходи с ума. Такой парень, как ты, у тебя здесь впереди годы. Неужели ты хочешь?..

— Да, хочу, — сказал Райленд. — Хочу отсюда выбраться. И это не только вопрос моей жизни,

хотя и она очень меня, волнует, признаюсь.

— А что еще? А-а. Можешь не говорить. Та девушка.

— Нет, не девушка. Не совсем. Но она тоже частично сюда входит. Что-то опасное происходит с пространственником и полковником Готтлингом, и это нужно остановить.

— Ну-ну, Стив, — мрачно сказал Опорто. — Эти разговоры ни к чему. Во всяком случае… — он умолк.

Райленд достаточно хорошо знал коротышку и не стал ждать добровольного продолжения.

— Во всяком случае, что? — подсказал он.

— Во всяком случае, — сказал Опорто, — я не понимаю, зачем тебе та девушка. Я думал, что для тебя важнее другая. Ну, помнишь, 837552… Я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер… Он не обладал необычайной памятью Опорто на цифры, но это явно был номер…

— Анджела Цвиг, — прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых он ощутил на своих губах, едва произнес ее имя.

— Вот именно. Ага, так ты ее не забыл! — Опорто наслаждался взрывом своей бомбы. — Почему

бы тебе не повидать ее? Она здесь уже давно, вот в том коттедже возле озера.

— Она здесь!? Но она работала в полиции Плана, — Райленд был изумлен. — Неужели План начал утилизировать собственных агентов?

— Да, — рассудительно сказал Опорто. — Я бы сказал, что она здесь. Во всяком случае преимущественно. Ты можешь увидеть все сам.

Сначала Райленд почувствовал потрясение и смущение. Неловко волоча ноги, он подошел к девушке в кресле на колесах. Он грубовато произнес ее имя. Потом встретил ее взгляд и больше ничего не говорил. Анджела? Неужели в кресле та самая девушка, которую он когда-то знал? У нее не было рук, и, судя по складкам халата на коленях, этих коленей у нее тоже не было. Но лицо ее оставалось нетронутым — зелено-голубые глаза, золотистые волосы, и голос был тот же — сильный грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно удивилась. — Не смотри так, — засмеялась она. — Я знаю, что ты чувствуешь. Ты только что прибыл, а я здесь уже двадцать один месяц.

Чувствуя неловкость, Райленд присел на траву рядом с ней. Коттедж Анджелы стоял посреди

небольшой рощицы, и вокруг него пестрели аккуратно ухоженные клумбы. Цветы! Райленд не мог вспомнить, чтобы вокруг дома он где-нибудь видел цветы. Только в парках. Хотя это тоже был своего рода парк.

— Я и не мечтала увидеть тебя еще когда-нибудь, — тихо сказала Анджела. — После того, что случилось. — Она вздернула подбородок, и маленький мотор кресла зажужжал. Очевидно, в подголовнике, обитом бархатом, были скрыты выключатели, чтобы она могла управлять колесами кресла. Повернувшись теперь лицом к Райленду, она сказала: — Ты не винишь меня, правда?

— Ты только исполняла свою работу, как и все мы, — пробормотал Райленд.

— Это очень точно, Стив. Ах, Стив! Я рада снова тебя видеть. Нам надо о многом поговорить. Отвези меня к озеру, — попросила она.

Почти целых три года готовился Райленд к встрече с Анджелой Цвиг, если это только случиться. Но теперь он забыл все, что хотел сказать. Все, о чем он молча и яростно думал ночью на койке и разговаривал с валунами в изоляционном лагере. Теперь, оказавшись лицом к лицу с девушкой, он болтал о пустяках. Они смеялись. И

это было ему приятно. *Приятно!* И это она надела на его шею железное кольцо.

— Работая для Плана, всегда чувствуешь себя правым, — заметила она, будто прочитав его мысли. Они остановились на берегу озера.

— Я даже не обращаю внимания на воротник, — сказал он, стараясь успокоить ее.

— Конечно, Стив.

Он почесал лопатку о ствол пальмы.

— Никогда бы не подумал, что смогу. Я даже помню, как разговаривал с одним человеком в лагере. Он сказал, что я привыкну. И я сказал…

Он замолчал и слегка нахмурился.

— Что ты ему сказал, Стив?

— Я сказал, — медленно повторил Райленд, — что никогда не перестану ненавидеть воротник, смирюсь с ним только, если умру или наглотаюсь наркотиков.

Она улыбнулась ему с безмятежностью китайского мандарина. Вернувшись в коттедж «Президента Дикси», Райленд перелистал дневник, принадлежавший бывшему владельцу его койки. Там была одна запись, которую он хотел перечитать.

Он отыскал ее.

«Это коварное место. Атмосфера такая покойная — бог знает отчего! — что так и тянет расслабиться, и пусть все идет как идет. Сегодня Каллен вернулся из клиники хихикая, потому что сестра рассказала ему анекдот. Ему вырезали оба глаза!»

И два дня спустя:

«Вчера я потерял вторую ногу. Больно, но мне делают уколы обезболивающего. Странно, почему я так равнодушно к этому отношусь! Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и направился на вечернюю поверку. Остальные жители «Президента Дикси» уже были там, и приветствовали они его с холодком. Райленд не обратил на это внимания, хотя понимал, в чем дело, — он мало времен уделял общественной жизни коттеджа. Он едва различал охранников в белой форме с алыми сердцами, вышитыми на белых куртках, когда они пошли вдоль шеренг, монотонно читая списки. Мысли его были о другом. Райленд был вполне уверен, что мозг его работает так же хорошо, как и всегда. И не придавал никакого значения тому, что почти

забыл о воротнике, воротник его перестал беспокоить. Это было первое положение силлогизма. Второе вытекало из записки в дневнике. Каково же заключение?

— Пойдем, я сказал! — раздраженный голос охранника привел Райленда в чувство, и он осознал, что было названо его имя.

— Я? Вы назвали меня?

— Тебя. Именно так я и сказал, сегодня твоя очередь. Пошли в банк тканей!

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта. Стоявший рядом с Райлендом человек что-то лихорадочно, почти неслышно шептал, глаза его прикипели к дверям лифта, словно это были врата самой преисподней. Он заметил, что Райленд смотрит на него, и судорожно улыбнулся.

— Вы первый раз? Я тоже. Я думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай, давай, — охранник начал вталкивать их в раскрывшиеся двери лифта. — Проходи давай!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил их всех в подземном зале. На стенах помаргивали голубые асептические светильники, гул в решетках вентиляторов говорил о том, что работают очистители воздуха. Охранники приказали им

садиться. Здесь стояла дюжина длинных деревянных скамей. В «зале ожидания» было просторно, хотя два десятка живых трупов слонялись туда-сюда. Райленд принялся рассматривать их. Некоторые, казалось, имели все части тела на месте, если чего-то и не хватало, это не сразу было заметно. У других были видны признаки предшествующих операций — не хватало ноги, уха, пальца. Но были и настолько запротезированные, так мало оставалось в них плоти и крови, что приходилось удивляться: что еще могут снять с них хирурги? Нервного вида мужчина поменял место, чтобы сесть рядом с Райлендом, и прошептал ему на ухо:

— Мне кажется, на первый раз они много не возьмут. Зачем? Например, тело у вас может плохо пересаживаться. Тогда они сначала должны сделать пару опытов и посмотреть, как идет дело, прежде чем начать основную операцию. Друг, я в этом положительно уверен… — он замолчал, так как дверь отворилась. Глаза у него были, как у умирающего котенка. Но это всего лишь вошла сестра, она почти не обратила на них внимания. Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить человека.

— Совершенно верно, — сказал он. — Так оно и

должно быть. — Хотя так на самом деле не было. План уже знал все, что нужно было знать об их тканях. Но нервный мужчина ухватился за это предположение.

— Да, сейчас нам ничего серьезного можно не бояться, — пробормотал он. — Наверное, какой-нибудь болван отрезал себе пару пальцев… — он удивленно посмотрел на свою ладонь. — Пару пальцев… Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога. Но в первый раз ничего серьезного не берут, потому что…

Дверь отворилась. Вошел молодой стройный охранник. Он явно скучал, и во взгляде, который он бросил на ожидающих, не было ничего особо гуманного.

— Экротч? — вызвал он, глядя в свой список. Мужчина, сидящий рядом с Райлендом, подскочил. — Пошли!

Нервный человек с отчаянием посмотрел на Райленда, сглотнул и вышел. Дверь беззвучно затворилась за ним, будто навсегда. Райленд сидел и ждал. Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы дать Плану то, что План требовал. Райленд смотрел, как они уходят, потому что лучше было думать о других, чем о себе и о том, что сейчас случится. Здесь

был ветеран с ярко-голубыми глазами, сипевший трубками дыхательного аппарата, заменившего его собственный, молоденькая девушка со странно плоской одной стороной тела, мужчины и женщины разных телосложений и возрастов. Райленда вызвали почти самым последним. Его поманила сестра. Он встал, чувствуя внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное щекочущее ощущение, будто рождалась боль, еще не нашедшая себе места в его теле. Что с ним сделают? Нога, рука, какие-то внутренние органы?

— Пойдем-ка, — сказала сестра раздраженно.

Это была симпатичная рыжеволосая девушка. На пальце у нее он даже заметил кольцо. Удивительно, подумал Райленд. Она обручена! Где-то есть планобоязненный парень, который смотрит на нее с любовью и теплом. А здесь она — воплощение чего-то, что совсем скоро намерено лишить Стивена Райленда части его собственного тела. Он напряженно зашагал вслед за сестрой. В ушах гремел пульс — стук собственного сердца. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий запах антисептиков. Он чувствовал тесноту своей поношенной красной униформы. Голубой свет стерилизующих ламп

стал непереносимо ярким. Он находился в маленькой комнате, где основное пространство занимал большой операционный стол, сверкающий нержавеющей сталью. Райленд посмотрел на этот стол и провел языком по пересохшим губам. Неожиданно сестра захихикала.

— Боже! Вы такие все нервные. Разве ты не знаешь, зачем ты здесь?

Райленд напряженно кивнул. Он это прекрасно знал. И все же, почему не видно сверкающих никелем инструментов?

— Не думаю, — с веселым преувеличением сказала девушка. — Сегодня у тебя возьмем только кровь, друг. Только поллитра красной крови. Конечно, в другой раз может быть по-другому.

Райленд лег на стол, на спину, его накрыли накрахмаленной белой простыней, пристегнули руки ремнем. Он лежал, глядя, как течет его кровь в литровый сосуд. Кровь его была винно-красного цвета и текла очень медленно, пока не наполнила половину сосуда. Боли он не ощущал совсем. Конечно, ничего особо приятного тут тоже не было. Что-то неприятно подергивалось в руке, как предупреждение о чем-то, что могло бы привести настоящую боль, словно нервы, привыкшие справляться с более серьезными

ранами, не знали, что передавать мозгу, и только выражали таким образом свое беспокойство. Трубка время от времени издавала неприятный звук, словно сифон, всасывающий воздух, и снова воцарялась тишина. Сестра оставила его одного. Поразительно, как все вокруг замерло… И поразительно, как четко начала работать голова. Он был спокоен. И более того, он знал, что он спокоен. И еще более того, он начал сознавать, что был спокоен — невозможно, безумно, глупейшим образом спокоен, с самого прибытия в орган-банк! Так же, как и все остальные! Это объясняло жизнерадостность ветеранов «Президента Дикси». Успокоение! Но это было неестественно и, следовательно, вызвано наркотиками. Райленд лежал, глядя на пузырьки, возникающие на конце трубки, из которой текла его кровь, и удивлялся, как он мог этого не заметить раньше. Даже писавший дневник человек не заметил этого, хотя почти подошел к отгадке вплотную. Наркотики! План Человека понимал, что некоторые стремления человека не подчиняются здравому смыслу. Одно из них — стремление к самосохранению. Но Машина не может рисковать возможностью внезапного взрыва инстинктов. Машина должна была знать, что каким бы ни было настроение

членов Плана, направленных в орган-банк, как бы они ни были обработаны в духе исполнения своих обязанностей перед Планом, угроза расчленения может пересилить любое чувство долга. Поэтому Машина предприняла меры. Очевидное средство — и ни один человек не заметит этого — накачать «живые трупы» транквилизирующими наркотиками. Вошла сестра. Она постучала пальцем по стенке сосуда, отсоединила трубки и проворно вытащила иглу из вены Райленда. Она, что-то про себя напевая, прижала ватку, смоченную в спирте, к красной точке на руке Райленда и велела:

— Согните руку и держите ватку.

Райленд едва слышал ее. Транквилизаторы, подумал он, словно в голове его отозвалось эхо. Это все объясняет. Вот почему тщательные планы Д. У. Х. ни к чему не привели — пока они успели созреть, исчезло побуждение, способное провести их в жизнь. Вот почему сам Райленд зря теряет драгоценное время. Удивительным было только одно: каким образом ему удалось найти отгадку. Сестра распрямила его руку, выбросила ватку и сказала:

— Прямо туда.

Райленд послушно направился к двери, потом

остановился, придя, наконец, в себя. Медбрат покатил вдоль коридора электрические носилки на колесах. На носилках, закрыв глаза, лежал тот самый нервный человек, с которым Райленд сидел вместе в «зале ожидания». Ему явно что-то удалили — но что именно? Руки были на месте, ноги тоже проступали сквозь простыню, на лице не замечалось ни следа операции.

— Простите, — сказал Райленд сестре. — Что случилось с этим парнем?

Сестра посмотрела куда-то мимо.

— А, с этим… — Глаза ее потемнели. — Это была большая операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю, — секунду помолчав, она сказала быстро: — Нам нужен был целый позвоночник. Не было особого смысла утилизировать все остальное.

Райленд, спотыкаясь, вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который теперь уже навсегда обрел покой. Он посмотрел через плечо на сестру и сказал:

— До свидания.

— До встречи, — ответила она.

За пределами стен «Небес» тридцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились,

одним словом, исполняли свои маленькие обязанности в структуре Плана Человека. В Саскачеване инженер повернул рубильник, и половина склона горы поднялась в воздух и скользнула в озеро, открыв жилу бедной урановой руды, одно из последних оставшихся месторождений. В городе Фиесоле, в Италии, полковник Технического Корпуса производил инспекцию водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя в своем плоскодонном суденышке, он заметил, что беспорядочно разбросанные домики на берегу, которые он раньше видел здесь, уже почти полностью погрузились под воду. Это был Дворец Питти, но он о таком никогда не слышал. Под Гондурасом обвалился туннель субпоезда и тысяча восемьсот мигрирующих сельскохозяйственных рабочих были мгновенно поглощены раскаленной магмой. Планирующий, вернувшись из поездки на Луну, подписал приказ, который приведет к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, создав тысячи миль новой земли на своих сократившихся берегах и создав гигантскую электростанцию в проливе Гибралтар… Но на остров Куба не доносилось даже эхо этих событий. Здесь царил покой. Здесь

было так уютно. И Стив Райленд думал об этом, как только мог напряженно. Он серьезно поссорился с представителями «Президента Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен. В результате он потерпел проигрыш в 800 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был весьма доволен. Ссора повышала содержание адреналина в крови. Он отправился наружу, поискать кого-нибудь для новой ссоры. Самым подходящим кандидатом, рассуждая логически, была Анджела, и он обнаружил ее в том же месте, что и в прошлый раз. Она загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой, — прошептала она. Но он не желал поддаваться ее обаянию.

— Только что я сделал первый взнос в наш банк, — грубо сказал он. — Угадай, какой? — Он дал ей время с беспокойством осмотреть его, потом объяснил: — Ничего особенного, всего только кровь. Повезло, а?

Тон его был отвратительно грубым.

— Да, Стив, — сказала она. — Это большая удача. Мы должны говорить только об этом? Давай снова пойдем к озеру. Сегодня тепло, и у фонтана должен быть ветерок…

— И это все, что тебя заботит, не так ли?

— Стив!

— Еда и уютная обстановка. И это все, что тебе требуется?

— Стив, сегодня ты в дурном настроении, — раздраженно сказала Анджела. — Если ты не хочешь идти со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она раскрыла рот, потом закрыла, посмотрела на него, тряхнула головой. Она была рассержена, но одновременно это ее не трогало. Райленд ее раздражал, значит, она уйдет от него. Задумавшись, он стоял на месте. Даже когда Анджела метнулась в сторону, если это подходит для описания движений женщины без рук и ног в электрическом кресле на колесах, он продолжал стоять там, размышляя. Одно дело знать, что в крови находятся транквилизаторы. Другое дело — знать, что предпринять по этому поводу. Он мог поддерживать адреналиновые железы в боевом состоянии, ссорясь с другими обитателями банка, но это утомляло. Лучше всего сначала вывести наркотик из крови… Это было просто сделать. Для этого нужно было одно, Райленд видел ясно: он должен совсем перестать есть и пить. Когда на следующий день время подошло к завтраку, он понял, что в системе имеются недоработки. Что-

то есть ему необходимо, иначе он умрет. А от этого лучше не станет. Он остановил выбор на сахаре. В тот день, после полуденной поверки, он унес свой поднос в самый угол столовой… и оставил его там, не притронувшись к еде. Набив карманы кусками сахара, насколько мог незаметно, Райленд вышел. Это был оправданный риск. Вся еда попадала под подозрение, в том числе и сахар. Но вряд ли даже Машина при всей ее педантичности станет возиться с нашпиговкой наркотиками сахара. Конечно, вода была вне дозволенного. И Райленд уже начал очищать воду из озера. Это привлечет внимание, думал он. Он отправился повидать Анджелу, чтобы отвлечься от жажды. Они прогуливались вместе, девушка удобно себя чувствовала в своем поразительно маневренном кресле. Но Райленд сегодня показался ей в мрачном расположении духа. Они сели у озера, и Стив с вожделением уставился на воду. Вода, такая чистая, притягивающая! Сладкая вода! Но это был источник всей питьевой воды на «Небесах», и, несомненно, его уже успели обработать Он разговаривал с Анджелой, в основному о плавании и о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбегаются волны от носа лодки. Наконец, придя в легкое раздражение, Анджела сказала:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся. — Нежная улыбка. — Я, пожалуй, не буду по очевидным причинам, а ты плавай. Ведь тебе хочется искупаться, правда?

И это было так. Сначала он горячо отказывался, потом ему в голову пришла одна мысль. Почему бы и не поплавать? Если просто лежать в воде, расслабившись, это успокоит жажду… Он продержится до тех пор, пока мозг его полностью не освободится от воздействия наркотиков и он сможет найти какой-нибудь выход. Да, но вода была такой соблазнительной! Он лежал на мелководье и играл в особую игру. В игре ставкой была вся его жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку. Он позволял ей коснуться губ. И даже взял несколько капель в рот, потом — наполнил водой весь рот. Как легко — было бы проглотить ее! Так легко утолить жажду! И конечно же, сказал себе, перекатывая глоток от щеки к щеке, наслаждаясь этим ощущением, конечно же, один маленький — глоток не играет большой роли…

Райленд едва не поддался соблазну. И кое-что успел уже понять — жажда играла ту же роль, что и раздражительность. Он уже замечал и чувствовал многие вещи, на которые не обращал внимания еще вчера или час назад. Ранка на

внутреннем сгибе руки саднила. Сестра неловко вставила иглу. Одежда растерла ему бедра — она сидела отвратительно. И какая радость, думал он, ощущать все это! Анджела с подозрением на него смотрела.

— Что с тобой? — спрашивала она.

— Ничего.

— Ты так себя ведешь… я просто не знаю. Словно Машина дала приказ перевести тебя отсюда. Словно тебе скоро снимут воротник.

И даже это не так уж невозможно, подумал Райленд. Если только он продержится еще немного, у него будет шанс.

— Почему бы и нет? У Дондерево получилось.

— Стив, — предупреждающе сказала Анджела. — Это неплановые мысли! Я в тебе разочарована. Никто не может бежать путем, которым бежал Дондерево, и даже если бы и мог, то твой долг перед Планом…

— Погоди минуту, — он перестал вытираться и повернулся, глядя на нее. — Что ты сказала? Что ты знаешь о Дондерево?

— Я знаю, как он бежал. В конце концов, он бежал именно отсюда.

Райленд услышал звук рвущейся ткани, опустил глаза и обнаружил, что его руки непроиз-

вольно так дернули полотенце, что оно разорвалось. Он бросил его на землю и прошептал:

— Как?

Анджела развернула свое кресло, чтобы оказаться в тени. Она нахмурилась, потом сказала:

— Думаю, это не принесет вреда. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты захотел повторить его побег. На это никто больше не способен.

— Анджела! Как он это сделал?

— Ни одним из тех методов, которым ты можешь последовать, Стив. — Ее улыбка дразнила его. — Он нашел группу врачей в здешней клинике, которую соблазнил неплановыми мыслями — рассказами о космосе за пределами Плана. Он ухитрился подкупить их, пообещав свободу и богатство в Рифах Космоса. Он подкупил их, чтобы снять кольцо… хирургическим способом.

— Как?

— Все было спланировано экспертами, — сказала она. — Предатели-хирурги подделали бумаги. Дондерево вызвали однажды утром, как обычно это бывает. На операционном столе он был полностью разобран на составные части и органы, включая позвоночник. И все эти части были перевезены в соседнюю операционную и собраны

обратно, но уже без железного кольца на шее. Но ты не радуйся, — предупредила она его. — Заговор раскрыли, участники его быстро попали в утилизацию. К сожалению, Дондерево успел к этому времени убежать.

— Каким образом?

— Это самое важное, — сказала она. — Понимаешь, хирурги придумали хитрость, чтобы замести следы. Из отходов утилизации они собрали человека и поместили его в воротник Дондерево. Этот «симулянт» занимал место Дондерево, пока преступник не скрылся.

Райленд поежился, хотя сидел на солнце. Такой побег казался устрашающе жестоким, даже если бы у него была возможность последовать ему.

— Давай займемся чем-нибудь поинтересней, — предложила Анджела.

— Я хочу узнать еще кое-что. — Он посмотрел на нее. — Как ты все это узнала?

Она лениво потянулась медленным грациозным движением змеи.

— Наверное, я могу тебе сказать, Стив. — Она доверительно улыбнулась ему. — В конце концов, для тебя не секрет, что я работала в полиции Плана. Понимаешь, я сюда попала по делу Дондерево. Его не могли раскрыть, пока мне не удалось

уговорить одного из виновных врачей помочь мне бежать тем же способом.

Она зевнула, улыбаясь с удовлетворенностью кошки.

— Если ты попала сюда как шпион, то почему ты…

Он замолчал, чувствуя ужасную неловкость.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Я до сих пор здесь, потому что к тому времени, когда я завершила дело, я уже была… вот в таком виде, как сейчас. Естественно, План не мог ради меня пойти на возвращение уже использованного материала… поэтому… меня переклассифицировали. Не буду отрицать, поначалу это немного меня беспокоило. Но потом я к этому привыкла. И ты тоже привыкнешь, Стив. Потому что у тебя нет другого выбора.

* * *

Но смириться с судьбой он не мог, как ни было сильно искушение. Его разбудил ночной дождь, и он выскочил наружу, разбудив соседей, нашел водосточную трубу под карнизом и пил, пил, пил. Это придало ему сил. На следующее утро он уже видел результат. Он вытянул руку перед собой, и она дрожала. Дрожала! Он нервничал. И еще

ему хотелось есть. Пока что вода у него была. Он отыскал кувшин и аккуратно наполнил его водой из дюжины водостоков. Вода отдавала цинком и смолой, зато была свободна от наркотиков. Но голод… Он не стал завтракать. Утром к нему пришел Опорто, и его глаза на смуглом маленьком личике ничего не пропустили.

— Нет аппетита, а?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос — ветчина и великолепный соблазнительный кофе! — и сказал:

— Нет. Не хочется.

Позже, уже в домике «Президента Дикси», куда вслед за ним увязался коротышка, тот указал на кувшин с дождевой водой:

— Что это?

— Это вода. Если вдруг захочется пить, — ответил Райленд, позволив себе маленький глоток. Лицо Опорто сохраняло задумчивое выражение. Райленд обнаружил, что сила рока неотвратимо нависла над ним — страх высушил его рот. Но он радовался этому. Он наслаждался ощущению ужаса. Он смотрел по сторонам на остальных обитателей «Небес» и видел перед собой толпу зомби, живых, но уже мертвых, павших жертвой асфоделиков. Они смеялись, улыбались, про-

гуливались, если у них были ноги, но они уже были мертвецами. И только он, Райленд, был жив и охвачен паникой. И очень хотел есть. Ему удалось оторваться от Опорто почти перед самой полуденной поверкой и выкроить время, чтобы прочесть несколько страниц дневника.

«16 октября. „Свалку“ только осматривают. За ней следит охрана на обзорной галерее в северной клинике. Иногда никого там нет, не знаю, почему».

«5 ноября. Сегодня я был в северной клинике, на пятом этаже, где находится охранник. Я, кажется, понял, почему он иногда отсутствует. Его дважды вызывали помочь перенести пациента, очевидно, это входит в его обязанности. Так как меня привязали к столу, я не мог видеть непосредственно, но, кажется, всякий раз, когда его вызывают внутрь, он остается там, по крайней мере, полминуты, и, вероятнее всего, его вызывают наиболее часто, когда график операций плотный. Видимо, три часа или около того вслед за каждой поверкой — самое удобное время. Утренняя и полуденная поверки отпада-

ют. Во-первых, мне не удастся скрыть свое присутствие на „свалке“ более чем на пару часов, во-вторых, мусор не сбрасывают, как правило, раньше ночи. Остается ночь. К сожалению, операций делают в это время немного… Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро».

«3 декабря. Сегодня на утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Хадже, Калифорния, взорвался завод реакторов, и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?»

Райленд перевернул страницу, но он уже знал, что найдет там. Следующая запись была последней. Д. У. Х. близко подошел к отгадке, но недостаточно близко. Голод начал серьезно мучить Райленда. Его организм отказался принимать один сахар. Опорто явно начал что-то подозревать. Он не отставал от Стива ни на минуту. Сидя спиной к валуну у озера с пальмами, он наблюдал, как Райленд мрачно швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хоть один ему не удалось, но зато, посетив несколько пальмовых рощиц, он обнаружил упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко, — хмуро заметил Опорто, глядя, как жадно разбивает Райленд камнем скорлупу.

— Я его обожаю, — на самом деле орех перезрел, и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а? — Опорто имел в виду какие-то дикие коренья, которые нашел Райленд. Их стрелкообразные зеленые листья высовывались из травы, а под землей скрывались маленькие, узловатые, с сильным запахом корешки. Опорто заметил, как Райленд пробовал их на вкус.

— Оставь меня одного, пожалуйста, — сказал Райленд. — Я… э-э… не совсем хорошо себя чувствую.

— И неудивительно, — вздохнул Опорто. Но немного спустя он куда-то побрел.

Райленд сразу забыл о нем. Он чувствовал себя слабым и истощенным. Это только самовнушение, говорил он себе, ведь потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали месяцы и даже годы почти на той же диете, что и Райленд, и даже более скромной! Но они, конечно, не подвергались искушению три раза в день при виде полного стола вкусной еды, которую нельзя было отведать. Имелись и другие соображения.

Он с вожделением смотрел на рыб в озере. Он мог поймать одну из них и зажарить на костре.

Но он и так уже привлек к себе внимание, больше рисковать не стоило. Охранники «Небес» наверняка знают, что делать с обитателем, раскусившим загадку транквилизаторов. Едва ли они обнаружат такого, но если обнаружат, то будет названо его имя на поверке, потом в вену вопьется игла, и вся сила успокоения вольется в жилы, и сила воли ему не поможет. Но полностью он не сможет избежать подозрений, если будет продолжать отказываться от восхитительной пищи, которую предлагали на «Небесах». Уже сейчас на него поглядывали соседи по «Президенту Дикси», не говоря об Анджеле Цвиг и прежде всего Опорто, которые открыто подозревали, догадывались, что он помышляет о побеге. На следующее утро Райленд скрылся от остальных и обошел «Небеса» по краю. С неохотой ему пришлось убедиться еще раз — стены непроницаемы. Оставалась только «свалка». Остатки утилизированных обитателей орган-банка сначала скапливались в сборнике из нержавеющей стали рядом с Северной клиникой. Сейчас там было пусто — тонны человеческих остатков были переправлены на баржу, и буксир оттащил ее в море. Горячее солнце блестело

на стальных стенках резервуара. Его окружала ограда из колючей проволоки, которую, в свою очередь, скрывала масса цветущих кустов бугенвиллии. Райленд подумал, что проволока, наверное, под током. А может, и нет… Видимо, подумал он тут же, с попыткой не следует тянуть. Чем раньше он попытается бежать, тем больше шансов сохранить свое тело. Уже сейчас охранники проявляли некоторую активность: по крыше Северной клиники прохаживались люди в форме, там же стояли устройства, очень напоминающие мощные прожектора. Райленд нахмурился. Если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы были какие-то странные — с рефлекторами, но без линз, и по размерам довольно скромные. Райленд сложил пальцы крестом. Видимо, у этих аппаратов другое назначение. Ему оставалось только надеяться.

— Стив! Стив! Райленд! — послышался громкий знакомый голос. Это был Опорто, он что-то кричал, улыбался, махал рукой.

Райленд не спешил к нему навстречу. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И от чего он так возбужден? Опорто тяжело сопел, едва не дрожал.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибли тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж. Вот что я думаю.

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановские элементы, — жизнерадостно объяснил Опорто. — Аварии ведь были повсюду, ты знаешь. Тысячи человек убиты! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и сказал громко: — Или ты так не думаешь, а, Стивен Райленд?

Ноздри Райленда расширились, явственно чувствовался запах опасности. Он посмотрел в ту сторону, куда оглядывался Орто и увидел то же, что видел Опорто. Три мощного сложения охранника в белых униформах направлялись прямо к ним. Он понял, почему Опорто так громко назвал его имя, и коротышка кивнул, нимало не смущенный.

— Да, Стив, Иуда Искариот — вот мое второе имя.

Охранники были готовы к сопротивлению Райленда. Но он не стал сопротивляться и позволил им отвести себя в клинику, где в руку его вонзилась игла, и он смотрел на нее бесстрастно. Укол был почти безболезненным, хотя он знал, что это

означает. Это снова были транквилизаторы, но на этот раз он уже был к ним готов.

— И чтобы больше таких глупостей не было, — проворчал охранник, выводя его из ворот клиники.

Тело Райленда мгновенно прореагировало на укол. Он смирился с этим. Уютная теплота, обволакивающая его, теперь уже не имела значения. Он едва не расхохотался. Он даже не чувствовал гнева из-за предательства Опорто — больше Опорто он доверять не будет, теперь он не совершит такой ошибки… И тем временем… И тем временем… тем временем он может есть! Во время ленча у стола «Президента Дикси» возвышался мрачный охранник. Райленд наслаждался жареной свининой и картофелем и выпил целых три чашки кофе. Все было очень вкусным. А почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не затуманивают мыслей — просто снимают уровень эмоций, которые и служат наивысшим побудителем действий. Но беспокоящий страх уже сыграл для Райленда свою благотворную роль. План был готов. Он приведет его в исполнение сегодня ночью, если удастся, либо следующей ночью, наверняка. Он рассудил, что теперь, когда Опорто донес охране о том, что Райленд избегал пищи, оставаться на

голодной диете не имело смысла — транквилизаторы ему станут вводить прямо в вену. Ладно, это не имело значения, как и все остальное. Он уже знал свой путь и едва мог дождаться сумерек. Время тоже не собиралось ждать Райленда. В этот день вызывали очень многих. Сосед Райленда по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся — и уже не вернется, говорили опытные обитатели, потому что если вы не возвратились к следующей поверке, то не возвратитесь совсем. Днем вызвали пятерых. После ужина — еще семерых. Ого, подумал Райленд сквозь приятный туман мепробамата, во всем коттедже остается всего три человека, не вызванных в этот день, и среди них он, Райленд. Судьба явно была к нему благосклонна. После вечерней поверки он в последний раз прошелся по дорожкам банка и отправился испытать свою удачу. И сделал это как раз вовремя. Потому что едва он успел скрыться в сгущающихся сумерках почти на расстоянии прямой слышимости, как до него донеслись слова охранника в белом, подходившего по ракушечной дорожке. Райленд приостановился, вслушиваясь. «Райленд» — явственно сказал охранник, и еще что-то, кажется, «клиника». Ответил ему басовитый голос одного

из немногих пока уцелевших обитателей «Президента Дикси».

— А-а, — сказал охранник, не очень заинтересовавшись. — Ладно, когда он появится, скажите, чтобы пришел. Она подождет.

Райленд затаился в ночной темноте. Он не мог знать, чего они от него хотят, но был уверен, что время его подходит к концу даже быстрее, чем он предполагал. Кто была эта «она»? Которая могла подождать? Анджела?

Едва ли это так, и все же почему не пойти, не повидаться с ней? Если окажется, что это Анджела каким-то образом уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-курьера, то ему не помешает выяснить причину. Если же это не она… все равно, чем дальше он будет от коттеджа «Президента Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анджела. Она совершенно не имела понятия, почему охранник искал его, и совершенно этим не интересовалась. Чувствуя напряжение, постоянно оглядываясь на случаи неожиданного появления охранника, он присел рядом в темноте теплой тропической ночи. Больше для того, чтобы проверить ее реакцию, а не затем, чтобы облегчить чувства, он рассказал о доносе Опорто и о полученной им в результате

новой дозе транквилизатора.

— И правильно он поступил, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки.

Он печально покачал головой.

— Я тебя не понимаю, — заметил он. — Одно дело работать для Плана. Это понятно, это обязанность. Другое — выдать товарища... — он замолчал и быстро посмотрел на нее, но Анджела лишь засмеялась.

— Я знаю, Стив, но ты ошибаешься. Помнишь, что я делала, когда мы впервые встретились?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи — о, сложнейшие задачи. Я так любила эту работу, Стив! И компьютер решал все задачи, одну за другой, щелк-щелк! И он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь! Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляла Машина. А знаешь, почему он не ошибался?

— Почему? — проворчал он. Она такая успокоенная.

— Потому что мы его проверяли постоянно! — торжествующе воскликнула она. — Там был специальный выключатель тестирующего контура. После каждой задачи мы посылали проверяющий сигнал — о, он в пять раз превышал по

напряжению обычный — через каждую лампу, каждую микросхему, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она выходила из строя сейчас же, и мы знали, где неисправность, и могли заметить ее. И… Стив, — сказала она с серьезным выражением, — я тоже такой проверяющий заряд.

Она подалась вперед, опираясь на высокое ограждение, не дававшему ее безрукому телу выпасть из кресла.

— Такие как ты не имеют права разрушать План! — крикнула она. — Вас нужно находить и… заменять. Опорто и я — у нас была одна функция в системе Плана: находить и сообщать о ненадежных деталях. Ты был плохой деталью, Стив, признай это — ты мог подвести. И ты действительно подвел! И Машина куда лучше справится без тебя!

Райленд заходил вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжественным и сострадательным выражением больших глаз. Наконец он с неохотой спросил:

— И ты по-прежнему желаешь служить Машине, даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?!

— Да, желаю.

— Тогда ты ненормальнее Опорто! — рявкнул он. — Машина — это чудовище! План Человека — надувательство!

Но Анджела оставалась спокойной.

— Он сохраняет жизнь тринадцати миллиардам людей на Земле, — напомнила она ему.

— Тем, что держит в рабстве все эти тринадцать миллиардов!

— А ты знаешь другой способ?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но возможно… в Рифах Космоса…

— Рифы Космоса больше для тебя не имеют значения, мой дорогой. Так же, как и Рон Дондерево. О, да, это был настоящий мужчина, и, возможно, Рифы действительно существуют, я не знаю. Но какая нам разница? — Она шевельнула головой, и колеса кресла передвинули ее ближе к Райленду. — И разве это так уж плохо, Стив? Быть рабами? Я знаю, у тебя есть идеалы… и я тебя за это уважаю, честное слово! Но ведь речь идет о смерти и жизни человечества. И разве не правда, что почти для всех в Плане Человека предусмотрена доля счастья?

Он рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас со стаканом воды.

— Только ли? — она лениво откинулась на спинку, глядя на него искренними глазами. — Ты забыл обо мне, Стивен. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох. Он вспыхнул.

— Я… я не знаю, что…

— Ведь я здесь, Стивен, — продолжала она мягким нежным голосом. — Если ты хочешь меня, то я рядом. И я беспомощна, я не могу сопротивляться.

Он сглотнул.

— Ты… Я тебе этого никогда не прощу, Анджела! Ты опустила меня до своего уровня, так? Но дважды этот фокус не пройдет!

В ее спокойном голосе слышалось искреннее сожаление.

— Не знаю, о чем ты говоришь, дорогой.

И мгновение спустя Райленд понял, что она говорит правду, она будет принадлежать ему, если он захочет, и не станет его за это винить.

— Ты и в самом деле высоковольтный проверяющий контур, Анджела, — грубо сказал он. — Но ты меня однажды уже пережгла. И я не намерен допустить это еще раз.

Теперь он уже не сомневался в том, что станет делать. Он внутри огражденного стеной

пространства. Но у стены две стороны. Он выберется на другую сторону! Возможно, он будет только человеческим обрубком, у которого к тому времени отберут все, но он выберется. Потому что… потому что на той стороне стены есть кое-что… Возможно, там есть даже свобода — в Рифах Космоса. И есть там, вероятно, человек, который знает, как убрать с шеи кольцо. И еще там была Донна Криири. Внезапно он повернулся к Анджеле, встревоженный мыслью о дочери Планирующего и сказал:

— Я… я не хотел…

— Не надо извиняться, Стив. Ты из всех остальных людей… — Она запнулась.

— Что ты хотела сказать?

— О… ничего. Ничего особенного. Просто…

— Анджела! — сердито сказал он. — Ты всегда что-то от меня скрывала! Пожалуйста, хотя бы здесь перестань. Ну, так что ты хотела сказать? Что я чем-то не такой, как остальные люди? Чем же я отличаюсь от них?

Ее красивые большие глаза безмятежно смотрели на Райленда. Потом она сказала:

— Так ты не знал, кто ты такой?

Райленду стало несколько не по себе.

— Разве тебе не приходилось замечать, что ты

несколько не такой, как все?

Он уже собрался покачать головой, но что-то удержало его. Он вспомнил, как когда-то ему казалось, что он уже слышал голос Анджелы, доносящийся из темноты, за конусом света, направленным на него, пристегнутого к кушетке тераписта.

— Ты должен был заметить, что отличаешься от других, Стив, — насмешливо продолжала она своим нежным голосом. — Ты никогда не задумывался, почему?

Ему захотелось ударить ее. Железный воротник вдруг стал таким тесным, что он едва мог вздохнуть, и в жилах на шее запульсировала кровь. Он сидел на траве, онемевший, и смотрел на Анджелу.

— Ты думал, что ты человек, как все? — голос ее был полон презрения. — Мне показалось, ты мог догадаться, когда я рассказывала тебе, как бежал Дондерево. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная… что?

Волосы шевельнулись у Райленда на затылке. Он вздрогнул, хотя было тепло. Железный воротник стал тяжелее.

— Я тебе уже говорила, как хирурги собрали нечто из ненужных частей, чтобы скрыть побег

Дондерево. Подсадная утка для охраны. Так вот, Стив, это ты и есть.

Он сидел неподвижно, осторожно дыша сквозь мертвую хватку воротника.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив. Это потому, что хирурги старались придать тебе сходство с Дондерево, а он был красивым мужчиной. Если ты ненавидишь План, то это потому, что твои внутренние железы и мозг были собраны из того, что осталось от нескольких наиболее неблагонадежных граждан, выдающихся, так сказать, врагов Плана. Если ты и отличился изобретением в области геликальных полей, то это потому, что лобные доли твоего мозга взяты у человека, который эту теорию разработал… Если остальная часть твоей памяти несколько расплывчата и противоречива, то потому, что остальной твой мозг был собран из смешанных остатков тканей.

— Нет! — хрипло прошептал он. — Это невозможно!

Но воротник сжал горло и задушил слова. Он почувствовал ужас при мысли, что это может быть правдой.

— Если я был здесь раньше, — в отчаянии возразил он, — я все равно ничего об этом не помню.

— Это еще одно доказательство, — Анджела улыбнулась. — Люди, собравшие тебя, были исследователями, так же, как и врагами Плана. Они использовали ненужные мозговые ткани, пытаясь улучшить уже созданные природой. Когда они собирали твой мозг, они использовали возможность создать опасный для Плана ментальный механизм.

Потрясенный, он мог только повторить слово: «Нет!»

— Доказательств достаточно, если ты даже и не веришь мне — сказала она, — вспомни все свои попытки диверсий. Туннели субпоезда, реакторы на заводах, ионные ускорители в ракетах, которые ты уничтожил своими «усовершенствованиями»…

Райленд вздрогнул, словно в агонии.

— Я не помню…

— Это еще одно преимущество, вложенное в твой мозг, — спокойно сказала она. — Врачи-хирурги оснастили созданный ими мозг контуром самостирания памяти, чтобы предохранить тебя от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели ты не замечал пробелов в своем прошлом?

— Я… я замечал, — кивнул он.

— Вот и все. — Ленивое удовлетворение све-

тилось в ее улыбке. — Все то особое внимание, которое тебе уделяли последние три года, еще раз доказывает, что как орудие диверсий ты действовал великолепно. Но теперь ты свое назначение исполнил. Думаю, ты теперь представляешь беспрецедентный случай — твои органы будут использованы повторно. Но, несмотря на это, Стив, я не могу не сказать тебе, что ты слегка задираешь нос. Собственно, ты собой представляешь только сто шестьдесят фунтов подкормки для акул, которую эти предатели-хирурги у них стащили.

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место! Райленд нырнул в заросли бугенвиллий, окружавших стальной сборник для отходов, наблюдая за часовым на крыше клиники. Уже почти полностью стемнело, и в разрывах между тучами появились звезды. Прожекторы — или это были какие-то другие устройства — еще не включали. Безмолвный, Райленд наблюдал и старался не думать. Одной тревогой меньше. И все же придется подождать, когда станет совсем темно. Охранники со скучающим видом смотрели в сторону океана. Ночь была теплой, нежной, тропической. Но то, что лежало перед ним, представляло ужасающее зрелище. Очень странно,

подумал Райленд, что План Человека не скрыл, не упрятал это месиво человеческого мяса. Этот мир был так закутан в предохраняющую от шока изоляцию, что, казалось, подобного рода зрелища должны быть надежна спрятаны от посторонних глаз. Перед ним в сборнике отходов лежало несколько тонн ампутированных конечностей, частей тел и целых тел, из которых были удалены жизненно важные органы, кости, участки артерий и нервных тканей. У этих побелевших — мертвых тел за проволочной оградой отобрали самую малость — их жизнь. Осталось только превосходное органическое вещество. И это тоже странно, подумал Райленд. Эти отходы могли бы пойти на отличный корм животным. Или, может, по крайней мере, в этом отношении План Человека имел основание проявить гуманность. Но подумать только, ведь гектары истощенной обрабатываемой почвы могли бы быть восстановлены с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этих трупах. План решил не употреблять их таким способом. Каждую ночь накопившиеся отходы переправлялись трубопроводами на баржу. Их плоть достанется крабам, ракам, морским медузам. Почему бы и нет? Эту рыбу съедят потом люди, почему, бы не сократить цепочку? Райленд

с беспокойством заерзал и переключил мысли на другое, потому что, если Анджела сказала правду, из таких же отходов было составлено и его собственное тело… Но вот уже почти стемнело. Со стороны коттеджей донеслось бормотание динамиков всеобщего оповещения. Он не мог разобрать слов, но обычно так поздно вечером их никогда не включали. Потом пришли в действие другие громкоговорители, расположенные ближе и, кажется, он разобрал свое имя. Райленд беззвучно выругался. Ближайший к нему часовой стоял неподвижно, как сама Машина, уставясь на территорию «Небес». Неужели он не может на мгновение посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться, сделать что-нибудь, кроме того, чтобы исправно нести бдительное дежурство на посту? Снова заговорили динамики. Эти были расположены вокруг озера, как понял Райленд. И в тоне говорящего появилось раздражение, словно там, в радиоцентре на верхнем этаже клиники, его подстегивало какое-то более высокое начальство, и он переключал раздражение на несчастных обитателей «Небес». Потом заговорили громкоговорители, расположенные еще ближе, и Райленд ясно расслышал произнесенное имя, его собственное имя. «Райленд!»

Только каждый громкоговоритель расположен на некотором расстоянии от другого, и слово было похоже на удаляющееся эхо: «Райленд. Райленд… Райленд…» Он не удивился. Он ожидал именно: слушал, как повторяются слова говорящего: «Вам… приказано… явиться… в Южную Клинику… Немедленно!..» Около озера Райленд увидел огни ручных фонарей. Он глубоко втянул в легкие воздух. Ему придется испытать судьбу, даже если охранник и не отвернется… Он напрягся, замер. Охранник на крыше вдруг шевельнулся. Он повернул голову и кивнул кому-то внутри здания, потом так быстро, что Райленд и не заметил движения, исчез, шагнув в коридор верхнего этажа. Райленд бросился бежать, перелетел через загородку, разорвав одежду, тут же стянул ее с себя и спрятал под кучей мертвых тел, а сам упал туда, содрогаясь от соприкосновения с человеческим мясом. Это было ужасно, такое происходило в старинных рассказах о заживо погребенных людях: пробуждение в тесном ящике гроба, во тьме, где запах сырой земли, в которой на глубине шести футов находится гроб. Он чувствовал себя солдатом в бою, который получил смертельную рану, но потом пришел в себя и оказался в общей могиле среди десятков убитых. Вокруг были од-

ни мертвецы, и сам он был почти что такой же мертвец. Райленд благодарил Бога за то, что тот создал мепробамат. Он пытался лечь как можно естественней, насколько это было возможно. Руки и ноги он постарался спрятать под туловищем — чтобы часовой не удивлялся, каким образом на свалке оказался неповрежденный труп. Райленд замер. Едкий прокисший запах вызывал тошноту, его на мгновение обдало ледяной волной. Он молча выругался. Ему раньше и в голову не приходило предположить, что механические стенки сборника будут охлаждаться. Он лежал и ждал. И не осмеливался поднять голову, не осмеливался как следует вздохнуть. Как он прикинул, только через несколько часов содержимое сборника будет переправлено на баржу. Вспыхнул яркий свет. Райленд замер. Послышались отдаленные голоса. Ничего, видимо, подошло время смены часовых, и это хорошо, значит, время бежит даже быстрее, чем ему казалось. Свет — это только обычный осмотр, ничего страшного… загорелся еще один прожектор, и еще один. Теперь металлическое углубление сборника отходов было залито светом, тонуло в ослепительных лучах, а над головой Райленда послышался шум винтов геликоптера, и его прожекторы тоже были

направлены вниз. Райленд лежал не шевелясь, не осмеливался даже моргнуть, но напрасно, все было напрасно. Послышалась команда, по металлическим ступеням лестницы зазвенели шаги спускавшихся в сборник охранников. Их было четверо. Они не колеблясь направились прямо к Райленду, наступая на куски тел, отпихивая их в сторону носками ботинок. Они шли прямо к Райленду.

— Неплохо придумано, — ухмыльнулся один из них. Потом добавил, но уже угрожающе: — Но не вздумай пробовать еще раз.

Они подтолкнули его к лесенке, не позволив ему найти одежду. Теперь, когда все кончилось, тело его сотрясалось от дрожи, он спотыкался.

— Как… как вы нашли меня? — едва выговорил он.

Охранник взял его за локоть и помог взобраться на крышу Северной Клиники. Выказывая некоторую гуманность, он показал на ряд устройств, которые Райленд принял за прожекторы.

— Это инфракрасные локаторы, Райленд. Учуяли тепло твоего тела. Да, их можно тоже обмануть, но только если на тебе одежда, скрывающая тепловое излучение тела. А одежда сразу же выдала бы тебя, — добавил он сочувствен-

но. — Поэтому не расстраивайся. У тебя не было ни одного шанса.

Он открыл дверь и подтолкнул Райленда внутрь, в холл клиники.

— Теперь ступай. Там кто-то тебя требует. Кто-то очень важный.

Его быстро провели по коридорам, втолкнули в какую-то комнату, оставили на мгновение одного, потом сунули комбинезон, дали время, чтобы он мог натянуть на себя одежду, которая была на четыре размера меньше, чем требовалось.

— Там на это смотреть не станут, — проворчал охранник в белой куртке с алым сердцем на груди. — Пошли! — они отвели его в другую комнату и снова оставили одного. Сквозь открытую дверь Райленд видел операционную. Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, подумал он спокойно, потому что он явно прибыл на конечный пункт своего пути. Над двойным столом пылали асептические лампы. Все члены операционной бригады собрались за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек примерно такого же сложения, что и Райленд, рядом с ним сложный аппарат с колоколообразными помпами шипел воздухом по сетям трубок и шлангов. Искусственные легкие? Да. И этот человек, понял

Райленд, должен получить новые легкие. И получит он их, естественно, от Райленда… Или не получит? Потому что второй стол был уже занят обитателем «Небес». Это было странно. Но, видимо, это только означает, что ему придется стать донором в следующей операции. План Человека не располагал возможностью заботиться об эмоциональном состоянии каждого человека, и вследствие этого, ему, Райленду, позволили стать свидетелем операции. Он посмотрел в сторону, потом опять заглянул в зал операционной, глядя со страхом, но и с любопытством, как хирург отдает короткие приказания, рассекает кожу, мышцы, проламывает кости… Операция подошла к концу, когда за спиной он услышал шаги. Он повернулся. В комнату вошла Донна Криири. Донна Криири! Она взглянула на Райленда, словно он был частью мебели.

— Долго же вы его искали, — недовольно сказала она человеку, который вошел вместе с ней. Судя по выражению лица и знакам отличия, это был главный хирург клиники. — Ладно, у меня есть эта штука, — она помахала радарным пистолетом, — поэтому я с ним спокойно отправлюсь. Правда, Райленд.

— Но это совершенно против правил, — с со-

мнением сказал хирург.

— Вы сами видели приказ Машины, — продолжала мисс Криири и помахала куском телетайпной ленты.

— О, конечно, — поспешил сказать хирург, — конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете, я не стал бы… Но это совершенно против наших правил. — Донна холодно кивнула и поманила рукой Райленда.

— Машина имеет право менять правила, — сказала она. — Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники и направились к посадочной площадке. Там, присев на хвостовых стабилизаторах, стояла скоростная ракетная яхта Донна.

— Чиквита! — прошептала девушка.

— Одну минуту, мисс Криири, — решительно сказал Райленд. — Куда вы меня везете?

Она задумчиво посмотрела на него.

— У меня приказ Машины, — сказала она, помолчав немного. — Она велит доставить вас в другой орган-банк, ваши органы требуются для лечения одного важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно! — запротестовал

он.

— Да, очень. Чиквита! — Девушка топнула ногой и сердито уставилась на ракету.

Внутри люка что-то золотисто сверкнуло, потом засветилась бледная голубоватая дымка. Из люка выплыл пространственник. Его оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на Донну Криири. С кошачьей грацией он изогнулся, завертелся в воздухе — от радости, как казалось, и замер, повиснув перед девушкой. Райленд начал что-то говорить.

— Помолчите, — прошептала девушка. — На споры нет времени. Нам нужно выбраться отсюда, пока они за вами не вернулись.

— Вернулись? Но почему? Дорожное указание от Машины…

— …подделано. — Она хладнокровно встретила его пораженный взгляд. — Да. Я подделала его лично, поэтому знаю, что говорю. Хирург отправится обратно за вами, как только подаст обычное сообщение о выполнении приказа Машине. А когда это произойдет… как вы думаете, когда? Минут через пять?

— Я не понимаю!

— А вы и не должны! — взорвалась девушка. — Пока времени нет! Я пытаюсь спасти вам жизнь.

Кроме того… — она заколебалась, — есть и другая причина, если говорить правду. Вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но… но… стал бы он подделывать приказ Машины?

— Я не могу вам все объяснить сейчас. — Она поглядела по сторонам, вокруг никого не было. — Помоги вам бог, если что-то случится! Я не могу спрятать вас в ракете — там негде укрыться, а туда они наведаются сразу. Не думаю, что они посмеют тронуть меня. Но вас… — Она пожала плечами.

— Что же я тогда должен делать?

— Делать? — воскликнула она. — Ну как что, — влезть на спину Чиквиты! Зачем же, по-вашему, я привезла ее? Только влезайте ей на спину — она сама знает, куда лететь.

* * *

Райленд летел на пространственнике, это напоминало езду верхом на золотом потоке. Обтекаемое золотистое туловище было более стройным, чем у тюленя, мех отливал чистым золотистым цветом, переходя в черный на хвосте. Это наверняка был самый необыкновенный скакун, на котором приходилось ездить человеку.

Когда он взобрался ему на спину, Донна произнесла короткую команду. Пространственник едва слышно замурлыкал, мускулы его рябью пронзила дрожь, и внезапно он подпрыгнул в воздух на сотню футов. Стив не почувствовал ни сотрясения, ни удара перегрузки. Просто они вдруг оказались на довольно большой высоте. Сквозь тонкую ткань комбинезона — своей единственной одежды, Райленд чувствовал, как вибрирует тело пространственника. Он увидел, как дочь Планирующего входит в свою ракету. Она не собиралась ждать начала неприятностей. Райленд услышал звук работающих двигателей — но он все больше удалялся. И хотя ракета начала взлетать и тоже очень быстро набирала высоту, расстояние между ними не уменьшалось, так как пространственник летел значительно быстрее. Райленд затаил дыхание и приник к его спине. Он все еще не чувствовал давления встречного ветра. Далеко внизу он видел передвигающиеся, словно муравьи, фигурки людей на дорожках. Но они не смотрели вверх и, возможно, не смогли бы заметить Райленда, потому что до сих пор было еще темно, а патрульные геликоптеры с прожекторами висели между пространственником и «Небесами». Теперь они поднялись уже на

высоту в тысячу футов. Ракета Донны, похожая на черную точку посреди огненного цветка собственных двигателей, казалось, была прилеплена к бетону посадочной площадки внизу. И только то, что она не уменьшалась в размерах, означало, что она движется вслед за ними. Но вскоре даже ракета начала теряться из виду. В северо-восточном направлении собирался шторм. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды, дождевые тучи вздымались черными башнями, шквалы ветра с дождем уже двигались над темными горными районами Кубы. Пространственник повернул в сторону грозы.

— Подожди! — крикнул Райленд. — Не надо туда! — Но пространственник или не понимал его, или не хотел слушаться. Он громко мурлыкал, — как пушистый котенок, и стремительно летел навстречу грозовым тучам с их жестокими шквалами. А Райленд по-прежнему не ощущал движения. Поле пространственника, какова бы ни была его природа, одновременно ускорило каждый атом его тела. С ним передвигался и своеобразный воздушный мешок, заключенный в пространство светящегося ореола вокруг животного. Полет их был почти беззвучен, хотя они неслись едва ли не со скоростью звука. Неверо-

ятно! Математический ум Райленда мгновенно взвесил факты: видимо, пространственник создает вокруг себя силовую капсулу, форма которой зависит от природы встречаемого сопротивления. В данном случае образовалась тупоносая обтекаемая капля, когда они летели со скоростью сотни миль в час, а при достижении звукового барьера капля вытягивалась в иглу. И по-прежнему не было чувства давления, хотя «Небеса» давно уже скрылись из виду, оставшись далеко внизу. Сейчас они летели над водой. Повсюду вокруг лежали облака. Они неслись в клубящийся фронт грозы, за которой следовал ураган. Ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь. Интересно, подумал он, дождь проникает сквозь капсулу, которая не пропускает воздушный поток! Но размышлять над этим не было времени. Неприятный холодный дождь не понравился пространственнику. Довольное мурлыканье перешло в жалобное мяуканье. Он задрожал, но продолжал стремиться вперед. Райленд потерял всякое представление об их положении в пространстве. Со всех сторон клубилась буря, туман и ледяной дождь, мелькали вспышки дальних молний. Но он надеялся, что пространственник знает, куда летит. Они пробуравили верхнюю кайму

облачного фронта и вышли в чистое воздушное пространство. Под ними ураган закручивал облака гигантской спиралью, крутившейся вокруг неподвижного «глаза бури». Их окатил ослепительный свет. Это солнце снова показалось из-за западного горизонта. Значит, они поднялись на большую высоту! И продолжали подниматься все выше.

Райленда охватило невыразимая радость. Он совершил невозможное! Он бежал, и при этом остался цел! Он перестал быть нумерованным кандидатом в сборник отходов, он снова стал человеком. И Донна Криири помогла ему там, где он потерпел неудачу. Он многим ей обязан. На секунду он задумался, о чем же это она не успела ему сказать относительно отца, потом оставил эту мысль. Ощущение чуда переполняло его, чуда свободного парения в бесконечном небе. Небо вокруг уже стало черным — воздух был совсем разреженным. И они продолжали подниматься, пока громадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер.

А они все продолжали стремиться вверх, и воздух действительно стал разряженным. Но этого не должно было случиться! Это Райленд знал наверняка — поле пространственника должно было

удерживать воздух. Однако само космическое животное начало тяжело дышать. Его мурлыканье и мяуканье перешло в сухой кашель. Они продолжали подниматься, но Райленд чувствовал, что полет животного стал неуверенным. Они забрались на опасную высоту. Его измученное тело насквозь пронизал ледяной холод, несмотря на немилосердное сияние белого солнечного диска. Райленд понял, что всему виной раны пространственника. Пытки в клетке Готтлинга не прошли бесследно. Часть симбиотов пространственника погибли. А ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом пространстве. Они не исчезли полностью, потому что воздух еще оставался вокруг пространственника. Он наполнял горячие легкие Райленда, предохраняя кровь от выкипания в вакууме, хоть немного защищал его от холода и убийственной ультрафиолетовой радиации солнца. Воздух еще был… но хватит ли его?

Райленд мрачно улыбнулся, сил уже почти не было.

— От судьбы не уйдешь, — прошептал он хрипло, задыхаясь… и потерял сознание. Он не заметил момента, когда отключился, и только знал, что это сейчас произойдет.

Когда Райленд пришел в себя, то искренне удивился, что до сих пор жив. Лицо Донны Криири склонилось над ним. И это еще больше усилило его изумление.

— Мы добрались, — прошептал он, не веря самому себе.

— Да, пока что все в порядке, — без улыбки сказала девушка. — Но не радуйтесь раньше времени, Райленд. Мы все, еще в опасности.

Он попытался встать — и поплыл по кабине, пока рука девушки не подтолкнула его обратно на металлическую противоперегрузочную койку. Они находились в кабине корабля и, по всей видимости, в невесомости. Он посмотрел по сторонам.

— Мне нужно за… — начал он и тут же замолк. Он хотел спросить, где стоит телетайп, чтобы он мог зарегистрироваться. Но в этом, конечно, больше не было необходимости.

Донна Криири показала рукой на кабину.

— Тебе здесь нравится, Стив? Он твой.

— Мой? — Он был поражен.

— Да. Ты помнишь ту ракету, которую генерал Флимер оборудовал для тебя, для дистанционного управления из пункта Серый Треугольник? Это она и есть, хотя и с некоторыми переделками. Я

убрала приборы дистанционного управления. Во всем остальном это отличная межпланетная ракета, и она вращалась на орбите, куда вполне могла доставить тебя Чиквита. Только… — лицо ее обеспокоилось. — Только почему отца до сих пор нет?

Райленд посмотрел на нее вопросительно.

— Простите, — сказал он, — но я не понимаю. Почему Планирующий должен здесь быть, и зачем ему я?

— Он должен был сам рассказать тебе, но, видимо, это смогу сделать и я. Стивен, знал ли ты, что за последние два месяца произошло больше сотни подземных толчков — и все они случились в крупных населенных центрах. Отец думает — правда, звучит это не очень хорошо, когда я говорю, — но мой отец думает, что вызывает эти толчки Машина.

— *Машина?*

— Я понимаю, Стивен. Но отец беспокоится. Он обнаружил, что Флимер и его команда что-то сделали с Машиной! Отец слишком хороший человек, он говорит, что не может этого быть. Но я могу. Флимер жаждет получить контроль над Машиной, потому что хочет власти над Планом Человека и уничтожение проекта разработки

нереактивного двигателя, а это лишь один шаг в цепи его замысла. Все подземные толчки и аварии субпоездов, взрывы реакторов и ионных ускорителей в ракетах — все это входит в этот ужасный замысел. О, Стивен! Как тщательно все это было разработано! Машина — это только транзисторы и реле, ты сам понимаешь, она является только тем, что в нее вкладывают люди. Флимеру удалось менять ее входные контуры, и теперь Машина почти противостоит отцу. И сердцевина всех неприятностей — нереактивная тяга. Машина уверена, будто бы такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя, это один из его ответных ходов. Но я боюсь, что уже слишком поздно.

Она обеспокоенно заглянула в иллюминаторы.

— Пока, кажется, нас не преследуют. Пока.

Райленд, наконец, почувствовал, что дрожит от холода. Его слишком короткий комбинезон промок насквозь.

— Кто? — спросил он.

— Полиция Плана, — удивленно ответила она. — Генералу Флимеру нужна Чиквита, даже если он и не подозревает, что со мной еще и ты. Хотя не стоит на это рассчитывать. Едва ли Ма-

шина может быть настолько неблагоразумной, чтобы не сообщить о твоем бегстве из орган-банка. Флимер собирался убить Чиквиту, вот в чем дело, поэтому я похитила ее. И единственное безопасное для Чиквиты место — в космосе, в Рифах. Если мне только удастся ее туда доставить. Кроме того, это единственное безопасное место и для тебя.

— Ты уговариваешь меня бежать от Машины! — сердито сказал Райленд. — Стать преступником, отверженным!

— Стивен, но как, по-твоему, кто ты сейчас? Ты уже забыл про «Небеса»? Я спасла тебе жизнь, и радуйся, что оказался здесь, — сказала она, поглаживая пространственника. — Я совсем не была уверена, что Чиквита сможет впрыгнуть за пределы атмосферы.

— И я тоже.

Она улыбнулась и на секунду снова превратилась в ту немного капризную шаловливую девчонку, которая разговаривала с ним в ванной. Но лицо ее опять быстро помрачнело.

— И все-таки если бы отец успел прилететь, — сказала она. — Чиквита не выживет, если не вернется в Рифы и не пополнит запас своих фузоритов. А я… что ж, свою ракету я направила

обратно на Землю, и она взорвалась. Они найдут обломки и, возможно, подумают, что мы оба погибли. Но они не настолько глупы, чтобы надолго поверить в это, а Машина тоже не допускает глупостей. Положение пока что очень неустойчивое. Но мы с отцом все тщательно обсудили, он хорошо знает Машину. Он думает, что у нас есть двенадцать часов.

— А что потом?

— Ну, потом Машина взорвет твой воротник.

Невольно Райленд коснулся тусклого металла кольца на своей шее. Девушка была права. Машина именно так и поступит.

Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибся. Хорошо. Тогда за двенадцать часов они должны выйти за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы действия радарного луча Машины за двенадцать часов? — спросил он.

— Не знаю, Стивен. Думаю, что можем. Машина может не знать, что ты в космосе.

Девушка подобралась к иллюминатору.

— Но отца с нами нет. Не знаю, как долго мы можем ждать. Конечно, как только мы доберемся до Рифов, можно считать себя в безопасности.

Тогда тебе больше не придется носить воротник.

Вид у Райленда был удивленный. Она улыбнулась.

— Разве ты забыл, Стив? Рон Дондерево, человек, который избавился от воротника, — он там, в Рифах. Наверняка он может сделать то же самое и с твоим воротником.

Райленд беспокойно тронул кольцо.

— Пожалуйста, — попросил он, — расскажи, что ты знаешь о Дондерево…

— Ты знаешь все, что я могу рассказать. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на их разные взгляды на будущее Плана Человека. Именно Дондерево первым рассказал отцу о Рифах и пространственниках и уговорил его попытаться создать нереактивную тягу. К сожалению, когда План присоединил к себе его владения, Дондерево принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. А потом направлен в утилизацию. Отец встретился с ним, когда он был в орган-банке, и не пытался помешать бегству. Это генерал Флимер тоже использовал, настраивая Машину против отца. Я думаю, Дондерево сможет теперь помочь отцу в борьбе с Флимером за управление Машиной. По крайней мере, он сможет расска-

зать Машине о Рифах не только то, что она знает из рапорта Лескьюри, который Флимер успел надлежащим образом отредактировать. Вот туда мы, Стивен, и должны отправиться, чтобы найти Дондерево. Искать Рифы Космоса!

Райленд вдруг почувствовал, как отчаянно нужен ему Рон Дондерево. Он, возможно, поможет ему снять воротник. Он сможет рассеять туман, застилающий прошлое. Но он же, вероятно, скажет о том, что воротник нельзя снять без хирургического вмешательства, возможного только в орган-банке. И, наверное, Дондерево подтвердит то, что говорила Анджела — что Райленд был «подсадной уткой». Что его собрали из отходов орган-банка, и он не стоит того, чтобы его спасали. Он не вынесет, если Донна Криири когда-нибудь об этом узнает. Дочь Планирующего — и несколько десятков фунтов утилизированного человеческого мяса. Пропасть между ними будет огромна, чтобы ее могло преодолеть хотя бы какое-нибудь теплое чувство. Донна Криири снова взглянула в иллюминатор и вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет, — сказала она. — Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение, и мы отправимся в путь. Даже обычный радарный луч может сейчас до

нас добраться, нужно уходить как можно скорее, — она улыбнулась. — И не только ради твоей безопасности. Если заряд будет включен внутри этого корабля…

Она сурово поджала губы и покачала головой.

* * *

Райленду снилась золотоволосая блондинка, у которой не было ни рук, ни ног… Потом над ним нависло ухмыляющееся лицо Опорто, в руках которого была ультразвуковая пила… когда начала вздрагивать земля, его тело завибрировало, словно струна… и он проснулся. Над ним стояла Донна Криири. Он потянулся и потер затекшие ладони и лодыжки. Потребовалось несколько секунд, чтобы проснуться полностью. Ничего необычного здесь не было: сон помогает преодолевать межпланетные расстояния. Их путешествие должно было длиться сто пятьдесят дней. Подошло ли оно к концу? На лице Донны была тревога, и громкое мяуканье доносилось из грузового отсека. Слава Богу, они были в космосе. Минимальное ускорение экономичных траекторий типа хохманновских предохраняло тело при контакте с койкой от пролежней и синяков, неизбежных на Земле.

— Стивен! — с отчаянием воскликнула девушка.

— Извини! — пробормотал он, заставляя себя проснуться.

— Чиквита сошла с ума!

Он вздохнул и пробрался к иллюминатору грузового отсека. Пространственник молнией метался по отсеку, как кот, упустивший мышь. Он отчаянно мяукал.

— Мы уже на месте?

— Нет, Стив! Но Чиквита так громко мяукала, что сработала аварийная система и разбудила меня. Нам осталось еще много дней пути!

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Ничего не видно. Мы в глубоком космосе, за орбитой Плутона, но до Рифов еще далеко. Здесь нет ничего такого, что могло бы ее взволновать…

Она замолчала, прислушиваясь. Оба они услышали одновременно. Снова послышалось приглушенное постукивание по обшивке корабля.

— Ну-ка, поглядим, — мрачно сказал Райленд.

В иллюминаторах ничего не было видно, но на наружной двери воздушного шлюза было окошко, заслоненное шторой от радиации. Райленд отодвинул задвижку и раздвинул штору. Снаружи в шлюз заглядывал человек. На лице

его было выражение нетерпеливого раздражения. Человек! Райленд и девушка посмотрели друг на друга. Этого не могло быть! Хотя все это, несомненно, было именно так! На человеке даже не было скафандра. Он кутался в ветхое одеяло и стучал по люку ручкой длинного ножа. Это был худой, невысокий, рыжебородый мужчина, уже немолодой.

— Стивен! — вскрикнула вдруг Донна. — Я его знаю. Его зовут Куивера. Да, это он привез на Землю Чиквиту… чтобы спасти Дондерево из банка. — Она поколебалась, потом резко сказала: — Стивен, открой люк!

— Что?

— Открой люк!

— Но воздух…

— От этом можно не беспокоиться, — сказала она. — Смотри! Еще один пространственник! Неудивительно, что Чиквита так волновалась, она, несомненно, почуяла присутствие собрата. — Тот был побольше размерами и более темного цвета! — У них собственный воздух. Чем же иначе они могут дышать? Открывай люк.

Райленд колебался. Здравый смысл говорил ему, что девушка права, другого объяснения быть не могло. Но открывать люк ему все равно как-то

не хотелось: ощущение вырывающегося в пустоту воздуха было слишком сильным, чтобы сразу уступить. Только усилием воли Райленд заставил себя повернуть ключ клапана. Послышался металлический воющий звук, зашипел клапан, выравнивая давление. И вот люк был уже открыт, но они по-прежнему дышали, втягивая странно пахнущий воздух — он отдавал каким-то приятным химическим ароматом. В шлюз поспешно вошел человек. За ним последовал его пространственник. У этого существа был красный нос, и он светился пульсирующим светом. Его большие глаза смотрели в камеру шлюза, он громко урчал от удовольствия и возбуждения.

— Стой! — крикнул маленький человек. Пространственник очень волновался, но подчинился ему, ожидая, пока человек раскроет внутренний люк и закрутит клапан наружной двери. Покончив с этим, Куивера сказал: — Ладно, Адам, беги, встречай друга.

Два пространственника бросились друг к другу. Они описывали круг за кругом в тесном грузовом отсеке, мяукая и мурлыкая, один — густым баритоном, второй — более высоким сопрано.

— Дети, — усмехнулся Куивера. — Как они рады увидеть друг друга! — Он поклонился и снял с

головы то, что еще оставалось от шляпы. — Дамы и господа, я — Квинтано Куивера, ваш покорный слуга.

Он снова посмотрел на Донну Криири и улыбнулся с неподдельным удовольствием.

— О, дочь Планирующего! Рад вас видеть. И вас, сэр, я тоже рад видеть, хотя не знаю пока вашего имени.

— Стив Райленд, — Стивен протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады тебя видеть, Куивера, — проговорила Донна. — но…

— Но что Куивера делает здесь? — человек улыбнулся и снова поклонился. — Думаю, я смогу помочь вам с ответом. Мой Адам почуял присутствие Чиквиты. — Он протянул руку и погладил золотистого пространственника. Оба существа висели сейчас неподвижно, прижимаясь друг к другу. — Кроме того, есть другая причина. — Улыбка сошла с его лица. — Я и мой Адам, мы уже некоторое время поджидали вас. У Адама отличная способность видеть даже в темноте космоса, не говоря о даре ощущать присутствие другого пространственника даже там, где не может помочь никакое зрение. И Адам кое-что увидел. С его помощью это увидел и я.

— Что именно?

— Видимо, — с тревогой сказал Куивера, — вы сами еще не знаете, что за вами следует крейсер Плана Человека.

Невольно пальцы Райленда притронулись к холодному металлу воротника. Лицо Донны Криири побелело, как мел. Должно быть, их сообщение Планирующему было перехвачено, и Флимер теперь знал, где они находятся. Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение, более быстрый корабль навязывает бой менее скоростному. Ножи радарного запала в воротнике Райленда не оставляли сомнения в единственно возможном исходе такого боя. Если они попытаются бежать, крейсер Плана догонит их. Даже если они выключат двигатели, на крейсере рассчитают их положение, исходя из последних зарегистрированных координат и скорости движения, и ошибки тоже не будет. Пламя же дюз представляло собой отличную мишень, видимую за миллионы миль при помощи специальных сканнеров. Любая попытка бегства сейчас же вызовет новый всплеск сигнала на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник.

— На корабле есть оружие? — хрипло спросил

Райленд.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось удивленное выражение.

— Сражаться против Плана? О, нет, мой молодой друг. Мы с ними не станем сражаться, это их метод. Мы пойдем своим путем — просто убежим, вот и все. — Он кивнул. — Да, до Рифов еще несколько миллионов миль — это приличный путь. Но в конце его ждет свобода. Возможно, даже… — он посмотрел на пальцы Райленда, поглаживающие металл кольца, — свобода даже от этой штуки на шее.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и показал в сторону двух пространственников.

— Нереактивная тяга, — быстро догадался Райленд. — Конечно же! Они могут снять нас с ракеты, а так как не используют раскаленных дюз, то приборы Плана не смогут их зафиксировать. Но… самка ранена. В прошлый раз она едва не погубила меня всего за несколько минут в открытом космосе. Смотрите! — он указал на шрамы, которые полковник Готтлинг оставил на золотистой шкуре.

— Но было время, и раны затянулись, — возразила Донна Криири. — Не забывай, мы в полете

уже более четырех месяцев!

Куивера внезапно забеспокоился. Не обращая внимания то на слова девушки, он наклонился над пространственником. Чиквита резво перевернулась и повисла перед ним, весело мурлыкая, наконец Куивера поднял встревоженное лицо.

— Это были опасные раны, мисс Криири. Я не думал, что вы с ней так обойдетесь.

— Но это сделала не я!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные раны, — упрямо повторил он. — Не знаю, заживут ли они когда-нибудь полностью.

— Это значит, что мы не сможем бежать отсюда на пространственнике? — упавшим голосом спросил Райленд.

— Нет, нет, — сказал маленький человек расстроенно, — я не хотел вас испугать, мой Адам сможет перевезти нас всех, я обещаю. Но нам нужно спешить…

— Нет, — сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли, глядя на него.

— Подождите, не сразу, — сказал он. — Эту ракету специально оборудовали для меня, чтобы исследовать нереактивную тягу. Мне необходимо ее оборудование, потому что, если это имеет

значение, как вы говорите, мы должны овладеть секретом тяги. Пространственникам придется тащить и приборы. Не возражайте, — сказал он, видя, что Куивера хочет что-то сказать, — я знаю, что это трудно. Мне эти приборы необходимы.

Куивера холодно смотрел на Райленда, но потом улыбнулся.

— Очень хорошо. Если желаете ползти, как улитки, Адам и Чиквита смогут тащить все, что вам потребуется. Что еще?

— Ну, хорошо. Но если мы оставляем ракету, нужно поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы не обыскивали корабль после нашего ухода, лучше его взорвать.

За десять последующих минут они разобрали устройства, источники питания и множество другого оборудования. Еще пять минут ушло у Райленда на установку контактов реле времени на запале, который он поместил в топливный отсек, и после этого они были готовы отправиться в путь. Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Они стояли у открытого люка шлюза и снаружи мерцала звездами Вселенная, Райленд чувствовал себя таким беспомощным и крошечным, как никогда в жизни. Как может человек выжить в этой холодной

пустоте, пронизанной светом далеких звезд? Но Куивера заверил их, что поле пространственника удерживает воздух вокруг корабля даже сквозь стенки корпуса. И действительно, хотя глаза их еще не привыкли к темноте после яркого света кабины, они различали движущиеся силуэты странных цветов. Райленд и девушка взялись за руки и прыгнули вперед, вплывая в мир пространственников. Они ничего не чувствовали, но они двигались. Рядом летели пространственники, казалось бы, не обращая на них внимания, но поле нереактивной тяги двигало их по касательной к курсу ракеты, постепенно отклоняясь в сторону. Когда они удалились от корабля, воздух силового пузыря пространственников оторвался от корпуса, сконцентрировался, и дышать стало легче. Позади изредка вспыхивал в звездном небе хвост из оборудования, которое отобрал Райленд. Но они лишь мельком глянули на него, потому что вокруг уже мерцал мир пространственников, и это была сказочная страна.

В это трудно было поверить! И Донна с Райлендом смотрели по сторонам, не веря себе. Когда частицы и тельца заняли надлежащее им обычное положение внутри поля, оно приобрело вид холодновато святящегося зеленого облака,

такого яркого, что Райленд едва видел звезды. Невероятные лозы с невероятного вида листьями несли на себе невиданные плоды. Сквозь ветви этих лоз порхали существа, похожие на рыб и на птиц. Они находились внутри пузыря, где плотность воздуха достигала земной, и невидимые крошечные существа давали свет и жизнь. Здесь было довольно много пространства и можно было свободно передвигаться. Райленд неустанно сновал туда-сюда по небольшому пространству воздушного облака, где лишь несколько ярдов отделяли его от открытого пространства.

— Невероятно! — бормотал Райленд. — Фантастика! — он уцепился за виток лозы всего в восемнадцати дюймах от прозрачной границы сияния, обозначавшей конец обитаемого пространства, и смотрел на звезды. Он не мог найти ни одного знакомого созвездия: Орион и могучий Южный Крест остались на своих местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не видны. Но вот в его глаза впилась игла голубого света, и он понял, что наконец отыскал хоть одну знакомую звезду. Это мог быть только Сириус. Он тоже здесь оказался более ярким, и смотреть на него было больно.

За спиной послышался нерешительный голос

Донны:

— Стивен, что это такое?

Райленд повернулся к ней лицом.

— Это замечательно! Кажется, я начинаю понимать… Силовое поле удерживает вокруг облако воздуха. Из пространства оно улавливает пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют кислород из водорода, как и все другие необходимые элементы — углерод и так далее. Они же излучают свет и тепло, достаточное для жизнедеятельности пространственника и нашей. Подозреваю, — задумчиво сказал он, — что в этих растениях изрядная доля тяжелых элементов. Консервация энергии. Реакция термоядерного синтеза освобождает слишком много энергии, если бы она переводилась только в легкие элементы и тепло, мы бы погибли спустя некоторое время, так или иначе. Но синтез тяжелого серебра уже требует энергии… — Он покачал головой. — Извини. Но я не могу от всего этого оторваться. Это настоящий маленький мир с его собственным совершенным кругооборотом.

— А что мы будем есть? — просто спросила Донна.

— О, еда! — перебил ее Куивера. Он поплыл

сквозь зеленоватое свечение облака, словно пловец под водой, где роль водорослей исполняли необычные лозы фузоритов, набрал полные руки странных ярких плодов и поплыл обратно к ним.

— Попробуйте, — предложил он. — Они вкусные. Платина? Золото? Я ничего не знаю о тяжелых элементах, мистер Райленд, но я знаю, что такое вкусные вещи!

В этот миг позади, в той точке, откуда они вылетели, распустился ослепительный беззвучный цветок пламени. Они повернулись в ту сторону.

— Это наша ракета, — с тревогой сказал Райленд. — Я надеюсь, что нам понравится в Рифах, Донна. Ничего другого нам не осталось.

Они сгрудились у границ воздушного пузыря, глядя наружу.

— Не подходите к границе слишком близко, — предостерег Куивера. — Тем более не пытайтесь просунуть через границу даже палец. Вас разорвет.

Райленд мгновение смотрел на него, пораженный, потом кивнул.

— Конечно. Все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает, так? И если поле пробито, его разорвет внутренним давлением

воздуха.

С большой предосторожностью они устроились немного подальше от границы поля, чтобы посмотреть, что происходит с кораблем. Пламя взрыва уже погасло, но за мгновение оно успело раскалить металл корпуса добела, и теперь они могли видеть остывающий оранжевый скелет корабля. Обшивка и оборудование были уничтожены взрывом, но неподалеку от слабо светящихся останков корабля они заметили мигание световых точек. Это был крейсер, так объяснил Куивера. Мигающие световые точки — это были вспышки вспомогательных двигателей. Крейсер корректировал свое положение относительно останков корпуса ракеты. Пространственники наблюдали за звездным небом и урчали. Куивера прислушался к ним, погладил блестящую шерсть, что-то ласково говоря вполголоса.

— Они увидели крейсер Плана, — объяснил он остальным. — Корабль сам излучает инфракрасные лучи. Теперь, когда крейсер близко, они хорошо его видят.

— Близко? — Райленд был поражен.

— Конечно, мистер Райленд, План не настолько глуп.

— Но… они должны полагать, что мы погибли!

И даже если это не так, у них нет способа засечь нереактивную тягу пространственника…

— Да, — согласился Куивера. — Они просто не хотят рисковать. Я могу представить, что они говорят сейчас на крейсере: «У них была спасательная шлюпка? Если была, то куда они могли направить ее? К Рифам — больше некуда». А План знает, где находятся Рифы.

Пространственники проявляли все больше признаков беспокойство.

— А наши друзья начали уже уставать — заметил Куивера. — Им нужна передышка. Даже вдвоем им тяжело тащить и нас, и все оборудование, мистер Райленд. Двигаться быстро они не могут, и поэтому попытаются спрятаться.

Он показал куда-то сквозь светящиеся лианы. Райленд посмотрел в ту сторону, но ему мешало свечение атмосферного облака. Он оттолкнулся — и пролетел на другую сторону воздушного пузыря, где уцепился за лиану и повис, всматриваясь. Но если там что-то и было, его нетренированные глаза ничего не могли разобрать. За ним последовал Куивера.

— Это скопление рифовых образований, — пояснил он. — Вон там, возле трех голубых звезд.

Привыкшие к условиям Земли, глаза Райленда

ничего не видели. Но Чиквита и Адам проскользнули рядом с ним и повисли неподвижно среди ярких светящихся листьев. Их большие грустные глаза были направлены куда-то в усыпанную звездным порошком пустоту. Райленд покачал головой.

— Я ничего не вижу.

— И я тоже, — признался Куивера, — ничего не видел, пока не показали мне пространственники. Мы не в состоянии увидеть камешек в кромешной тьме, но они могут.

— Даже если здесь есть Рифы, — с сомнением сказал Райленд, — и мы до них доберемся, то почему за нами не может последовать корабль Плана?

— Может, конечно, но Рифы окружает гораздо более плотное облако, чем содержит этот небольшой пузырь. Там целые рои светляков, которых вы называете фузоритами, они создадут помехи для поисковых экранов. Большие куски Рифов замедлят ход их ракеты. Но если они будут настойчивы и осторожны, им может повезти. Это будет катастрофой для нас. Все это так. Но это наш единственный шанс, и ничего другого нам не остается, как испытать его.

Они летели уже очень долго, трудно сказать

сколько — часов у Райленда не было. Точками отсчета могли служить только звезды. Но гигантские расстояния до них были несоизмеримы с ничтожной относительно них скоростью пространственников. Адам и Чиквита, казалось, совсем не напрягая сил, грациозно скользили между лиан, но Куивера заверил Райленда, что они двигаются почти так же быстро, как и крейсер Плана, несмотря на следующий за облаком хвост приборов и оборудования.

Потом Куивера вдруг сказал:

— Мы уже почти на месте.

Райленд пытался понять направление их полета. Задача осложнилась тем, что у «корабля» не было ни носа, ни кормы, и невозможно было определить, в каком направлении они двигались. Он ничего не мог разглядеть. Звезды сияли в своем великолепии, не замутненном атмосферой. Райленд повис почти у самого края воздушной капсулы, созерцая светящиеся точки голубых гигантов, красных карликов и скопления туманностей. Потом впереди он увидел Риф. Сначала это было пятнышко света, потом оно выросло в выпуклую, бугристую сферу мерцающего великолепия. Это был уже инкрустированный самоцветами мяч, плывущий в пространстве, и

самоцветы были лесами кристаллов… Словно комета, они подошли совсем близко, потом замедлили полет. Райленд видел деревья с шипами кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом, странные пузыристые массы, напоминающие формой человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалины призрачно-белого песка, на застывший лес с яркими металлическими листьями. Для Райленда и Донны это была волшебная сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала и качал головой.

— Для укрытия место не очень подходящее, — сказал он, всматриваясь в сияющий шар рифа. — Хотя твердое ядро может нам пригодиться. Рифы большей частью внутри пустые, потому что они уже мертвы.

Райленд кивнул.

— Очевидно, организмы на поверхности поглощают весь попадающий свободный водород и поэтому могут расти. Оставшиеся на глубине умирают от голода.

Куивера не слушал его. Он вдруг воскликнул весело:

— Ага! Вот и пещера, и, кажется, свободная!

Хотя наверняка это, конечно, неизвестно.

Райленд непонимающе смотрел на него. Куивера пожал плечами.

— У этих рифов не очень сильная гравитация, и воздух здесь нужно обновлять, как это делают пространственники или микроскопические живые клетки самих рифов. Каждый риф — это особый мир, и я не знаю, что здесь нам может встретиться. Но воздух может содержать и нечто очень неприятное. — Он поднял руку. — Подождите, надо посмотреть.

Шар из монолитного драгоценного камня был уже близко.

— Смотрите, — сказал Куивера, — смотрите, как Чиквита входит в атмосферу Рифа. Сейчас нас тянет Адам, а Чиквита следит за воздухом. Видите?!

Пространственник-самка в этот момент устремилась вперед, в то время как Адам повис неподвижно.

— Я над этим уже задумывался, — ответил Райленд. — Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно расталкивать их в разные стороны.

Куивера покачал головой:

— Видите, как она нас «шлюзует».

Райленд внимательно наблюдал за происходящим. Они подходили к Рифу все ближе и ближе. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, испуганно засуетились, и он понял, что оболочка пузыря сокращается. Но он не ощущал нарастания давления.

— Я понял! — воскликнул он внезапно. — Она создает новую оболочку достаточно большую для нас и для Рифов. Продырявит нашу внутреннюю оболочку, и выходящий из нее воздух уравняет давление!

Куивера кивнул. Они почувствовали внезапную вибрацию, словно к ним подошла ударная волна далекого взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла. Райленд был поглощен новым миром. Непрекращающийся световой дождь мириадов звезд даже сквозь затуманенную атмосферу Рифа являл ему картину волшебной страны. Солнце, само не ярче Сириуса, вызывало желтоватый отблеск на кристаллических ветвях… мог ли он назвать эти образования растительностью? Но Куивера не дал ему времени насладиться зрелищем необычайного мира.

— Теперь наша очередь, Райленд, — усмехнулся он. Райленд увидел, что оба пространственника

повисли на некотором расстоянии от темной пасти входа в пещеру, наблюдая за нею большими влажными глазами. Их красные носы быстро и мелко вздрагивали. Они похныкивали, и по бокам Чиквиты, усеянным шрамами, пробегала волна дрожи.

— Что мы должны делать?

Куивера спокойно объяснил:

— У пространственников есть природные враги, этакие грубые бронированные разбойники. Двигаются они медленно, в космосе им пространственника не догнать. Но они смертельно опасны, когда подстерегают их вот в таких местах. Так что нам придется лезть в эту нору, мистер Райленд, если вы окажете мне честь и присоединитесь ко мне.

Оттолкнувшись, Куивера подлетел ко входу в пещеру, заглянул внутрь, обернулся и пожал плечами.

— Посмотрим, — сказал он, ничего не добавляя.

Спокойно размотав тряпичный узелок, он вытащил довольно старый полицейский пистолет. Обращался он с ним не очень искусно — долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что у него осталось всего четыре

заряда. Несомненно, у Куиверы были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец Куивера вскрыл магазин и поудобнее ухватил рукоятку. Потом, оттолкнувшись каблуком поношенного ботинка от зеленоватого кристаллического сталагмита, он сломал его у основания. Длиной кристалл был в восемнадцать футов. Получился вполне пригодный к бою меч, подумал Райленд, но тут же сообразил, что из сталагмита получился хороший факел. Внутри пещеры было темно, а кристалл светился благодаря заключенным в нем клеткам фузоритов. Куивера забрался в пещеру, и Райленд последовал за ним, не успев оглянуться на Донну. Внутри их ждало странное скопление извилистых коридоров. Стенки входа были подозрительно ровные, словно вытертые прикосновением какого-то массивного тела, постоянно входившего и покидавшего пещеру. Райленд быстро прикинул возраст Рифа и немного успокоился. Время здесь текло по иной шкале. Перемена могла быть мгновенной, а могла быть и крайне постепенной, края входа могли быть истерты много миллионов лет назад. Все, эти погруженные в темноту коридоры, гладкие стены, созданные телами умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще в ту пору, когда Земля, не

успев сконденсироваться и остыть, была клубком раскаленного газа. Ничего нельзя было определять точно. Райленд также не мог представить, какой была длина и глубина коридоров. Они находились в лабиринте, вроде тех, что встречаются среди земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу, заблудившуюся мелкую рыбешку. Куивера задержался у развилки, где коридор разделялся на два рукава, и оба они всего в нескольких ярдах от развилки разделялись снова.

На гладкой стене прохода виднелись параллельные царапины, словно их прочертили клыки какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, пользуются они этим проходом, — сказал Куивера весело, — если бы мы только — знали, когда именно. Ладно, я вас попрошу, если вы не возражаете, охранять это место. — Он повернулся, потом снова взглянул на Райленда: — Понимаете, на этом опасном посту должны остаться именно вы, потому что, если пироподобъявится из этих коридоров, когда меня не будет, то… — он помрачнел, вежливо развел руками и исчез.

Райленд уцепился за выступ скалы и принялся ждать. *Пиропод…* Он снова услышал это слово,

которое произносил тихий застенчивый голос доктора Трейла. Он снова будто лежал на кушетке тераписта в «центре отдыха», утыканный холодными электродами, беспомощно ожидая, когда кончится эта пытка щупом, продиравшимся в его потерянную память. Он снова вздрогнул, зябко поежился, вспоминая безжалостную силу, пытавшуюся вырвать у него секрет, которого он не знал… Или он действительно когда-то знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман забытья и неразрешимых противоречий прошлого снова хлынул в его сознание. Сквозь него послышался голос Анджелы, дразнившей Райленда ответом на загадку. Итак, он — подсадная утка, искусственный человек, созданный для диверсии против Плана, лишенный памяти, поскольку у него не было прошлого. Да, неплохой товарищ для дочери Планирующего. Он еще раз дал себе слово никогда не рассказывать Донне ничего о своем происхождении. Теперь, когда она одинока, когда в ее мире остались только два человеческих существа, он и Куивера, сможет ли она справиться с потрясением, узнав, что он ненастоящий человек? Он нетерпеливо повел плечами, словно этот жест был в состоянии развеять парализующий туман, окутавший память, и

объяснить, наконец, истинную сущность Райленда. Но эта старая загадка подождет решения до момента, когда сработает механизм и детонирует заряд в воротнике, навсегда лишив его хозяина необходимости разгадывать загадки. В глубине пещеры было тепло, хотя тепло и свет производили фузориты на поверхности небольшого, правильной формы шара. Но Райленд обнаружил, что дрожит. Пироподы? Он уже слышал это название, и ему не хотелось сейчас вспоминать, что ему о нем рассказывали. Время шло… Темно… тихо… пусто… Райленду казалось, что мертвые стены вокруг начинают вдруг сжиматься. Он отирал покрывающиеся потом ладони, касался стен, убеждаясь, что они остаются на месте и не собираются давить его… Невольно он усмехнулся. Приступ клаустрофобии — и это здесь! За миллионы миль от Земли, внутри плывущей пылинки! Нелепость ситуации придала ему уверенность. И когда, наконец, Райленд увидел в дальнем проходе отсвет факела Куиверы, он уже был спокоен и бодр. Показался светящийся кристаллический меч, и Куивера весело приветствовал Райленда.

— Здесь тупик, и в нем никого нет. Очень хорошо. — Он подтянулся ближе к Райленду и заглянул в другой коридор. — Я думаю, — сказал

он с некоторым сомнением, — что эти коридоры мы пока оставим в покое. Похоже, что они пусты, а обследовать их все — на это нужна неделя. Считай, что нам повезло, мой друг. Мы еще не познакомились с пироподом.

По сигналу Куиверы пространственники плавно проплыли вниз по коридору, их красные носы подрагивали, когда они посылали в темноту импульсы инфракрасных локаторов. За ними нерешительно следовала Донна Криири, оглядываясь по сторонам с легким любопытством и страхом.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда — мы постоянно в опасности, — спокойно сказал Куивера. — Что же касается пироподов, то я не уверен. Взрослых особей здесь точно нет, но какой-нибудь щенок может бродить где-нибудь в коридорах. Если так, то мы это скоро обнаружим, и почему бы нам пока не устроиться здесь поудобнее?

Они трудились три дня без перерыва. Пространственники постоянно беспокойно мяукали, потому что, как сказал Куивера, крейсер Плана по-прежнему был где-то рядом в окрестностях. Поскольку ничего с этим сделать было невозможно, они ничего и не делали. Но в своем новом

доме трудились упорно. В каверны и переходы они внесли лозы и лианы, выделяющие кислород и фузоритов, устроили отделения для еды, для отдыха, для сна. Каждое помещение окутывали лианами для обогрева и освещения, устанавливали сияющие кристаллы рубинов и топазов. Это было действительно очень красиво. Вдобавок к этому Райленд под руководством Куиверы научился сплетать сети и канаты из волокон лиан. Поверхность Рифа снабжала их кристаллами и кусками металла — чистого железа, меди, алюминия, серебра. Наконец они установили предохранительную сеть, сплетя ее из лиан и замаскировав обломками кристаллов. Сеть натянули поперек входа в пещеру, чтобы скрыть его. Окончив работу, Куивера оценил ее.

— Ну, что ж. Сойдет. Хотя она могла бы быть и получше, да и все твои приборы можно было бы упрятать получше. Будем надеяться, что крейсер вас не почует.

— Нас? А ты?

— Я отправлюсь на основной Риф, — на сухом морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка. — Я прихвачу пространственника и Рона Дондерево!

Райленду и девушке было жаль расставаться

с ним, но их печаль не шла в сравнение с печалью расстающихся пространственников. Адам должен был нести на себе Куиверу. Чиквита оставалась с ними, чтобы поддерживать атмосферу и попытаться спастись бегством, если крейсер Плана окажется слишком настойчивым… Они смотрели, как улетает Куивера, все трое: Райленд, Донна и пространственник. Спустя секунду он уже скрылся из виду. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиквите, и вот уже осталась только пустота. Они всматривались, пока на глаза не навернулись слезы. Донна Криири коснулась руки Райленда.

— Здесь так… одиноко, — прошептала она. — Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру! — сказал он. — Снова каменный век! Подходящая ли обстановка для принцессы Плана?

Она отодвинулась от него и через секунду вместе с пространственником исчезла за маскирующей сетью из лиан. Райленд же бродил по Рифу, пытаясь успокоить поднявшуюся в нем внезапную бурю. Но успокоиться не мог. Спокойствие, как он понимал, не придет к нему, пока он не избавится от душащего кольца на шее… и

пока не удастся пересечь пропасть, разделившую его с собственным прошлым, затмившую его облаком забытья и противоречивых фактов… Или пока взрыв кольца не утешит его вечным покоем могилы. Время шло. Они нашли, чем его занять. Непонятно почему, оба чувствовали себя скованно в присутствии друг друга. Райленд едва узнавал в девушке самоуверенную дочь Планирующего, с ее обычными Голубями Мира на плечах и охраной, готовой придти на помощь по первому зову. Донна стала спокойней и казалось моложе. Они разговаривали об ее отце, и впервые в ее жизни Райленд начал думать об этой полумистической фигуре как об обыкновенном человеке. Донна ужасно волновалась за него.

— Но ведь мы *не могли* его ждать, Стив! И все-таки… лучше бы мы подождали…

Он снова спросил ее, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, и получил тот же ответ, что и раньше. То есть никакого ответа.

— Я не знаю, Стив, но он был взволнован. И ключом ко всему являются твои уравнения.

Это, естественно, заставляло Райленда смотреть на кучу оборудования и машин, которую они притащили с собой, но он только и мог, что временами смотреть на нее. Для работы нужен был

порядок и пространство, на этом маленьком Рифе не было ни того, ни другого. Они жили, словно на необитаемом острове, вылавливая маленьких летающих существ плетеной сетью, наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужасался при мысли о радиации, которую они поглощали с каждым куском, но желудок его ликовал. Кроме того, подумал он, мы не первые их пробуем и остаемся в живых. Возможно, радиация имела чисто световой характер или некоего рода люминесценции, сходной с фосфорическим светом светлячков. Райленд снова расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его сторонникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал тот же ответ, что и раньше.

— Я не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорил, что поиски двигателя для межзвездных перелетов были им одобрены как часть первоначального Плана. Когда он узнал о пространственниках и понял, что возможна нереактивная тяга, он начал прилагать усилия для изучения феномена. И сразу наткнулся на сопротивление таких людей, как Флимер. Я не знаю причины разногласий. Это нечто большее, чем желание захватить власть, место отца. Каким-то образом они научились

манипулировать Машиной, взяли ее под свой контроль. Но я все же верю, что мы можем спасти и отца, и Машину, и План Человека… если узнаем секрет пространственника.

Это, естественно, заставило Райленда начать сборку и настройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в его памяти стал еще гуще. Он сидел, уставясь на панели компьютера, но не мог придумать подхода к проблеме, кроме того, что он уже испытал под началом генерала Флимера. Он не был уверен, что провал Групповой Атаки произошел из-за противостояния. К тому же, думал он, мало что можно сделать, сидя на этом крошечном Рифе. Даже если бы ему дали чертежи настоящего нереактивного двигателя, он беспомощен без инструментов и мастерских. И он оставил усилия, видя их безнадежность. Дни проходили за днями. Недели за неделями. Пространственник, все еще обеспокоенный, бродил по поверхности их маленького рифа. Они не обладали способностью Куиверы понимать пространственников, но его беспокойство было явным. Был ли этому виной крейсер Плана? Или какая-то другая близкая угроза? Они не знали. Донна становилась все грустнее, потом они однажды поссорились из-за пустяка, и она разра-

зилась рыданьями, а потом прижалась к нему.

— Извини. Это потому, что я привыкла к удобствам: слуги, чистая одежда, готовая еда. И власть тоже. А теперь…

Она улыбнулась, глядя на него. Однако Райленд отстранил девушку. В нем бушевали чувства, которые он не мог ни объяснить, ни справиться с ними. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться, потому что в его сердце боролся здравый смысл с любовью к дочери Планирующего. Он спал тревожно, ему казалось, что он задыхается. То он сидел в своем кабинете, спрятанном глубоко под землей, то пробирался по туннелю с кондиционированным воздухом, и вокруг работали операторы, обслуживающие машину. То в его спальню стучали, и он знал, что сейчас войдет к нему Анджела. Но это была не Анджела. Это была Донна Криири, облаченная в белый халат, как медсестра в орган-банке. Она принесла кофе и бутерброды на пластиковом подносе, но, подняв глаза на Стивена, закричала и уронила его на пол.

— Дондерево! — кричала она. — Это Рон Дондерево!

Он хотел сказать ей, что он не Дондерево, но вдруг оказался привязанным к кушетке терапи-

ста, и тело его сотрясал агонизирующий шок. Она снова подошла к нему, в белом халате, алое сердце было вышита на ее высокой груди, она тянулась к нему длинным изогнутым скальпелем.

— И вы могли бы нам также сказать, — шептала она астматическим голосом доктора Трейла, — как построен нереактивный двигатель.

Он готов был рассказать ей. Описание конструкции ясно светилось в его мозгу. Все было очень просто, он не понимал, зачем столько шума. Но голос его был парализован шоком, который болезненными волнами прокатывался по телу от кольца на шее. И Донна не позволила ему говорить. Теперь у нее на голове был рогатый радарный шлем. Она насмешливо говорила голосом жабы Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд. Одно прикосновение к кнопке детонации, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой.

И теперь у нее было лицо Анджелы. Кольцо вокруг шеи вдруг набухло… И он проснулся, задыхаясь.

— Это был сон! — он панически потянулся к шее. Нет, это был не сон. Кольцо было там, и оно наверняка вот-вот должно было взорваться. Воображение заставило его почувствовать, как оно

пульсирует, сдавливая пересохшее горло. Ему показалось, что он слышит какой-то звук внутри него, тиканье, жужжание. «Нет!» — крикнул он, вскакивая. Кольцо взрывается! Не через год, не через минуту, а *сейчас!* Он бросился к выходу из пещеры, выкрикивая проклятья. К нему подлетела Донна Криири, и ужас на ее лице заставил его забыть о своих кошмарах.

— Что случилось? — сурово спросил он.

— Чиквита… Стив! Она бродила по нижним коридорам, куда мы никогда не ходили, и… — она замолчала, не в состоянии продолжать. Позади нее показался пространственник, жалобно мяукая.

Бок Чиквиты представлял ужасное зрелище, вдоль тела краснела рваная рана, след острого клыка.

В магазине пистолета было четыре патрона. Райленд проверил их наличие, мысленно поблагодарив Куиверу за то, что тот оставил ему оружие, и направился вглубь коридора. Он ничего не сказал Донне Криири. А что он мог ей сказать? Значит, на их Рифе притаился пироопод… В горле Райленда было сухо. Пироопод, то есть «огненогий». Обитатели открытого космоса, похожие, в принципе, как смутно припоминал

Райленд, на обыкновенные земные петарды. Райленд раньше пытался представить себе, что где-то в Рифе может скрываться пироподд. А страшные раны Чиквиты превратили эту вероятность в нечто гораздо более серьезное. Райленд приостановился у конца коридора, который они успели исследовать, и поднял кусок кристалла, брошенного Куиверой. Он все еще ярко светился, и это был единственный источник света. Потом Райленд направился в первый, из коридоров. Через пять минут он был уже в его конце. Туннель резко сужался, так что Стив едва мог двигаться, и повисшие посреди прохода мелкие осколки указывали, что в последнее время здесь никто не появлялся. Он вернулся назад. Новый туннель был гораздо более длинным, Райленду трудно было передвигаться: из-за невесомости он не мог идти, а ширина туннеля затрудняла прыжки. Перед ним были два хода, оба громадные, оба темные и безмолвные. Воздух был тем же воздухом, который принесли пространственники, но с неприятным запахом, словно от горячего пороха. И вход одного из туннелей был отмечен царапиной гигантского клыка.

Почти сразу Райленд оказался в большом зале. Он завис у входа, всматриваясь в темноту,

едва раздвигаемую слабым светом кристалла в руке. Зал был грубого сферического сечения, и стена виднелась довольно плохо. В нише с одной стороны что-то лежало. Он настороженно приблизился. Это напоминало груду отбросов, и кровь начала вдруг пульсировать у него в ушах. В кучу были свалены кости. Некоторое время Райленд рассматривал эти странные останки, потом приблизился с бесконечной осторожностью и осторожно поднес «факел» к груде «костей». Но ничего не обнаружил, все продолжало пребывать в неподвижности. Райленд отошел. У космоса собственные мерки времени, решил он. Брошенная куча костей и следы клыков на стене будут выглядеть такими же свежими и через миллионы лет. Пещера, несомненно, давно покинута. И он повернулся, чтобы уйти. За его спиной послышался вопль. Он едва успел повернуться, как куча костей взорвалась. Будь пещера побольше, и через мгновение Райленд погиб бы, но у космического зверя, налетающего молниеносно, не было возможности воспользоваться своей скоростью. Он был громадных размеров, больше лошади, и тело его покрывала броня зеркальной чешуи. Единственный его глаз выдвигался вперед на тонкой ножке, как большое зеркало. На переднем

конце гибкого, извивающегося тела находился единственный клык. Ревя, как ракета на взлете — а он и был живой ракетой, пироподмчался на Райленда, и его огромный металлический клык угрожающе щелкал. Райленд мгновенно прицелился и выстрелил. Даже сквозь рев пиропода он услышал визг пули и понял, что та отскочила от зеркальной брони чудовища. Пироподразвернулся для новой атаки. Но на этот раз он повернул в сторону Райленда сверкающий хвост. Ударило бешеное белое пламя. Хвост! Это было еще более страшное оружие, чем клык — пламя, передвигающее пиропода по пространству космоса, способное испепелить Райленда в мгновение ока. Но Райленд успел отпрыгнуть, и разряд выхлопа прошел мимо, хотя отраженный от стены огонь задел его ногу и, как он обнаружил потом, оставил на ней огромный волдырь ожога. Райленд ударился о стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил — раз, два, три! Теперь обойма была пуста… Но одна из пуль попала в цель. Ножка, поддерживающая глаз, была повреждена. Пузырь глаза взорвался, и чудовище ослепло. Оно носилось по пещере, словно взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая, снова устремляясь вперед. Пламя

выхлопа лизнуло стену в опасной близости от Райленда. И вдруг рев двигателя послышался уже в коридоре, удаляясь все дальше и дальше… Райленд сильно ушибся, был обожжен, из пореза текла кровь и болел каждый мускул. После этой огненной стычки он никак не мог отдышаться. Но он не мог ждать. Райленд прыгнул в коридор, преследуя пиропода. Наверху была Донна! Он летел по темным туннелям, давно потеряв светящийся кристалл, пытаясь рассмотреть что-то в темноте, прикрываясь руками от ударов головой о стены… Хорошо все-таки, что туннель был такой узкий — он мог двигаться лишь в одном направлении. И после бесконечных поворотов наконец увидел свет, а навстречу ему спешила Донна Криири. Она жива! В руке у нее был кусок лозы со светящимися фузоритами.

— Стивен! Слава богу!

Она бросила ему конец лозы, он взялся за нее, и они подтянулись друг к другу. Райленд взял Донну за плечо.

— Пиропод!? Где он?

— Убежал, — сказала Донна Криири. — Он пронесся мимо меня, и я не стала его задерживать, ведь у меня не было атомного гарпуна. Думаю, мы больше его не увидим.

— Он прятался в куче костей, — сказал Райленд, почувствовав вдруг ужасную усталость. — Я… я, кажется, попал ему в глаз.

— Да, по крайней мере, он вел себя, как слепой. И… Стивен!

Он взглянул на нее, не понимая в чем дело. Нервная реакция? Он попытался подбодрить девушку.

— Он не вернется, Донна, ты ведь сама сказала…

— Нет, нет, это из-за Чиквиты… Стивен, она, кажется, умирает.

Он кивнул, едва слушая ее.

— Бедняга, мы за нее отомстили.

— Но что будет с нами, Стив? Ты забыл, что, если Чиквита умрет, то некому будет удерживать воздух.

Пространственник лежал неподвижно в небольшой пещере, оплетенной лозами. Время от времени он беспокойно вздрагивал, чтобы притянуть к себе свежий воздух. Мех потерял блеск. Огненно-красное свечение покинуло нос, он стал сухим, черным и горячим.

— У него жар? — Он здорово сдал за время болезни. Казалось, пространственник понимал, что он пытается помочь, и слабо пошевелил черным

языком, и это было единственное усилие, на которое он еще был способен.

— Наверное, мы ничем не сможем помочь, — признал Райленд.

— По-моему, Чиквиту беспокоит свет.

— Хорошо, это, по крайней мере, в наших силах.

Но затемнить пещеру в этом мире светящихся лиан и кристаллов оказалось непросто. Они нашли какие-то растения, что светились совсем слабо, и начали стаскивать их в пещеру. В глазах Чиквиты читалась слабая благодарность. Они оставили ее одну и вышли на поверхность, поглядеть на звезды. Полная беспомощность буквально сводила с ума. Райленд уцепился за выступ у входа в туннель и уставился в пустоту. Где-то там, невидимые, но реально существующие, находились Рифы.

Большие, настоящие Рифы, где удалось выжить бежавшим и освободившимся от Плана, где, прежде всего, жил Дондерево, человек, родившийся в космосе, бывший сначала студентом на Земле, потом гостем и, наконец, пленником Плана. Он носил железный воротник опасника, тот же воротник, что сейчас душил Райленда, если только Анджела сказала правду. Он рассказал

Планирующему о нереактивной тяге, был списан в орган-банк, и Чиквита помогла ему бежать обратно в Рифы. Но был ли он суперменом? Смог бы он снять воротник здесь, в Рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Смог бы заполнить пропасть в мучавшем Райленда туманном прошлом? Или там действительно не было пробела, просто он сам не существовал до того момента, когда остатки утилизированных врагов Плана не были соединены в думающее существо без прошлого?

К этому времени Куивера мог уже добраться до него. Возможно, они уже вылетали в обратный путь. Быть может, через несколько дней Куивера и еще кто-то доберутся до маленького рифа и найдут Райленда и девушку. Найдут ли? Райленд знал, что скорее всего они обнаружат их трупы. Шло время, а пространственник все еще жил. Но с каждым днем он слабел. Райленд потерял чувство времени. Часов у него не было, но по небесным телам он тоже не мог отмечать течение времени. С большим трудом Райленд отыскал Алголь и начал нести вахту звездочета — период изменения яркости звезды должен был стать его часами. Донна мягко сказала ему:

— Это не поможет. Ты ведь знаешь, когда дол-

жен сработать воротник.

И он понял, что она читала те из его мыслей, о которых он сам не подозревал. Именно убегающие мгновения оставшегося ему года пытался он измерить, того, что был максимальным сроком его жизни, пока кольцо безмолвно охватывает его шею. Чиквита может выжить, крейсер Плана может не вернуться, но воротник-убийца все равно настигнет свою жертву. Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до Рифов и там скрыться от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина, но невозможно остановить часовое устройство, которое не знает жалости. Самое большее через год оно взорвет воротник… А по подсчетам Райленда половина этого срока уже прошла.

Чиквите теперь уже было совсем плохо. Раны от клыка пиропода начали зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучает жажда, но пить она не хотела. Похоже, ей не давала покоя боль, и она едва шевелилась. Лишь тихое хныкающее мяуканье доносилось из укрытия, которое они для нее сделали.

Райленд принял решение и отправился наверх исполнять его. А через несколько секунд за ним последовала Донна.

— Что ты делаешь? — спросила она.

Он замер, склонившись над грудой аппаратуры, что пространственник притащил из ракеты. Он так и не собрал свою машину. Но детали он решил использовать для других целей.

— Как там Чиквита? — спросил он, продолжая работать.

— Что ты делаешь, я спрашиваю?

— Хочу собрать передатчик, — ответил Райленд. — Может, удастся связаться с Куиверой и поторопить его…

— Или связаться с крейсером Плана?

— Почему бы и нет? — решительно сказал Райленд. — Возможно, мы слишком понадеялись на удачу! План Человека достаточно благоразумен. Они возьмут нас на борт, — если я сдамся. Это не хуже, чем ждать смерти.

— Стивен! — она взглянула ему в глаза. — Я не пущу тебя обратно!

— Какого черта, — вскричал он, — ты мне приказываешь?

Но она приложила палец к губам.

— Не надо, — прошептала она. — Я не пущу тебя. И, к тому же, кажется, все равно поздно…

Потребовалась секунда, чтобы он понял:

— Чиквита!

Обогнав девушку, он помчался по туннелю к умирающему пространственнику. Чиквита уже погрузилась в бессознательное состояние, она лежала неподвижно, едва заметно дыша. Ее брюхо раздуло, а бока были запавшими. Она напоминала теперь голодного ребенка.

Райленд протянул к ней руку… И опустил ее обратно. Слишком поздно, все уже было кончено. Пространственник перестал дышать. Машинально Райленд погладил тускнеющий мех на ее холодной шее. Да, она умерла. Какие бы секреты не таил метаболизм иной жизни, в этом не было сомнения. И теперь… как долго продержится поле, дающее им воздух? Райленд этого не знал. Он помнил, что биолюминесценция светляка продолжается еще несколько часов после его смерти. Схожи ли между собой эти два эффекта? Вероятно, нет. Непонятная сила, двигающая пространственника, не имеет ничего общего с зеленоватым свечением его поля. Оно может продержаться еще несколько минут. Или может в любую долю секунды исчезнуть, и они мгновенно погибнут во взрыве вырывающегося в вакуум воздуха.

— Стивен, — сказала Донна, — давай пойдем наверх, там видны звезды.

Риф был маленькой, пустой внутри планеткой,

которая теперь медленно вращалась, очевидно, в результате какой-то предсмертной судороги пространственника. Из входа в пещеру им открылось все звездное великолепие неба. И само Солнце, желтая далекая звезда, показалось сквозь лианы защитной сети, словно прожектор идущего вдали поезда.

— Солнце, — прошептал Райленд. — По-прежнему ярчайшая из звезд. Мы еще не так далеко ушли.

Он взглянул на большие созвездия, выглядевшие тускло в звездной пыли, но все еще различимые: могучий Орион, туманное скопление Плеяд, обширный серебристый рукав Галактики. Вот она, с горечью думал Райленд, новая империя, которую он надеялся помочь завоевать для человека. И он проиграл. Как это ни было странно и удивительно, но он чувствовал себя умиротворенным. Они все еще были живы. И это принесло чувство обладания безмерным богатством. Со смертью пространственника они потеряли последнюю надежду, и теперь каждая секунда была наслаждением. Райленд зацепился за выступ космического коралла. В его руках была Донна Криири. Они разговаривали о самом разном, будто и не были в двух шагах от смерти.

— Отец, наверное, все еще на Земле, — сказала Донна. — Он не получил моего сигнала. Иначе полетел бы за нами. Он был вечно занятым, подвижным человеком, Стив, и я его за это не любила, но… О, Стив, как я об этом теперь жалею!

— Ты, наверное, не помнишь, — сказал Стивен. — Ты была в ванне. Я случайно попал в эту комнату. Я смутился. И ты, наверное, тоже. Нет, ты, видимо, совсем не смутилась. И у тебя были Голуби Мира, они едва не заклевали… как его звали? Опорто. — Удивительно, подумал Райленд, я почти забыл имя человека, который когда-то был для меня самым близким.

Донна сказала:

— Голуби Мира — это придумал отец. Если ты ненавидишь черное, назови его белым, и будешь любить. Поэтому он и назвал убивающую машину Голубем Мира. Он всегда любил похвастать, что Планирующий — первый правитель на Земле, которому не нужны телохранители. Но как же еще назвать эти штуки? Его ястребов, моих голубей?

И Райленд сказал, счастливо удивившись.

— Донна! Мы до сих пор живы!

Они посмотрели друг на друга, поскольку это действительно было так. Они не умерли от

недостатка кислорода. И окружающий их мир маленького Рифа был цел и невредим.

— Но пространственник наверняка умер! — воскликнула Донна.

— В этом нет сомнения. Я ничего не понимаю.

Они с тревогой посмотрели вокруг. Сияли звезды, это все, что они могли видеть сквозь границы маленького воздушного пузыря, составляющего их мир.

— Смотри! — крикнул Райленд. — Что это там?

На краю Рифа вдруг произошел беззвучный взрыв: пуфф! Взлетело облачко тумана. Колония летавших полурыб-полуптиц, кружевное плетение лоз фузоритов и с ними целое скопление цветов, горящих жидким золотом — все они были отброшены в сторону. Потом в том углу все успокоилось. Очертание воздушного пузыря изменилось — один край их мира потерял воздух. На одну тягостную секунду Райленду показалось, что это и есть конец, которого они ждали. Пространственник Чиквита, умерла, непонятные силы, позволяющие ей удерживать воздух вокруг Рифа, начали ослаблять свою хватку, и они лицом к лицу встретились со смертью. Донна, почувствовав внезапный приступ ужаса, прильнула к Райленду.

— Что-то не так, Донна, — прошептал он тихо. — Что-то происходит, чего мы понять не можем. Если поле пропадает, оно должно пропасть сразу и все полностью.

— Но что это такое, Стивен?!

— Посмотрим.

Они нырнули вглубь пещеры. Быстрее, быстрее! В мозгу Райленда плясали сумасшедшие мысли: маленький мир гибнет, все миры, все солнца гибнут, потому что Райленд не смог дать им безынерционный двигатель межзвездного полета… они обречены на гибель, не оставив в пространстве семян жизни. Они замерли, ухватившись за бледно светящиеся лозы. В зеленоватом полумраке своего укрытия лежала Чиквита. Она была мертва. Ошибки быть не могло. Но рядом с ней… Рядом с ней что-то двигалось! Что-то вздрагивало и поднималось в воздух. Оно полетело прямо к ним, маленькое, словно Чиквита уменьшилась и превратилась в игрушку. Но это был пространственник! Детеныш пространственника! Его красный нос быстро подрагивал, он смотрел на Райленда и Донну яркими дружелюбными глазами.

— Ой, миленький! — вскрикнула Донна, протянув к нему руку, и он лизнул ее пальцы ярким

черным языком.

— Смотри! — вскрикнул Райленд, пораженный почти до немоты. Там было еще одно маленькое тюленеобразное существо, и третье, и четвертое, и… казалось, их целая дюжина… они танцевали вокруг Райленда и Донны в воздухе, тыкались носами в них. — Чиквита умерла, но дети ее живы, — тихо сказал Райленд.

Всего детенышей было восемь, насколько можно было пересчитать их юркие, словно шарики ртути, непоседливые фигурки. Восемь детенышей-пространственников, веселых, словно щенята. Были ли они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке организма пространственников? Или они родились раньше? Райленд не знал. Он знал только, что они здесь.

— Слава богу, — вздохнула Донна, когда Райленд вынес одного детеныша на свет, чтобы рассмотреть получше.

— Слава, слава, — пробормотал Райленд. — Смотри, Донна, они совсем как взрослые пространственники, только маленькие еще. Они и родились полностью сформировавшимися — ясно, они в состоянии поддерживать атмосферу и могут пользоваться нереактивной тягой, к счастью для нас. Хотя, — сказал он, вспомнив ма-

ленький взрыв на краю рифа, — им еще придется немного потренироваться. — Он вдруг замолчал открыв рот.

За границей их воздушного пузыря что-то двигалось и помаргивало.

— Ракета Плана! — в ужасе воскликнула Донна.

— Нет, нет! — крикнул Райленд. Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое и слишком близко! Это пространственник! Куивера вернулся… и с ним кто-то еще! Он привел Дондерево!

Дондерево! Гигант шести футов и восьми дюймов ростом, с черным от загара лицом и сияющими голубыми глазами! Пространственник ловко вплыл в их воздушный пузырь, и Рон Дондерево одним прыжком покинул его спину.

— Донна! — воскликнул он, хватая девушку за руку. Донна радостно обняла его, прижимаясь щекой к бронзовой щеке Рона. Освободившись, она сказала: — Рон, это Стив Райленд.

— Я вас помню, — едва слышно прошептал Райленд. — Когда я был кадетом Техкорпуса, мне было всего лет восемь. А вы были студентом-медиком и носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану…

Со смехом гигант пожал ему руку. Потертая

кожаная куртка Дондерево была распахнута у шеи, которая казалась бронзовой мускульной колонной. На ней виднелся тонкий шрам, но кольца не было.

— И я тоже помню тебя, — пророкотал гигант. — Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и философом, и историком. Он был тем человеком, который помог мне понять настоящее значение космоса.

— А воротник? — перебил его Райленд. — Вы действительно смогли от него избавиться?

— Да, и от воротника, и от уютного места в заведении, которое называлось «Небеса», — торжественно кивнул Дондерево. — Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и хотел задать еще один вопрос, но внезапно железная хватка кольца не дала ему возможности вымолвить слово. Он хотел узнать, как удалось Дондерево снять кольцо, но он страшился услышать ответ. Он боялся, что Дондерево подтвердит невероятную историю, рассказанную Анджелой Цвиг — будто он, Райленд, был подсадной уткой, которую хирурги-антипланисты смонтировали под кольцом Дондерево, чтобы прикрыть его побег.

— Рон, — голос Донны немного дрожал от беспокойства, — ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, каким мне сняли мое. — Рон Дондерево покачал головой. — Мой воротник сняли в хирургическом центре органбанка, куда я попал на утилизацию. Работало полдюжины хирургов при помощи лучевого оборудования…

— А что сделали с вашим воротником? — перебил его Райленд.

— Я обещал не рассказывать, — ответил Дондерево.

— В этом кольце, — начал Стивен и запнулся, прокашлялся, снова начал: — В этом кольце был собран новый человек, «подсадная утка» — что-то вроде живой мумии, чтобы отвлечь внимание, пока вас не увезет пространственник?

— Да, это так, — небрежно кивнул головой гигант. — Но думаю, теперь это не имеет никакого особого значения.

Для Райленда это имело очень большое значение. Кожа его покрылась мурашками… наверное, она была такой вот холодной и прежде, когда его еще не составили из разных частей и не оформили в виде человека. Он чувствовал отвратительную слабость в ногах.

— Что с тобой, Стив? — спросила Донна. — Ты так побледнел!

Он не мог объяснить ей, что «подсадная утка» был, скорее всего, именно он.

— Я надеялся, что вы сможете снять мое кольцо, — сказал он Дондерево. Это тоже был достаточно серьезный вопрос, чтобы объяснить его волнение. — Вы изучали на Земле медицину… может, вам удалось бы сделать операцию?

Дондерево начал уже отрицательно качать головой, но вдруг пристально вгляделся в Райленда. Потом бросил взгляд на Донну, снова всмотрелся в Райленда. Его лицо тоже дрогнуло и посерело под бронзой загара.

— Думаю, что можно попробовать, — неохотно сказал он. — Конечно, вы понимаете, что у меня нет опыта и того оборудования, которым располагали хирурги в орган-банке. При операции в таких условиях — без ассистентов, с помощью лишь походного оборудования, я могу вам обещать один шанс из четырех, что вы останетесь в живых, один шанс из пяти, что вы сможете ходить, даже если останетесь в живых.

Чувствуя, как кружится голова, Райленд облокотился о большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели стайкой и, мер-

цая, поплыли прочь.

— Однако, — с чувством пробасил Дондерево, — ты прав, Стивен, другого выхода нет. План может убить тебя за десять секунд — ракета всего в трех миллионах миль отсюда. Нажатие на кнопку и — пум! — транслируется твой кодовый импульс, и ты мертвец. А также я, — продолжал он чистосердечно, — и старый Куивера, и Донна. А поэтому ты совершенно прав, Стивен. Мы должны спасти тебя или погибнем все вместе.

— Что за операция мне предстоит, — спросил Райленд. — Я хочу знать.

Дондерево заколебался, потом начал объяснять. Его глубокий голос напоминал ворчание тигра, но руки были мягкими, как у девушки — Рон Дондерево, могучий Рон Дондерево произвел для Плана не одну операцию. Но на Земле, в орган-банке, объяснял он, имелось то, чего нельзя раздобыть здесь. Там были в достатке медсестры и ассистенты-хирурги (здесь он располагал только Донной и старым Куиверой). Склады были полны медикаментами и оборудованием. Здесь у него было только то, что удалось погрузить на пространственника. Этого хватит, конечно — если только все пройдет исключительно благополучно. Но резерва у них не было. Если

выйдет из строя кровяной насос, заменить его будет нечем. Там, в орган-банке, в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их было только четыре человека, и лишних частей или органов у них ни у кого не было. Сначала, объяснил Дондерево, нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда, которого перед этим подвергнет анестезии. Это будет довольно просто, учитывая почти полное отсутствие гравитации и микробов. Дондерево показал небольшую желтую металлическую трубку — распылитель полиантибиотического аэрозоля. Потом — скальпели, зажим, ретракторы, нити для швов. Уже стерильные и от самого их изготовления негостеприимные для какой-нибудь микроскопической жизни, эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров по требованию Дондерево. Лицо Донны побледнело, но она продолжала внимательно слушать Дондерево, глядя на блестящие инструменты. Она вздрогнула, когда Рон описывал, как скальпель проведет первую кровяную нить на шее Райленда, как раз немного ниже кольца воротника, но тут же справилась с собой. Ткани эпидермиса и лежащая за ними плоть будут рассечены и оттянуты назад, как

чулок на ноге. Красная плоть и белые мышцы будут быстро рассечены и ретрактированы. Большие трапециевидные мышцы придется рассечь, зажать и держать, — важно, чтобы они оставались под напряжением. Малый кровеносный сосуд шеи придется перевязать, большие сосуды — сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга — придется перевязать, перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу. Не потому, что собственное сердце Райленда перестанет работать, а потому, что запас крови в камерах искусственного сердца поможет ему справиться с постоянной потерей крови из каждого сосуда или капилляра. Потом настанет черед нервов — они будут осторожно препарированы, рассечены и присоединены к пломбам из органического серебра, которое только и сделало пересадку органов возможной. Нервные клетки плохо восстанавливаются у высших позвоночных, если не оказать им помощи. Органическое серебро — это тот «припой», который в виде сплетений тонких проволочек позволяет нервам сохранить проводимость. Иначе, когда будут рассечены основные шейные ганглии, многие участки тела Райленда начнут конвульсивно сокращаться. Затем очередь костей. Ультразву-

ковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость…

— Этого достаточно, — сказал Райленд, лицо которого уже превратилось в застывшую маску. — Я понял, больше не нужно объяснять. — Его глаза встретились с глазами Донны, он хотел ей что-то сказать, но не мог. — Начинайте, — сказал он. — Начинайте операцию.

Он шагнул вперед, лег на импровизированный операционный стол и терпеливо ждал, пока Дондерево и Куивера привязывали его. Потом Дондерево кивнул, и Донна шагнула вперед. Лицо ее вздрагивало, она едва сдерживала слезы. В руках она держала мягкую гибкую маску анестезатора, которая закрывала рот и нос. Он быстро отодвинул голову в сторону.

— Прощай, моя единственная, — прошептал он. — Но не навсегда. — Потом он позволил уложить маску налицо.

Кристаллические деревья поплыли на него. Маленький риф сложился, как бутон, и сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте, как в одном из странных цветков космического рифа…

И потерял сознание. Но мозг его продолжал

лихорадочно работать. Ему снился сон. Память его вдруг прояснилась. Окутывавший ее туман начал рассеиваться. Этот туман преследовал его с самой Земли. И сейчас он окутал все вокруг, холодный безмолвный, липкий. Он покрыл Рона Дондерево и Донну, исказил их фигуры и лица. Все вдруг переменилось, вывернулось наизнанку. Он больше не лежал в походной хирургической палатке. Теперь его держали ремни кушетки тераписта. Над ним склонились доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь нам, Райленд, — хрипел настойчивый голос Флимера. — Мы знаем, что в дверь к вам постучали, а телеграфистка вышла из кабинета за бутербродами и кофе. Мы знаем, что вы оставили свои бумаги на столе и пошли открывать дверь. Признайтесь, кто там стоял.

И вдруг он вспомнил. Каким-то образом анестезия восстановила утраченное звено. Это была не Анджела Цвиг! И это была не полиция Плана — они действительно пришли только в следующий понедельник. За дверью стоял худой мужчина в запятнанной кровью рабочей форме, сгибаясь под тяжестью набитого испачканного саквояжа, типичного полетного саквояжа космонавтов…

— Хоррок…

— Т-с-с!

Райленд впустил его в комнату и запер дверь. Хоррок бросил саквояж и тяжело оперся о стол. Он дышал с трудом. На губах выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную ленту на столе Райленда.

— Вы ранены, — сказал Райленд. — Я вызову врача…

— Это может подождать, — прошептал Хоррок. — У меня для вас сообщение… очень срочное. От… старого друга.

Райленд усадил его в кресло и выслушал сообщение. Хоррок задыхался, иногда было трудно разобрать слова. Его старым другом был Рон Дондерево. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на ненанесенном на карты астероиде, где корабль полковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы. Само сообщение потребовало от раненого Хоррока больших усилий и долгого времени для пересказа, а еще больше времени ушло, прежде чем Райленд разобрался в нем. В начале говорилось о Рифах Космоса и особой форме жизни — о фузоритах, которые эти рифы построили. Самым основным сообщением были сведения о пространственниках и их способе передвижения.

— Дондерево хочет, чтобы вы знали, — в пространстве тоже есть жизнь, — с трудом прохрипел Хоррок. — Это новый край для освоения, живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить… Нам необходим… двигатель… без реактивной тяги…

Во сне Райленд попытался объяснить раненому, что нереактивная тяга невозможна в соответствии с Третьим законом Движения.

— Неправильно… — прохрипел Хоррок. — Пространственники — они ведь летают! Дондерево велел… чтобы вы это знали… и еще одно. Ваш отец ему рассказывал… Эффект открытого края… — Хоррок закашлялся, обрызгав Райленда кровавой слюной.

— Простите! — прохрипел он. — Это означает, что замкнутый край освоения — замкнутое общество, как в Плане. Открытый край — это Рифы… — Он снова закашлялся, с трудом отвернувшись в сторону. — Это свобода, навсегда!

Райленду понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что все это значит, но когда он освоился с сообщением, он начал понимать, что случилось с его отцом. План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в развитии до пределов дальности полета ион-

ных ракет. Отец Райленда видел бесконечные возможности развития в освоении межзвездного пространства — но даже мечта об этом была предательством в замкнутом мире Плана.

— Дондерево знает Планирующего… Криири, — заключил свой рассказ Хоррок едва слышным шепотом… — Кажется, ему можно верить… он сможет понять, что человек важнее Плана… Если мы только покажем ему работающий нереактивный двигатель. Но он сказал… не доверяй больше… никому.

Передав сообщение, Хоррок отказался от помощи врача. Он позволил Райленду сделать ему укол эвабиотики из набора первой помощи, который Хоррок стащил с «Кристобаля Колона», а потом спрятался в комнате отдыха, опередив возвращение Анджелы Цвиг, которая пришла с подносом бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от Анджелы, Хоррок успел уже исчезнуть. В то, что ему сообщили, Райленд едва мог поверить, но Хоррок оставил свой испачканный кровью саквояж, Райленд вывалил содержимое на стол и вскрикнул от удивления. Здесь были большие светящиеся кристаллы-восьмигранники из углеродного коралла. Здесь были потрясающие стереофотографии Рифов Космоса,

пироподов и пространственников. Здесь была тетрадка с наблюдениями Рона Дондерево, доказывающими, что пространственники действительно летают, не используя реактивного противодействия. Вынужденный поверить очевидным фактам, Райленд начал работать. Как сказал Хорроку Дондерево, одного факта полета пространственника должно было хватить Райленду для поиска ответа на загадку нереактивной тяги, приняв это, вывести все остальное было уже легко. Как математик, он знал, что части уравнения должны равняться друг другу. Как физик, с другой стороны, он уже знал, что физически это уравновешивающее количество может быть неуловимым. Примером могло служить нейтрино, необходимое для уравновешивания ядерных реакций, то есть их уравнений. В его собственных уравнениях, описывающих создание нового вещества и расширения Вселенной, которое описывалось эффектом Хойла, новая масса вновь появившегося вещества была еще более неуловимой, чем нейтрино, потому что он даже не мог определить природу этой массы. И теперь он понял. Заключенная в простом факте полетов пространственников, истина была так проста, как дважды два — четыре. Неизвестное

количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, было наконец идентифицировано. Это была кинетическая энергия! Момент движения, заключенный в разбегающихся галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся вселенная! С удовлетворением профессионала он отметил, что Третий закон движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравновешивает эквивалентную энергию новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии и массы: $E=MC^2$. Последний множитель, квадрат скорости света, означал, что ничтожная масса была эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог определить свой «Х». Даже самый долгий полет пространственника добавляет неощутимо малое количество атомов водорода к тому облаку, что уже успела создать его жизнедеятельность. Запершись в своем кабинете, Райленд принялся за работу. Прилив возбуждения смыл всю его усталость и даже страх, который принес с собой Хоррок. Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в его уравнении позволило Райленду развить теперь целую теорию. Простое

преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентного моменту движения. Более сложными были вопросы материалов и конструкций, но к полудню в воскресенье он уже составил полное описание нереактивной тяги с эффективным усилием в полмиллиона тонн. Почувствовав внезапный голод и слабость, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Он доел последний засохший бутерброд из хлореллы, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле, вяло размышляя, как добраться до Планирующего Криири, не доверяя никому более. Он проснулся рано утром в понедельник. Шея затекла, и его мучили воспоминания о кошмаре, в котором он и Хоррок спасались бегством от полиции Плана. Он спрятал полетный саквояж за ящиком картотеки, сунул испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя и упаковал свои записи и стереоснимки в чемоданчик. За два часа до того, как должны были придти Анджела и Опорто, он поспешно покинул кабинет, выйдя в лабиринт серых туннелей, которые соединяли помещения компьютеров Планирующей Машины и рабочие помещения людей Планирующего.

Никому не доверяй больше…

В туннелях царили полумрак и пустота. Прохладный воздух с трудом вырывался из труб вентиляторов. Утренний час пик, передвижение клерков еще не началось, но время от времени он встречал ремонтника в сером комбинезоне. Как странно было напоминание о милях грунта и скал над головой, когда в руках его был ключ к звездам! Хотя Райленд никогда не бывал в приемной Планирующего, он знал дорогу. После того, как он вышел из автоматического лифта, его внимательно осмотрел охранник и взмахом руки разрешил пройти. На стене был предупреждающий плакат:

ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП!
ВХОД ОПАСНИКАМ ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ СОПРОВОЖДЕНИЯ!

Он не был опом. Шею его не обременял воротник безопасности.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил значок Райленда, потом выбил номер его на телетайпе. Райленд затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял глаза от отстучавшего телетайпа, и невольное уважение смягчило строгую

официальность его лица.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Он объяснил, что у него секретное сообщение для Планирующего Криири. Она попросила сообщить характер донесения. Когда он отказался дать пояснения, настаивая, что секретность слишком велика и говорить он может только с Планирующим, она направила его к старшему помощнику. Старший помощник оказался громадным, с выпученными лягушачьими глазами и синеватым лицом. На полированной дощечке на столе было впечатляюще начертано: «Генерал Рудольф Флимер». Выпученные глаза отличались цепкостью, в них читалось живое любопытство по поводу донесения Райленда. Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки с семьей. Несомненно, в конце недели он уже будет на месте, но и тогда вряд ли сможет выкроить минутку — слишком напряженно он работает. Хотя Планирующий Криири имеет полное представление о заслугах автора новых геликальных полей перед Планом, но обширность его обязанностей заставляет его перекладывать многие дела на подчиненных. Генерал Флимер

также намекнул, что те люди, которые выказывают недоверие помощникам Планирующего, редко имеют возможность лично встретиться с ним. Видя, что иначе ничего не добиться, Райленд с крайней неохотой оставил сообщение для Планирующего, указав, что речь идет о Роне Дондерево и новом двигателе для ракет. Генерал Флимер угрюмо пообещал ему дать знать, если Планирующий Криири решит принять Райленда. Когда Райленд вернулся в свой кабинет, стрелки часов уже миновали полдень. Следов Опорто и телетайпистки в кабинете не обнаружилось, словно они вообще не приходили на работу. Испачканный кровью саквояж по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телетайпа на пол свешивалась набежавшая лента. Он запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя.

Среди справочников на полке места не было. Щель между ящиком и стеной и так уже вызывала подозрение. В столе не было тумбочек и ящиков. Практически, мельком подумал он, План не предусматривал места для личных секретов и личных бумаг. Прятать описание было некуда… кроме собственной памяти. Он бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, когда в дверь

громко и требовательно постучали.

И снова в своем сне он был невольным гостем «центра отдыха», глубоко спрятанного под землей. Комнаты справа и слева были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. В терапевтическом кабинете мучался какой-то искусственный человек. Его создали хирурги из остатков тканей орган-банка. Привязанный ремнями, он бешено метался, пока не умер. Потом с хирургами покончили. Оставался только Хоррок в соседней комнате и Опорто в комнате напротив. Но он редко видел их, потому что большую часть времени его держали в терапевтическом, где недавно умер «составной» человек. Он был пристегнут к кушетке, шею сдавливал железный воротник, электроды впивались в дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо. Толстый терапист в белом халате склонялся над ним, хрипло повторяя вопросы тихим вежливым голосом.

Какое сообщение передавал ему Хоррок от Рона Дондерево?

Где обитают пироподы, фузориты и пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог бы отвечать, но кольцо раска-

ленным обручем сжимало горло, едва он пытался что-то сказать. Даже когда он был уже окончательно сломан и готов с радостью малодушия доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести ни слова. Они старались вытравить из него даже мечту о побеге.

Дондерево?

Рифы космоса?

Нереактивная тяга?

Мягкий настойчивый голос не замолкал, и агония Райленда продолжалась, пока все прошлое не исчезло в тумане боли и безумия. Даже когда воротник продолжал его душить, он уже не пытался говорить. Он даже не пытался думать. Его память была стерта.

Райленд пришел в себя. Яркий свет заставил его замигать, но он заметил, что над ним склонился человек в белом. Он не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Дондерево. Еще больше времени ушло, пока он вспомнил, что кристаллическое свечение и сияние пещеры естественны здесь, на рифе, настолько он был уверен, что увидит вокруг себя белые стерильные стены терапевтической. Он лежал на операционном столе. Привязные ремни были уже расстегнуты. Постепенно он вспоминал, что к чему. Это стоит Дондерево, а

девушка, которая повернулась спиной, — это, несомненно, Донна Криири, а другой человек — это… Вдруг он вскочил, широко раскрыв глаза. Потому что третьим в импровизированной операционной был не Куивера. Это был офицер Технического корпуса, и он наблюдал за Райлендом с хладнокровием кобры, приготовившейся к прыжку. Во внезапной судороге отчаянной надежды и страха руки Райленда метнулись к шее. Они коснулись привычного холодного закругленного воротника. Кольцо было на месте. Он по-прежнему оставался опом, и жизнь его зависела от прихоти любого охранника с радарным пистолетом или от поворота контакта в недрах далекой Машины…

— Что… — на миг голос перестал его слушаться, все еще в полусне он вспоминал волны шока, заставившие его забыть правду, которую он знал. — Что случилось?

— Мы опоздали, — с сочувствием сказал Дондерево. — Едва мы начали операцию, как пространственник почуял приближающийся крейсер. Он пробил воздушный пузырь рифа. Мы залатали твои разрезы, и вот теперь мы снова под опекой Плана Человека. — Бессознательно он тронул шрам на шее. — Мне очень жаль, что ты остался

с воротником, Райленд, — сказал он, — но если я не ошибаюсь, скоро я сам надену новый.

Девушка повернулась, и Райленд понял, что это была не Донна!

— Где Донна? — спросил он.

— Она в безопасности, — пробормотал Дондерево. — Насколько вообще человек может быть в безопасности под властью Плана. На крейсере ее отец. Она сейчас с ним.

— Могу ли я… — Райленду пришлось остановиться на секунду. — Могу ли я… их увидеть?

— Я скажу, что ты пришел в себя, — согласился Дондерево. Он направился к выходу, потом снова с сомнением повернулся к Райленду. — Я хочу тебя предупредить… От Криири помощи ты получить не рассчитывай. Он, собственно, уже не Планирующий. Он сам теперь носит воротник.

Райленд сидел на краю складного стола, закутавшись в простыню. В пещеру влетели Донна и ее отец. Хотя бывший Планирующий нежно улыбался дочери, лицо его было посеревшим и напряженным. Он был облачен в тонкую робу опасника. Хромированный воротник кольца холодно поблескивал, отражая свет кристаллов космической пещеры. Два офицера следовали за ним. Один из них был полноватый полков-

ник Техкорпуса. Рога антенны придавали ему мрачный сатанинский вид. Второй был сержант-связист, он прижимал к себе футляр портативного телетайпа. Донна взволнованно повторила все, что Дондерево уже успел рассказать Райленду.

— Я надеялась, — грустно сказала она, — что отец сможет избавить тебя от воротника.

— Мне не избавиться даже от собственного. — Натянутая улыбка Криири исчезла. — Как видите, положение изменилось. Наш старый друг генерал Флимер выполняет сейчас обязанности Планирующего. Я был переклассифицирован. И направлен в эту опасную экспедицию. — Он с неловким видом взглянул на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Это что за экспедиция, отец? — прошептала она.

— Она связана с Планом Человека, — сказал он. — Понимаешь, когда Машина получила доказательства бесчисленных возможностей развития и освоения жизни в Рифах Космоса, она подготовила проект второй ступени Плана. На этой ступени имеющиеся здесь в избытке природные ресурсы покончат с жестоким нормированием благ настоящего Плана. К сожалению, эта фаза не начнется, пока новый край освоения

не будет открыт для основной массы человечества, а для этого нужна нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза проницательно взглянули на Дондерево, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Техкорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности, — сказал он. — Надеюсь, вы знаете о многочисленных авариях силовых катушек нашей конструкции. — Его потухший взгляд вернулся к Райленду. — Флимер свалил все катастрофы на меня. В результате столь вопиющих ошибок в управлении я был смещен. Но я настоял на еще одной попытке найти секрет нереактивной тяги. У меня осталось достаточно власти, чтобы Флимер не мог помешать послать меня в эту экспедицию. Теперь это мое задание. Я видел, как навстречу крейсеру вылетели пространственники. Я должен знать, как они двигаются!

Но в голосе его не было надежды.

— Если Райленд не смог найти ответа, — сказал Дондерево, — то я сомневаюсь, что он вообще существует.

— Но… но я нашел его!

Воротник стал вдруг очень тесным. На мгно-

вение горло Райленда опять парализовало. Прежний туман начал сгущаться в его сознании. Он взглянул на Донну, на ее отца. Улыбка девушки, словно солнечный луч, пронизывала туман. Он вспомнил. Он мог говорить. Он описал свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полеты пространственников и расширение Вселенной. Он описал двигатель, который он запомнил, прежде чем полиция ворвалась в его кабинет в тот понедельник. Полковник, словно Сатана, наблюдал, как обсуждают они детали конструкции и диктуют сообщения сержанту-связисту. Потом они стали ждать, пока сообщение обрабатывала специальная секция Машины на борту крейсера. Шло время — радиоволны несли сообщение на Землю.

Райленд взглянул на взволнованное лицо Донны Криири — и вспомнил забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал, привязанный ремнями к кушетке тераписта, пока не умер.

Значит, он сам не был «подсадной уткой»! Значит, эта часть рассказа Анджелы была ложью!

Защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Дондерево

и Донна сгрудились вокруг сержанта, чтобы прочесть ленту. Полковник начальственным жестом велел держаться в стороне. Он начал сосредоточенно читать ленту, рука его потянулась к кнопке управления радаром. Но выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий, — в голосе его вдруг появилось дружелюбие, — я знал, что Флимер — не более как предатель, которому повезло. Теперь он наверняка получит по заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла в голове понимал, что нереактивная тяга должна быть создана.

Усмехаясь, он протянул руку Криири.

— Я рад первым поздравить вас, мистер Планирующий, и вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила оценку — предварительную пока — вашего изобретения. Она передала сообщение основному комплексу Машины на Земле, предупреждая о необходимости подготовить План Человека к переходу на вторую его ступень, на которой свобода и богатство космического пространства сделают строгие меры безопасности ненужными и невозможными. И, как первый шаг в претворении этого дела в жизнь, она транслирует радарный

импульс…

Райленд услышал, как в его кольце что-то щелкнуло.

Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса сделала шаг и оказалась в его объятиях Донна. Вместе выплыли они из пещеры в волшебное мерцание их маленького рифа. С одной стороны нависал громадный серый корпус крейсера Плана, который больше не был врагом. А за ним сияли звезды.

Звезды. Бесконечный, непочатый край для освоения человека. Пространство между солнцами, где постоянно рождается новый водород, создавая новые миры, подобно тому, как жажды свободы непрестанно рождается в сердце человека.

— Миллионы, миллионы новых миров, — прошептал Райленд.

И девушка сказала уверенно:

— Наши дети увидят их все!